

The book cover features a collage of forensic and crime-related imagery. At the top left is a close-up of a bullet casing with 'RIFLE' and '22' visible. The background is a mix of white, yellow, and red, with large, expressive red splatters and streaks. A black bullet casing is positioned vertically on the right side. In the center, there's a circular impact mark with radiating lines. Below it, another bullet casing is shown horizontally. To the left of the center is a red fingerprint. At the bottom right, there's a circular '16+' age rating. The overall aesthetic is gritty and forensic.

Павел Чук

ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ

16+

Павел Чук
Первый среди равных
Серия «Первый среди равных», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65507201

SelfPub; 2023

Аннотация

Пройдя через лес, Валентин хотел быстрее добраться до дома, но встреча с неизвестным стала судьбоносной, закинув в другую галактику. Начав службу простым гвардейцем, свершив немало подвигов, он предстаёт перед больным Императором и оказывается втянут в дворцовые интриги.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	60
Глава 6	73
Глава 7	87
Глава 8	100
Глава 9	113
Глава 10	126
Глава 11	138
Глава 12	151
Глава 13	164
Глава 14	177
Глава 15	189
Глава 16	201
Глава 17	213
Глава 18	227
Глава 19	240
Глава 20	252
Глава 21	265
Глава 22	281

Глава 23	293
Глава 24	306
Глава 25	318
Глава 26	331
Глава 27	342

Павел Чук

Первый среди равных

Пролог

Дверь с шумом распахнулась и я, оторвавшись от непри­жудённого чтения, уставился на посмевшегося нарушить уединение. Вся челядь в доме знала, что беспокоить хозяи­на по вечерам не стоит. И тем более удивился, распознав в идущем торопливым шагом старшего слугу.

– Ерис, что случилось?

– Энци¹ Валео Мирони...

«Ничего себе!» – подумал я, вставая с кресла. На моей памяти, а это немало двенадцать лет, как живу в уединении, вдали от столичной суеты, пожалуй, первый случай, что пре­данный слуга обратился официально: с титулом и полным именем, данным мне...

– ...пришло известие из столицы. Императрица Линесса Первая – скончалась!

Как стоял, так и сел обратно в кресло. Казалось, букваль­но вчера мы виделись, мило беседовали, а сейчас... Хотя,

¹ Энци – официальное обращение к дворянам мужского пола, принадлежащим к высшему сословию Империи. Эну – обращение к женскому полу.

сколько времени прошло с нашей последней встречи?! Десять? Одиннадцать лет?

– Когда? – только и смог выдавить из себя.

– Вчера утром. Сообщение о кончине Императрицы пришло буквально час назад, и я набрался смелости доложить немедленно.

– Правильно сделал. Подготовь всё для отъезда. Утром выезжаем.

Вновь остался один, но никак не мог отделаться от чувства, что происходящее какой-то жуткий сон...

«Сон?! – ухмыльнулся я. Разве не сон то, что за эти тридцать лет произошло со мной?! Со мной – Валентином Сергеевичем Мироновым, уроженцем села Смоленщина, что недалеко от Иркутска»...

Глава 1

– Валя! Сынок, просыпайся, – сквозь сон донёсся родной голос матушки, – отец уже собрался. Только тебя ждёт.

– Пару минут! Встаю! – встрепенулся я, вскакивая с кровати, и чуть не ударился головой о люстру, висевшую слишком низко, для моего метр девяносто пять роста. Отвык я от родного дома. Забыл. Но всё-таки, кто бы ни говорил, а армия, откуда я неделю назад демобилизовался, сотворила из меня настоящего мужчину. Это отец сказал, когда увидел меня при параде, в наглаженной форме и с большим чемоданом в руках.

Встреча, посиделки, причитания матушки, слились в один долгий, но приятный день, а сегодня утром я договорился с отцом пойти на рыбалку. Не всё же время водку пить и безобразие нарушать. Тем более, хотел спросить у него совета, чтоб было время и поговорить, и обсудить...

– Это место хорошее, здесь расположимся. Разматывай снасти, а я пока мотоцикл брезентом накрою, чтоб от росы не намок.

– Отец... – робко начал я.

– Позже, сын. Понял, что без матери поговорить хочешь, но давай сначала хоть снасти закинем, а потом, в тишине и над твоей проблемой подумаем.

– Для этого так далеко от дома забрались?

– Чем тебе река Олха не нравится? Я, когда на работе время есть, всегда на это место приезжаю. Благо, что вёрст всего пять до станции, а на мотоцикле, так за полчаса с работы сюда и обратно вертаюсь. Ни начальство, никто не знает.

– И часто?

– Куда, часто! За лето всего пару раз удалось порыбачить. На работе очередной аврал. Когда меня до мастера участка повысили, ну мать тебе писала... Письма то получал?

Я кивнул, а отец неодобрительно покачал головой. Так получилось, что за время службы смог написать только один раз, и то до присяги.

– ...так думал, что больше свободного времени станет, но нет. Всё, то плановые работы, то внеплановые работы. Железная дорога она такая, ну ты знаешь.

– Знаю, отец...

Неторопливо разложив снасти, я стал ждать удобного момента, чтобы рассказать отцу о желании уехать в Иркутск, учиться. Не скажу, что я из робкого десятка, но отца уважал, можно сказать, что побаивался, потому что, как он скажет, так и будет. Тем более, для него станет неожиданностью, что поступать я хотел не в технический ВУЗ, связанный с железной дорогой, а в институт МВД.

– Что, сынок, – разливая по кружкам чай из взятого с собой в дорогу термоса, нарушил молчание отец, – теперь можно и поговорить. Уезжать собираешься?

– Да, в Иркутск.

– Учиться – это дело... – не успел отец закончить фразу, как раздался оглушительный хлопок, да такой силы, что уши заложило, а по водной глади пробежала рябь.

– На переезде?!

– Не похоже, – ответил я, всматриваясь вдаль. Дыма или облака от взрыва не видно, а то, что такой силы может быть только взрыв, я уж точно знал. Всё-таки в части постоянной готовности службу проходил. От этого и не писал родителям, а про телефоны-смартфоны вообще на долгие месяцы забыть пришлось. Даже заставили сразу контракт подписать, не говоря про всякие подписки о неразглашении, как помню, на пятьдесят лет.

– Сынок. Ты, наверно, посиди тут. Порыбачь пока один, а я смотаюсь к станции, узнаю, что и как.

– Может позвонить?

– Здесь телефон не берёт, вышек нет.

– Хорошо, – ответил я, не зная, к чему приведёт моё согласие остаться в одиночестве. Думал, как раз подберу слова, чтобы рассказать отцу о своём намерении не продолжать династию железнодорожников. У нас ещё с моего прадеда все мужчины на железной дороге работали и я, будучи молодым, грезил, что по длинным, извилистым участкам вокруг озера Байкал, веду железнодорожный состав.

Отец уехал, а я остался один. Поклёвки не было и мне откровенно стало скучно. Ну, не фанат я рыбалки, если она

не ловится. Хотя, знал, что здесь рыба есть.

Солнце стало клониться к закату, а отца всё не было. Собрал снасти, взвалил на себя вещи и недолго думая, выбрал короткий маршрут: напрямки, через лес к железнодорожной станции. Всё на пару километров меньше идти, а если вдру разминёмся, оставил в пустой пластиковой бутылке от воды записку, что так и так, ушёл к станции...

«Зря, наверно, пошёл через лес!!!» – корил себя, углубляясь в чащу леса. Высокие кроны деревьев с трудом пропускали тусклый свет от заходящего солнца. В армии меня многому научили, в том числе без приборов ориентироваться на местности, но у меня складывалось впечатление, что блуждаю кругами. Словно кто-то издевается, отвлекая внимание, задурманивая разум.

По моим подсчётам, затраченному времени и средней скорости движения по лесу, я примерно час назад должен был выйти к железнодорожному полотну, это как минимум, но уже третий час блуждал, оставляя метки на деревьях, силясь понять, что происходит. Изредка останавливался, прислушиваясь, надеясь услышать грохот проезжающего поезда, но тщетно. Ещё из головы не выходило, почему отец не вернулся, почему не послал кого-нибудь забрать меня, ну или как предупредил, что не приедет.

«Видимо, что-то серьёзное случилось», – отгонял от себя мрачные мысли, как вдалеке увидел зеленоватое свечение.
– Дошёл! – обрадовался я и ускорил шаг. Может уста-

лость, и долгое блуждание по лесу не насторожили, почему свечение «зеленоватое». Ведь, если это отблеск светофора, то увидеть его через чашу леса невозможно, а тут так ярко, словно горит костёр, но отблески не красновато-оранжевые, а зелёные.

От того, что скоро выйду к цивилизации, открылось второе дыхание, и я пошёл напролом, не замечая воцарившуюся тишину. Когда в очередной раз неловко наступил на подсохшую ветку, обратил внимание, что не слышу хруста. Резко остановился, припал на одно колено. Вял с земли ветку. Прямо около лица разломил её и прислушался. Но вместо хруста, на грани слуха, донёсся тихий стон.

– Кто здесь?! Помощь нужна? – крикнул, но не узнал своего голоса. Будто говорил в воде, и хорошо поставленная речь показалась набором булькающих звуков.

«Что за чертовщина!!!» – встревожился не на шутку. То, что стон мне не послышался, я был готов голову дать на отсечение, а то, что других звуков не слышу, так этому объяснений у меня не нашлось.

Сбросил рюкзак. Достал аптечку, нож... вот фонарика с собой не было. Скорее всего, у отца в мотоцикле остался, а смартфон давно разрядился.

– Есть кто? – повторил вопрос, но вновь не услышал своего голоса.

«Та-ак. Стон вроде слева доносился и, вероятней всего, не издалека», – сориентировавшись, повесил на ветку рюк-

зак и шагнул в темноту. Идти нагруженным не хотелось. Основное, что может понадобиться я взял с собой. Тем более, рюкзак имел светоотражающие элементы и был хорошо заметен в темноте, в чём я не преминул убедиться, обернувшись назад. Зеленоватое свечение давало достаточно света, чтобы рюкзак служил ориентиром.

Осторожно ступая, продвигался вперёд, осматривая поверхность. В очередной раз, когда обернулся назад и не найдя ориентира, уже хотел возвращаться, как буквально в полуметре услышал стон, доносящийся откуда-то снизу из ложбины.

«Ещё б пару шагов и свалился», – нехотя признался сам себе.

– Э-эй!!! – не надеясь на ответ, выкрикнул, всматриваясь вниз и к удивлению, слова разнеслись по лесу, нарушая давившую тишину, а ложбинка засветилась тусклым светом.

– Подсвети! Сейчас спущусь, помогу!

Пологий спуск и, не удержавшись, я съехал вниз, во что-то липкое вляпавшись рукой.

– Мать честная!!! Сколько кровищи! – вырвалось у меня, когда немного осмотрелся, а глаза привыкли к тусклому освещению. Склоны, основание ложбины в крови, а в центре, заслоняя источник света, в неестественной позе, с вывернутыми в обратную сторону конечностями, замерла частично разорванная туша медведя.

«Старый. Лет сорок ему. Давно не слышал, чтобы медведи

нападали на людей. Или это браконьер, или охотник?!»

Я обошёл тушу медведя и... замер. Под ней, придавив своей массой, лежал человек с развороченной нижней челюстью. Половина туловища находилась под тушей, а голова и торс сильно запачканы кровью, но что-то в нём было ещё необычное.

«С такой раной не живут, – первое, что промелькнуло в голове, – да и фонаря не видно, такое ощущение, что одежда светится».

Погребённый под тушей свободной рукой, подал знак. Я подошёл ближе.

– Говорить не можешь? – в ответ услышал приглушённый стон. – Как же тебя угораздило?! Сейчас, потерпи. Вколю обезболивающее.

Но жестом получил отказ.

– Дело твоё. Сейчас я найду палку, и рычагом попробую поднять тушу. Выползти сам сможешь?

«Дурень!!! Куда сможет?! У него, небось, и позвоночник сломан, как только в сознании такую боль терпит».

Провозился я полчаса, пока нашёл достаточно крепкую и длинную палку, пока подготовил подпорки, чтобы вставить под тушу и вытащить раненого. Всё это время меня терзали сомнения. Я в мыслях гонял один и тот же вопрос: кто это?

Как успел рассмотреть, на раненом, вроде, лётный высотный комбинезон, но цветовая раскраска мне показалась незнакомая, сине-зелёного цвета, а ещё взгляд...

– Очнись! – вывела из состояния затуманенного сознания, команда.

– Где я? – спросил, оглядываясь по сторонам. Вместо леса – гладкие стены, источающие приятный, приглушённый свет. Дышалось легко, словно после грозы, а в центре круглой комнаты тот человек, которого совсем недавно, вытаскивал из-под туши зверя.

– Здесь... – промелькнуло в голове.

Человек, в таком же, но чистом комбинезоне и без видимых ран произвёл пасс рукой, и в паре шагов образовалось кресло. Я присел.

– Благодарю тебя, интресса, что помог.

В голове роились мысли. Я не успевал сформулировать вопрос, а уже получал на него ответ.

– Интресса – это научное наименование жителей, населяющих планету, которую называете Землёй. Нет, вы не коренные жители, а эксперимент... Зови меня Мегис. Я – один из наблюдателей, прибыл на планету с научной миссией. По воле рока или по злему желанию, корабль потерпел крушение. Да, ты слышал хлопок... Успокойся!!! С твоим отцом и другими... людьми всё в порядке... Я сам удивлён, что ты смог меня найти. Работали поля преломления... Мой дом очень далеко отсюда – это ближе к центру Галактики... Да, много рас во Вселенной и только единицы достигают уровня, когда возможен контакт... Почему? Глупый вопрос, – мне показалось, что этот... инопланетянин рассмеялся, – как думаешь,

если бы первыми не европейцы приплыли в Северную Америку, а коренные жители континента, что было? Правильно, уровень развития Цивилизации оказывает влияние на возможность контакта. Диалог возможен только с равным, и то не всегда, а по-иному – война!

Мегис говорил, точнее мыслиеобразы продолжали возникать в моей голове, но я уже не обращал внимания на поток информации. Я осознал, почему не помню деталей, как вытаскивал собрата по разуму. Как, куда нёс его искалеченное тело. Не помнил, как очутился внутри космического корабля. Не помнил, как уложил его в медицинскую капсулу, не помнил до того момента, пока не услышал приказ: «Очнись!», и всё из-за того, что он взял меня под контроль, сделал управляемой куклой. И если бы он не захотел, то я б и не помнил ничего, а очнулся опять в лесу, поплутал немного и выбрался к людям. Но нет!!! Он захотел, что захотел???

Теперь меня мучил только один вопрос, на который пока так и не получил ответа: почему вернул сознание? Зачем я – простой землянин, нужен такому могущественному существу, против которого я абсолютный нуль?!

– Это два вопроса, но попробую ответить, – вновь зашелестело в голове, – и не надо меня сравнивать с Богом. Это понятие для вас непостижимо и имеет совсем иное значение... Я – Мегис Вениро Сентори Инганта воспитан в семье, как принято у вас, землян, и для меня: «честь», «долг», «благодарность» не пустые мыслиеобразы, а закон. Ты вольно, или

не вольно, но помог мне не погибнуть от лап животного, которого по неосторожности не заметил, и хочу отблагодарить тебя... Нет, суперспособностей я тебе не дам, – вновь распознал иронию, – стань моим гостем. Тем более, что мы уже на полпути к моей родной планете... Нет, я не собирался тебя похищать. Такова программа корабля. Он просто выполнил свою функцию, восстановил свою целостность и, обнаружив, что остался без дееспособного капитана, отправился назад. Но, мы отвлеклись. Я предлагаю в дар тебе самое ценное, что есть во Вселенной – это Информация! Знания, которые ты постигнешь, не сделают тебя богатым, знаменитым, но ты на целый шаг приблизишься к пониманию сущности Вселенной...

«Зачем мне знания, которыми я не смогу воспользоваться? – словно метеор пронеслась мысль в голове, – а если воспользуюсь, то точно в дурку загремлю. Лучше бы супермегаплюшку какую подарил, например, как у Росомахи...».

Не знаю, почему в этот момент мне в голову пришло сравнение с вымышленным персонажем одной из киношных вселенных, но возникшая пауза меня озадачила. Я, не мигая, смотрел на Мегиса, а он на меня. В голове пустота. Никаких посторонних мыслей, только личные «тараканы» судорожно, на старинных костяных счётах проводили подсчёт: сколько времени прошло с того момента, как оставил висеть в качестве ориентира свой рюкзак?

– Время нелинейно, – как-то разочарованно прозвучал от-

вет.

«М-да. Как же я такой убогий сумел ввести в ступор существо, стоящее на несколько ступенек выше на лестнице эволюции».

– Ладно, это твой выбор. Ляг в медкапсулу. Как в твоих мечтах не будет, но тело станет быстрее, выносливее, сильнее, да и образование нейронных связей обновлю, чтоб память улучшить.

Мегис отдал мысленный приказ, и открылась ниша, где располагалась медкапсула. Поняв, что надо скинуть с себя одежду, погрузился в наполненное вязкой жидкостью нутро аппарата. Крышка закрылась. Я провалился в забытьё...

Оглушающий вой привёл в сознание.словно мерзкий будильник зазвонил, прямо в голове. Сквозь закрытые глаза замерцали красные, оранжевые, синие огоньки вспышек. Я силится их открыть, осмотреться, или... проснуться. Неужели сплю? Меня трясёт. Конечности сводит судорогой, а я не понимаю, что происходит. Вокруг темнота. Ощущаю толчок... Чувство невесомости... Холод и... полёт... Мышцы напряглись. Стало трудно дышать, а я так и не могу открыть глаза. Веки словно налились свинцом. Челюсти сжались до такой степени, что ещё чуть-чуть и начнут крошиться зубы...

Темнота беспомощности не отпускала. Я блуждал в потаённых уголках своей памяти и собирал волю, чтобы открыть глаза. Боль от запредельной нагрузки постепенно уходила. Я пошевелил ногами, руками, разогнал застоявшуюся кровь.

По ощущениям понял, что продолжаю лежать.

«Что это было?» – несколько раз посылал мысленный вопрос, но ответа от Мегиса не последовало. В памяти, красочной картиной, всплывали моменты общения с инопланетным существом, и сомнений в достоверности воспоминаний у меня не возникало.

«Хватит лежать бревном! Руки и ноги целы. Голова, вроде уже не болит, так вставай!» – отдал себе приказ и открыл глаза.

Глава 2

– Что за чертовщина!!! Мегис, ты где?! – возмущался я, в очередной раз, пытаюсь понять, что произошло.

Открыв глаза, я обнаружил, что продолжаю лежать в медицинской капсуле, но самое неприятное, это то, что сама капсула медленно погружается, как понял, в болотистую почву. И куда ни глянь, вокруг только деревья.

– Может меня уже вернули на Землю?

Вероятность паранойи я сразу отмёл. Всё-таки капсула материальное подтверждение, что встреча с инопланетным существом состоялась, и мне это не привиделось, но самое неприятное – я голый, то есть совсем без одежды, и вдобавок вокруг болото.

Капсула продолжала опускаться и времени на раздумье не осталось. Я вооружился жердиной, вынул, что смог из ниш внешнего корпуса капсулы и плюхнулся в зеленоватую жижу. Шёл долго, прошупывая жердиной каждый сантиметр, но только под вечер выбрался на твёрдую поверхность и рухнул от усталости. Но сознание вопило, что надо встать, развести огонь, обогреться.

– Так, первое – это костёр!!! – подбадривал, говоря сам с собой, распаковывая небольшой водонепроницаемый свёрток, взятый из ниши капсулы.

– Какие-то пилюли в коробочке, вроде нитка. Опять коробочка... ага! В ней шприцы. Что тут ещё? А ничего нужно-го!!! Ни ножа, ни сухого белья, ни спичек! – раздосадованный, отшвырнул содержимое.

Меня трясло от холода. Руки дрожали, и я с трудом раскручивал палочку, приспособленную для разведения огня, но у меня ничего не получалось.

– Ладно. Надо посмотреть ещё раз, что в свёртке. Может, найдётся спирт или вата, например.

Подобрал содержимое и повторно осмотрел каждую доставшуюся мне инопланетную штукину. Обёртку одной из коробочек разорвал и использовал для разведения огня и... счастье! У меня получилось добыть огонь путём трения. На теоретических занятиях в армии учили, как добывать огонь, но, то была теория, а на практике проблем с его добычей не было. С собой, даже внезапно поднятые по тревоге, и выброшенные в незнакомой местности, всегда каждый имел при себе и пару коробок спичек, и минимум одну зажигалку, снабжённую фонариком.

«Эх, хорошие времена были!» – размышлял, обогреваясь возле костра. Я соорудил что-то подобное лежанки, выложил землю лапником. Конечно, обнажённым лежать – колко, но пока ничего не придумал.

– Сейчас, если судить по времени суток, как раз время отбоя. На ужин, скорее всего, давали кашу с подливой и мясом, и сырники, – только подумал, как желудок предатель-

ски заурчал.

– А поесть не помешает. Неужели в найденном барахле нет ничего съестного? Хотя, откуда?! Это же не аварийный запас, – размышлял, вновь перебирая скудные пожитки, – тут только непонятные медицинские принадлежности. Читать-то не умею, а пробовать и потом мучиться с приступами от применения неизвестных веществ, равносильно смерти. Из курса боевой подготовки вспомнил правило трёх: три минуты без воздуха, три дня без воды и три недели без еды. Как говорил преподаватель, это конечно самый экстремальный вариант. Не каждый даже подготовленный человек выдержит три минуты без воздуха. Нас даже заставляли тренировать задержку дыхания, но больше минуты двадцать мне продержаться не удавалось. Не помогали и тренировки – это оказался мой физический предел, а вот без еды я продержался дольше всех. Как-то проводили тренировку – голодный пеший марш. Конечно не три недели, но десять дней поголодать пришлось.

Взгляд задержался на одной из коробочек, которую я в порыве гнева откинул дальше других. Она отличалась от остальных не только формой – была похожа на шкатулку, в которой хранила ценные вещи: письма и всякую мелочёвку моя мама, но ещё на ощупь она оказалась тёплая.

– Наверно, от костра нагрелась, – хмыкнул я и попробовал открыть, но крышка не поддавалась. Уже хотел разбить её обо что-нибудь твёрдое, высматривая в сгущающейся ночи

камень, как в голове зазвучал голос Мегиса, и проявились мыслеобразы:

– Интресса! Слушай и запоминай! На корабль напала неизвестная раса! Нас преследуют! Я попробую увести их как можно дальше от обитаемых миров, но, видимо, мне это сделать не удастся. Сигнал бедствия и предупреждение я подал, но отзыва о приёме так и не получил. По маршруту осталась только одна кислородосодержащая планета, а оторваться от преследования мне не удаётся. Ты до сих пор в медицинской капсуле. Процедура, выполняемая аппаратом, ещё не завершена, а прерывать её нельзя. Чтобы у тебя появился шанс выжить, мне придётся выбросить медкапсулу... Не бойся! Она приспособлена выполнять функцию и спасательной, но дальше тебе придётся действовать самому. И ещё, как медицинская программа закончится, всё, что обещал тебе в дар, ты получишь...

Я сидел, замерев, словно истукан. Такого поворота событий я не ожидал.

– Это не Земля?

– Нет! – прозвучал ответ в голове, – это Массана, местное наименование планеты. Их язык не сложен, схож с земными. С учётом того, что ты стал умнее, быстрее, сильнее, то выучить язык для тебя не составит труда.

– Мегис, ты? – почему-то не поверил мыслеобразам. Как-то быстро и живо коробочка мне ответила на вопрос.

– Это не Мегис, а ИНАУ² четвёртого поколения, способное отвечать на вопросы, записывать-воспроизводить мыслеобразы, текст, речь, музыку, звуки, синтезировать запахи...

– Подожди!

– Жду. Но предупреждаю, энергии в элементах питания осталось на две секунды.

– Две секунды, это сколько? – вслух размышлял, а потом добавил, – в земных величинах.

– Примерно тридцать шесть минут.

«М-да, – почесал в затылке. – Как мало времени и как его использовать с пользой?»

– ИНАУ, чем за это короткое время ты сможешь мне помочь? Как понимаю, возобновить заряд элементов питания на этой планете не удастся?

– Валентин, вы правы. Производство элементов питания на иридиевой основе в ближайшее время на планете наладить не удастся. Нет ни теоритических, ни практических работок. Но я рекомендую не тратить впустую энергию.

– Так что предлагаешь? – сомневался сделать выбор самостоятельно.

– За оставшееся время я могу научить языку и дать познания на уровне пятого-шестого года местной системы обучения. На большее не хватит энергии, но с учётом личных

² ИНАУ (здесь) – Интерактивное устройство записи-воспроизведения, наделённое искусственным интеллектом для поддержания разговора.

знаний, этого достаточно, чтобы не сильно выделяться на общем фоне аборигенов. Если вы согласны, то ложитесь в капсулу.

– Так она, это... в болоте, тонет.

– За полчаса не утонет. Не теряй времени. И не забудь взять меня с собой и установить в нишу подключения.

Коробочка открылась, и внутри оказался неправильный конус с множеством бороздок. Немного поколебавшись, взял его в руку и побрёл обратно в сторону болота...

Сыро, холодно. В памяти мгновенно всплыло, что капсула, в которую мне пришлось вновь лечь, погружается в пучину болота. Рывком открыл глаза.

«Процедура обучения прошла? Или нет? К чёрту! Это сейчас не главное».

Через прозрачное окошко капсулы виднелась только мутная жижа. Сделал три глубоких вдоха и нажал на кнопку открытия. Мутная, вязкая вода хлынула внутрь.

«Какая вода холодная. Так и заболеть не долго. Ещё подхватить воспаление лёгких не хватает», – думал, ожидая, когда объём капсулы заполнится водой, чтобы более или менее легко выбраться на поверхность. К счастью, капсула не глубоко погрузилась и я, уже умудрённый опытом неоднократного блуждания по одному и тому же маршруту, быстро добрался до берега и рухнул без сил на импровизированную лежанку. Мысли продолжали роиться, сплетая причудливые образы. Я балансировал между сном и явью, словно во вре-

мя трансцендентальной медитации.

Давно, когда в школе занимался боксом, мне эту нехитрую технику погружения в изменённое сознание показал тренер. Я почему-то очень долго восстанавливался к боям, а в день хоть на местных, хоть на областных соревнованиях в моём лёгком весе приходилось выходить на ринг по три-четыре раза за день. Как же я завидовал тяжеловесам! В их весах едва набирались две пары. Как-то проиграв очередной турнир, не выйдя даже в одну восьмую финала, хотя соперники были по силам, состоялся серьёзный разговор с тренером. Нет, он не кричал, не возмущался, не требовал объяснений, почему на ринге выглядел, словно дохлая муха, а долго, пристально смотрел в глаза, будто испытывал. Но взгляд я не отвёл. С того самого дня во время перерывов между боями я начал применять технику медитации. Это, показанное тренером умение быстро восстанавливаться мне помогло и в армии...

Плавный выход из изменённого сознания. Пошевелил кончиками пальцев ног, рук, сосредоточился на дыхании и медленно открыл глаза. Местное светило уже поднялось на небосводе, но сквозь мощные кроны деревьев свет еле пробивался, оставляя в полумраке чащу леса. В животе заурчало.

«Поесть не помешало бы», – в очередной раз подумал, и в памяти всплыли найденные коробочки, а сознание подсказало, что это и есть концентрированная пища.

– А всё-таки молодец этот ИНАУ! В память добавил и знания по составу того, что находилось в капсуле, – читать, как ни пытался разобрать незнакомые завитушки я так и не научился, но беря в руку то одну, то другую коробочку или свёрток, память подсказывала, что в нём находится, и как использовать. Вот с одеждой оказалось намного сложнее. Её наличие в аварийном запасе не предусматривалось. Предполагалось, что эвакуированный будет или в скафандре, или в иной более или менее нормальной одежде. Но случилось так, как случилось.

Не торопясь проглатывать, я смаковал во рту вязкую субстанцию и строил планы на ближайшее время. Первое, что поставил себе на исполнение – это раздобыть хоть какую-нибудь одежду. Второе – выйти к людям. Третье – легализоваться в этом мире. Радовало, что полученные от ИНАУ знания постепенно, по мере надобности проявляли себя. Я сориентировался на местности и мысленно проложил маршрут, в какую сторону лучше двигаться. Но настораживало другое: мне предстояло пройти примерно две сотни километров по пересечённой, болотистой местности и из земного опыта знал, что такая огромная территория не может быть без животных-хищников. И ещё, как унести всё то, что пригодится в пути, хотя бы те же тубики-шприцы с пищей?! В руках?

– Беда-а, – промычал я, оглядывая окрестности. К моему разочарованию ничего не поменялось. Только корпус капсу-

лы полностью скрылся в болоте...

Целых два дня я потратил на подготовку к походу. Сделал из жердины подобие копья, заострив остриё на костре. Сплёл из тонких прутиков подобие корзины, но дольше всего провозился с набедренной повязкой и обувью. Идти, светя своими прелестями, не хотелось, да и на босу ногу ходить по лесу то ещё издевательство над своим организмом...

Окинул взглядом ставший родным лагерь. Не скажу, что удалось его обустроить в лучших традициях голливудских фильмов, но наступило время покинуть обжитое убежище. Именно сегодня настал этот судьбоносный день. Дальше оттягивать трудный поход не имело смысла. Шприц-тюбиков с едой у меня осталось дней на десять, а если растянуть, то недели две протяну. Но с водой проблемы. Обследовав окрестности, не удалось найти источник чистой воды, а пить болотную жижу не стал, тем более что кипятить воду было не в чем. Спасала только питательная субстанция из тюбиков, одновременно утолявшая голод и жажду.

– Что ж, пора в путь! – последний раз осмотрел себя, проверил, что ничего не забыл и двинулся в дорогу.

Шёл, осторожно ступая, проверяя впереди себя дорогу длинной палкой с заострённым наконечником. Копьё, конечно, получилось не очень, но на большее мне не хватило ни знаний, ни умений. Через плечо перекинута сплетённая из тонких прутьев корзина, куда собрал оставшиеся коробочки со шприц-тюбиками и всякую мелочёвку, что посчи-

тал пригодятся в пути. На ногах, сооружённые из разломанных коробочек и обвязанные в несколько раз некое подобие сланцев. Да, это не кроссовки, не сапоги, тем более не «берцы», но всё лучше, чем идти по лесу босиком, а из одежды на мне только набедренная повязка из обрывков свёртков. На поясе главная гордость – заточенная на камнях пластина из крышки раскуроченной шкатулки. Хоть плохенький, но режущий инструмент теперь у меня имелся. Из-за тщательных приготовлений пришлось задержаться дольше, чем планировал. Вот такой из меня получился потерпевший крушение пришелец из космоса!!!

За первый световой день преодолел примерно километров шесть. Идти оказалось значительно труднее, чем предполагал. Бурелом, густой кустарник мешали держать темп, и пару раз приходилось обходить участки болотистой местности. Ну, не рискнул я идти через болото.

– Таким темпом, недели две идти, – размышлял, расположившись на ночлег. Сон не шёл, и я копался в памяти, выискивая информацию о планете и её коренных обитателях, как незаметно для себя провалился в забвенье.

Пришёл в себя от резкого, неизвестного запаха. Открыл глаза и тут же схватился за лежавшее рядом копьё.

«Дурак!!! Расслабился, что зверей нет! А ведь предполагал, что в таком отдалённом от людей месте они не пуганы и чувствуют себя хозяевами!»

В нескольких метрах, за деревьями, слышал тяжёлое ды-

хание и невнятный рык. Разглядеть, кто там подкрадывается не получилось и я, не искушая судьбу, взобрался на ближайшее дерево.

«И почему сразу не додумался ночевать на дереве?!» – укорял себя за непредусмотрительность, как ствол дерева сотряс мощный удар. От неожиданности я чуть не сорвался вниз и крепче вцепился в массивную ветку.

Второй удар о ствол и рык не стал неожиданностью, но холодок страха пробежал по коже.

«Кто ж это такой ретивый?» – вслух говорить не решался, а изворачиваясь, пытался рассмотреть существо, которое с невиданным упорством ударяло в массивный ствол. Став на задние лапы, оно с силой ударяло в дерево, непрерывно рыча. Его морда издавала такие грозные звуки, что мурашки бежали по коже, а ещё запах... резкий, непонятный, такой, что память ни как не могла отыскать аналогию.

«На медведя похож, вроде, только морда вытянутая, – присмотревшись, сделал неутешительный вывод, – метра два с половиной в холке. Может молодой ещё. Хотя, если он тут не один, то мне хана. Долго на дереве не удержусь. Ещё, во-он какие когти, вдруг попробует взобраться?!»

Загруженное в память знание нового мира подсказало, что существо, с остервенением пытающееся достать добычу в моём лице, местные называют «самнита». И это взрослый, скорее даже старый зверь, который проиграл бой за главенство и его выгнали из семьи.

– Уходи! Я не вкусный!!! – выкрикнул после очередного удара.

Зверь, видимо не ожидая такой наглости, прекратил терзать ствол дерева и, встав на четвереньки, чуть отошёл. Я обрадовался, но радость была недолгая. Самнита обошёл вокруг дерева, и я сначала слышал журчание, а потом почувствовал невыносимую вонь.

– Тварь!!! Пометил. Теперь точно не уйдёт, – с сожалением понял я.

Обхватив ногами ветку, распластался на пузе, сжимая копыё. Хотел достать до морды злобного зверя, но копыё оказалось коротким.

Забрезжил рассвет, а я продолжал висеть на дереве. Зверь не уходил, что я не предпринимал: и кричал, и кидал вниз, что попадалось под руку, и справил малую нужду на морду зверя, но ничего не помогало. Только обозлило самниту. Он, видимо, учуяв посягательство на его добычу, пробовал подняться по стволу вверх, но тут пригодилось копыё.

– Что? Съел?! Ещё раз попробуешь забраться, глаза тебе выколю!!! – выкрикнул после очередной неудачной попытки зверя достать меня. Но равновесие казалось шатким. Долго на дереве я не просижу и тратить попусту шприц-тюбики с едой, не приближаясь к цели, выглядело безумием.

– Надо что-то делать. Эта скотина не уйдёт, а висеть на дереве... Сколько продержусь? Ну, ещё день, может два. Расходовать еду без толку – плохая затея. Неизвестно, что в пу-

ти произойдёт и сколько идти? А если ошибся, не правильно усвоил знания и иду не в ту сторону?!

Очередной рык вывел из раздумий. Зверь, словно потеряв терпение, избрал другую тактику. Он, вгрызаясь своими мощными когтями в землю, с невероятной скоростью, принялся подкапывать дерево и буквально через несколько часов обнажились корни, и оно пугающе зашаталось.

– А-а-а!!! – с криком я рухнул вниз.

Глава 3

За время падения перед глазами пролетела вся жизнь... Я лежал, не в силах пошевелиться, только до хруста костяшек пальцев сжимал в руке копьё, а по мне текла горячая, вонючая жидкость. Прислушался. Тишина. Ни звука. Лес словно вымер.

«Вроде цел, – промелькнула мысль, – только бок болит».

Бросив сжимать копьё с трудом поднялся, осмотрелся. Острый конец моего орудия убийства глубоко, на треть, вошло в основание черепа, пришпилив самнита к земле. Не веря, пнул мохнатое чудовище ногой.

– Как это я хорошо извернулся. С одного удара эдакое чудовище завалил.

Собирая разбросанные от падения вещи, обошёл кругом труп зверя.

– Интересно, а его есть можно? Это ж сколько мяса пропадает? Медведя я точно знаю, едят.

Как не пытался извлечь из памяти съедобен самнита или нет, но у меня не выходило. Не давали в общем курсе такие знания о звере, но и что он непригоден в пищу, тоже не всплывало в памяти.

– Ладно. Всё равно одежда, хоть какая-то, но нужна. Шкура-то плотная, тёплая. А то по ночам прохладно становится,

а сколько ещё мне идти таким темпом? Считаю, два дня потерял, а сколько ещё сидеть тут и разделывать тушу? Мастерить хоть накидку и обувь нужно обновить. Совсем развалилась...

Целых три дня потратил на разделку туши, пока заострённый обломок крышки совсем не сломался. Сколько за это время натерпелся?! Сколько времени впустую потратил?! В теории я знал, как разделывать тушу, но на практике всегда этим занимался отец. Я только ему помогал, да и инструмент никудышный. Ни толком ножа, ни шкуродёра. Вот и возился с ней очень долго. Но смастерил чуни. Обмотал ими ноги и сделал надеваемое через голову пончо, а вот с сумкой пришлось повозиться, но смастерил, используя гибкие ветки растений в качестве ниток. Конечно, долго такая конструкция не продержится, но деваться некуда. Не оставлять же приготовленное на раскалённых углях мясо, которое на мой вкус оказалось слишком жёстким, но достаточно питательным зря пропадать...

«Сколько иду? Пятый, восьмой день? А из чащи так и не вышел. Вокруг бурелом и непроглядная темень», – думал, считая шаги.

Шприц-тюбики с едой давно закончились. Да и мяса осталось всего пара ломтиков. Приходилось часто останавливаться, перевязывая чуни, которые не выдержали долгого перехода, а сумка, та и вовсе развалилась. Пришлось свернуть свёрток и нести свой скудный скарб в руке, но бдительность

я не терял. Постоянно оставаясь на стороже, не выпускал из другой руки копьё. К радости, или горю, но за эти долгие недели пути мне ни разу на глаза не попался ни один зверь.

«Может лес вымер? Эпидемия или пожар? Куда все подевались?» – знание этого мира, да и опыт земной жизни подсказывал, что такого не может быть. В диком, а что лес дикий сомнений не вызывало, много всякого рода зверюшек. Если взять, как пример Землю, то это и белки, и зайцы, и всякие хищники, а тут...

Остановился. Без поддержки инопланетной едой организм не выдерживал долгого напряжения, а ещё жажда. Безумно хотелось пить. Но ни ручейка, ни тем более речки мне не встречалось. Даже погода словно воспротивилась тому, что я упрямо иду в одном, только мне ведомом направлении. Стояла невыносимая жара и ни облачка.

– Хоть бы дождь пошёл, – сел под деревом, переводя дух, – что-то сам с собой часто говорить начал. Ладно, надеюсь не схожу с ума, да и попрактиковать новый язык необходимо. Очень хреново преподают у местных географию, никак не вспомню, есть ли тут речка или ручей? Хотя, ручей-то точно на картах не обозначат, но речка, если рядом стоит селение или посёлок, должен быть. Как строились на Земле самые крупные, значимые города? Возле речных путей или на морском побережье. Здесь что, не так?! Точно знаю, что там должно быть селение, крупное или нет, не могу сказать, но если о нём упоминается, то, скорее всего, крупное. Так поче-

му нет реки? Или я не так выбрал маршрут? Или этот ИНАУ что-то не так рассчитал?!

Так, рассуждая сам с собой, я просидел до вечера, борясь с ленью. Перекусил ломтиком мяса и уснул. Снилось Земля, мать, отец... как они там? Переживут ли мою потерю? Как ни как единственный сын сгинул, пропал.

Разбудил резкий трубный вой. Я встрепенулся и вскочил на ноги, толком не отойдя ото сна. Завертел головой, прислушиваясь.

– Люди? Не могут так звучать звериные возгласы.

Трубный вой повторился.

– Туда! Точно люди! Даже если и олени так трубят, или кто тут ещё может так кричать... Всё равно, надо идти на шум! Если даже это звери, то спрячусь, попробую убить кого, а то еды совсем не осталось, а если люди, то...

Я бежал, не замечая препятствий, стараясь не потерять ориентир, откуда с постоянством раздавались громкие завывания, смахивающие на игру вувузел: такую монотонную, словно жужжание роя пчёл.

Лес стал редеть.

«Впереди поляна?»

Впервые за долгие недели скитаний я увидел открытое от леса место и уже хотел рвануть, пересечь его, но остановился у кромки, скрываясь за массивным стволом дерева.

«Не торопись! Успеешь. Сначала осмотришь. Не зря продолжается этот вой».

Я остановился, отдышался. Открытое от леса пространство оказалось очень большое. На грани зрения, на противоположном краю виднелось движение. Издалека было трудно рассмотреть, что происходит. Но чутьём чувствовал, что идёт бой. Видел перемещения окружённых серыми пятнами размытых разноцветных точек, но ничего понять не смог.

«Далеко. Ничего не видно! Надо подойти ближе».

Хотел обойти, не выходя на открытое пространство, но здраво рассудил, что это будет очень долго. А ещё к принятию, как казалось не совсем логичного решения, подвигла резко наступившая тишина. И я, вколлов единственный уцелевший стимулятор, побежал!!! Бежал так, что в ушах от ветра закладывало уши. Если бы засекали время, за которое я преодолел этот километр, то на все времена был бы установлен мировой рекорд, про Вселенский я не говорю, но на своей Родине – Земле, я б точно стал самым быстрым на все время.

– Рр-а-а!!! – с криком вонзил копьё в серую тушу ближайшего животного.

Происходящее слилось в длинный, но часто меняющийся кадр. То я колю копьём, то бью им вместо дубины, не успевая направить остриё, то вырываю из чьего-то тела кусок плоти вместе с сердцем.

Серые туши мелькали, пока не перестали попадаться мне на глаза. Схватил что-то лёгкое, разноцветное и тут замер. Мои руки сжимались на горле... ребёнка. Он хрипел, пыта-

ясь своими маленькими ручонками обхватить мои руки, а я только и смог произнести:

– Люди, – и потерял сознание...

Пришёл в себя рывком. Понял, что лежу. Вокруг темнота. Руки связаны.

«Весело, – подумал, ёрзая на месте, пытаюсь удобней устроиться, а то все чресла затекли, – сколько был в отключке?»

Зрение постепенно приспособилось и мне удалось сориентироваться. Лежал я на земляном полу. Вокруг такие же земляные стены, только высоко вверху увидел проблеск звёзд. Без усилий распутал руки. Растёр запястья.

– Так, значит, пока был в отключке, меня пленили. Хорошо, что не прибили сразу. Не думаю, что специально рыли яму, так что привезли в селение или посёлок. Придётся ждать утра. Раньше никто ко мне не придёт, – сделал логический вывод и успокоился. Хотя с одной стороны было от чего волноваться. Если посмотреть со стороны тех, кстати, кого это тех? Произошедшее выглядело очень странно. Из леса выскочил некто, всех зверей поубивал и накинудся на ребёнка...

Незаметно, в размышлениях, прошла ночь. Сверху что-то невнятное крикнули и сбросили связанную узлами верёвку. Приглашение понял сразу и взобрался наверх. Как только попытался встать, получил удар по голове и потерял сознание.

«Сволочи!!! Зачем же бить?!» – придя в себя, не торопился открывать глаза. Опять не убили.

– Эй, я к тебе обращаюсь, кто ты, откуда? – услышал над ухом голос.

– Не пришиб?

– Не-е, притворяется. Вон как часто задышал. А ну, говори!

Открыл глаза. Попробовал встать, но не получилось. Голова кружилась, а ноги не держали. Так и остался лежать.

– Очнулся? Тащите его к старосте, – донёсся ещё один голос.

Меня грубо, но аккуратно потащили. В голове шумело. Наверно опять терял сознание. Поток воды привёл меня в чувство.

«Водой облили, холодная. Не заболеть бы», – почему-то подумал я. Страх не было. Если не убили сразу, то есть возможность договориться. Легенду я уже подготовил, остаётся только её реализовать.

– Усадите его. Ты кто?

– Валео Миронов, – ответил, переделав на здешний лад своё имя.

– Откуда в лесу взялся?

– К людям шёл.

– Врёт он!!! Это разбойник! Он чуть дочку Велессы не убил! – вмешался в разговор чей-то истеричный голос.

– Помолчи! – рыкнул на него, как понял старший, веду-

щий допрос.

В полумраке помещения разглядеть сидевших за столом людей у меня не получалось. Голова до сих пор болела, а зрение так до конца и не приспособилось к полумраку. Если это такие последствия от применения стимулятора, то зря его использовал, хотя знал, на что шёл. Химия, предназначенная на иной метаболизм, неизвестно как подействует, но применяя его, я делал осознанный выбор.

– ...спрашиваю, откуда ты?

– С гнилой заимки. Я там с родителями и братьями жил, пока все не померли.

– Это где ж такая заимка? Не слышал о такой.

– В трёх неделях пути, если идти лицом к солнцу.

– Болота там есть, но непроходимые, – кто-то совсем тихо произнёс.

– Рассказывай, всё и без утайки.

– Воды дайте и поесть чего-нибудь. И куда я попал, кто вы?

– Я – Олинса, староста Роднаса. Мы добропорядочные граждане Империи, а вот кто ты, пока не ясно, – гордо произнёс староста и, выдержав паузу, продолжил, – Самол, принеси воды и похлёбки.

– Роднаса это город? – после моих слов, послышался приглушённый смех. На это и был расчёт.

– Роднаса это селение охотников. Ещё в наши обязанности входит...

– Понар! – перебил староста.

«Не доверяют, всё не рассказывают», – ухмыльнулся я.

Мне принесли плошку еды. Принюхался, вроде пахнет приятно. Принялся медленно есть, оглядываясь по сторонам, изучая обстановку. К этому времени зрение более или менее восстановилось, и уже мог различать не только размытые образы, но и мелкие предметы.

Просторное, но тёмное помещение. Два небольших окна едва пропускали дневной свет. Внутри чисто. Я сижу посреди комнаты на лавке. Напротив массивный стол, за которым собрались, как понял, уважаемые люди селения, которые будут вершить мою судьбу. Злобы или откровенной агрессии в мою сторону не замечал. Только интерес и настороженность. С каждой минутой в помещение кто-то входил, устраивался вдоль стены и замирал. Стало не по себе. Десятки пар глаз смотрели на меня изучающе.

– Благодарю за еду, – закончив приём пищи, протянул пустую плошку.

– Теперь рассказывай.

И я рассказал, говорил и говорил придуманную легенду. Что с родителями жил в лесной глуши, рос, охотился. А как они от старости померли, а старший брат сгинул в лесу, собрав скудные пожитки, пошёл к людям. Одному в глуши выжить тяжело. Конечно, в легенде были свои изъяны, но ничего лучшего придумать за дни скитаний не удалось. Пришлось на ходу додумывать, отвечая на каверзные вопросы,

но чаще ссылаться, что не помню, так как упал и сильно ударился головой.

– Откуда у тебя шкура самниты?

– Завалил. Я как раз в тот день и ударился головой, когда с ним бился. Но отлежался, встал на ноги.

– Странно. Ладно. Выйди, посиди там. Самол, присмотри за ним.

Подошёл крепкий мужчина, лет тридцати с густой бородой и жестом приказал идти за ним.

Далеко идти не пришлось. Вышли в соседнюю комнату, и расселись на лавках. Дверь оказалась прикрыта плохо. И я, хоть и напрягая слух, но слышал, о чём говорят в соседней комнате...

– Странно всё это. Наверно, лет сорок уже никто из леса вот так не выходил.

– Так смута больше полувека назад и закончилась. Это потомок кого из последних отщепенцев?

– Потомок?! Скорее внук, если не правнук. Сколько ему лет? Не больше двадцати, ещё пушок на лице. Только почему он только о матери и отце говорил...

– Может, не застал дедов? И имя какое-то странное «Валео Миронов» не встречал в наших краях с двойным именем.

– Из знатных?

– У знатных приставка «энц», если мужчина. А если женщина...

– Время много прошло. Знания ушли в небытие, – прервал староста.

– Это верно.

– Надо о происшествии хозяину доложить. Всё-таки чужак спас караван.

– Да-а, чужак спас, а мы не уберегли. Вся охрана полегла и купцы. Как только на диких зверей напоролись?! Твой недогляд, Мислав!

– Каюсь, староста, но не послушались меня купцы, видите ли, им быстрее надо! Дорогу самую опасную выбрали, через лес. Как звери напали, так только и успел за подмогой послать. Руку чуть не потерял.

– Знаем-знаем. Ты лучше расскажи, как этот чужак один пятерых сергов завалил?!

– Так что ж у него самого не спросили?

– Успеется. Но не похож он на великого война-охотника.

– А шкура самнита?

– Шкура и у балбеса Шакорна есть, но уж точно не он его завалил, – послушались смешки. Дверь отварилась, и выскочил молодой паренёк, видимо, получив наказ, выбежал на улицу.

«Сорванец!» – выругался я, потому что паренёк не поленился и плотно закрыл за собой дверь. И как я не прислушивался, ничего не разобрал. Пробовал заговорить с сидевшим рядом провожатым, но тот все мои вопросы игнорировал. Я уже хотел вздремнуть немного, но дверь открылась и оттуда,

один за другим стал выходить народ.

Впервые я испугался.

«Как так, что решили-то? Что со мной?! Неужели не убедил приютить меня?!»

– Заходи! – прозвучал гулкий бас старосты.

Покорно зашёл. Но на приглашение присесть помотал головой, отказываясь.

– Как хочешь. Мы тут подумали, и пришли к единогласному мнению, что не вправе решать твою судьбу самостоятельно. Через месяц приедет посланник нашего хозяина, а пока поживёшь в доме Маэйры. Она за тобой присмотрит. Работать будешь как все, спуску не дам. Дел много, рук не хватает. Так что, кстати, вот и она.

В комнату вошла скрюченная бабка лет под девяносто, и как она только ходит ещё?

– Что звал, Олинса?

– Просила помощника себе? Так вот, Валео тебе будет помогать.

– Пришлый? Это тот, кто караван от зверей отбил? И чуть своими погаными руками девчушку молодую не задушил?!

– Он. И не кричи! – повышая голос, произнёс староста. – Или отказываешься от помощника?

– Пришлый... – презрительно пробормотала бабка. – От помощника не отказываюсь... Что сидишь? Пошли за мной, дел по дому много.

Шли долго. Бабка еле плелась и я успевал смотреть по сто-

ронам, лоя на себе заинтересованные, но в большинстве настороженные взгляды.

– Что встал? Заходи. Возьми, переоденься, нечего ходить словно дикарь. Жить будешь на чердаке. И не смотри так. Места у меня мало, а я добропорядочная женщина, что б в одной комнате с мужчиной ночевать.

Смеяться мне или плакать, я не знал. Хибара, а по-другому назвать то, что предстало перед моими глазами, у меня не поворачивался язык. Старый, покосившийся деревянный дом. Забора нет, совсем развалился. Из других построек только пустующая будка для собаки, да деревянный клозет, типа сортир. Зато предложенная одежда оказалась хоть и простая: штаны да рубаха, но из добротного, прочного материала.

Незаметно день подошёл к концу. Бабка заставляла меня то носить воду, то колоть дрова, то копать клочок земли. С непривычки вымотался, мышцы болели. Обрадовал ужин. Бабка не поленилась, приготовила крутое мясное варево с большими кусками какого-то похожего на картофель овоща. И я, досыта наевшись хохлушки, залез на чердак. Сон не шёл. Мысли роились, перескакивая с одной на другую, что я не успевал поймать и обдумать. Слишком много странностей произошло. Думал, не так будет. Всё как-то слишком и просто, и неправильно одновременно. Предполагал, что дольше допытываться будут, кто я и откуда, а тут... Напрягая память, выуживал их новых знаний воспоминания о временах

упомянутой смуты, но проявлялись только обрывки, несвязные эпизоды и больше ничего.

Глава 4

Дни, недели проходили незаметно. Я всё так же помогал бабке, которая оказалась вдовой прежнего старосты, а не как я сначала подумал, лекарша или ведунья, там какая. Так, вскапывая как-то в очередной раз огород... И сколько раз его можно копать?! Подозвала меня бабка Маэйра:

– Хватит издеваться над землёй! Иди в дом, тебя староста зовёт.

«Во, как! Оказывается, я издеваюсь, а не в поте лица, считай, третий раз перекапываю твёрдую, как камень почву».

Староста стоял хмурый возле дома. Кивком головы он указал на поваленное бревно, предлагая присесть. Сидим, молчим. Я не решаюсь начать разговор. Всё-таки это меня позвали, а не сам напросился.

– Сегодня утром прибыл посланник от хозяина, – заговорил староста, – с наказом отобрать крепких воинов... Ты, хоть и чужак, но... помоги, вызовись идти на воинскую службу. Мы тебе и одежду справим, и еды в дорогу дадим, и... если судьба сложится, то с почестями назад примем.

– На службу?

– Ты крепкий. Да и удачлив – выдюжишь.

– Долго служить? – прикидывал в уме, подвернувшийся вариант легализации в этом мире.

– Тридцать лет. Если останешься жив – вернёшься. Избу тебе справим. Выберешь жену... детишки появятся.

«Да, ну на фиг!!! Тридцать лет служить!!! Это ж сколько мне будет? И зачем тогда мне жена? Изба, корова или что тут ценится?» – возмутился внутренний голос.

– Если откажусь?

– Тогда не серчай. Скрутим и передадим Михрону.

– Даже так?

– Да. В селе каждый мужчина на счету. А ты, как посмотрели, ни с землёй, ни с хозяйством управиться не можешь. Зачем ты нам? Скажешь знатный охотник? Так охотники у нас хорошие, но каждый из них ещё и по хозяйству управится лучше тебя.

Приведённые доводы старосты меня убедили. Мужчины и вправду на селе ценились, а особенно работающие. Молодых, примерно моего возраста, как заметил, не много. Почему-то в основном старше или значительно моложе, но... служить тридцать лет!!!

Взгляд у Михрона оказался тяжёлый. Я, и ещё четверо чуть старше меня мужчин, стояли у крыльца, с которого на нас смотрел представитель хозяина.

– Это все? Что больше мужчин нет?

– Нет, – ответил староста, – остальные или ещё без штанов бегают, или встать не могут, стары.

– Ладно, – нехотя согласился Михрон, – по воле энц Роила Донса, спрашиваю, кто из вас желает служить во славу

Империи?

Выходить никто не собирался, но и я стоял, ловя на себе пристальные взгляды. Для себя уже принял решение, что соглашусь с посулами старосты, но не по первому же требованию.

– Значит никто. Тогда, староста, ты знаешь порядок. Жребий решит...

– Я пойду служить!!! – выкрикнул, и сделал шаг вперёд, а то всю спину мне прожгли косые взгляды.

– Кто таков? Чей сын?

– Это сын Мислава, Валео.

– А где сам Мислав?

– На охоте.

– М-да, узнаю Мислава. Никак спокойно не усидит на месте. Отслужил, вернулся и сын, какой взрослый? – с прищуром спросил Михрон.

– Так, как вернулся, в тот же год и родился. Во-он, какой вымахал и не скажешь, что и двадцати вёсен нет.

– Значит, Валео. Имя какое странное. Хотя, каких только по миру не встретишь... Решено. С вашего села в этом году только один служивый нужен, так что, собирайте его в дорогу. Завтра поутру отправляемся.

Собирали меня всем селом. Староста не обманул. И одежду справную сладили, и еды собрали. Трясаясь в повозке, я обдумывал своё решение, но каждый раз приходил к одному, что поступил правильно и не из-за того, что оставил в селе

кого более нужного, чем я, а потому что такой шанс легализоваться не стоит упускать.

Ехали долго. Останавливались на ночлег, когда в лесу, когда в редко встречающихся селениях. В каждом селе к каравану присоединялись повозки с людьми и только мужчины. Чем ближе становился пункт назначения, тем больше человек вливались в караван. Сначала я считал, что прибавились двое, трое, но сбился со счёта. Через две недели прибыли к крупному населённому пункту. Назвать его городом можно с трудом, но он сильно отличался от увиденного ранее. И каменные дома, и широкие улицы, и чистота, наводили на мысль, что это конечная точка маршрута. И я не ошибся. Караван расположился на центральной площади. Недалеко от каменного трёхэтажного здания.

– Что, Валео, не видал таких домов? Это наш хозяин здесь живёт, энц Роила, – видя, что я замер, уставившись на здание, пояснил проходивший мимо Михрон.

– Ничего необычного, обычный дом. У нас в деревне и посолидней имелись, – хмыкнул я и собрался пообедать, как меня окликнули.

– Деревенщина!!! Где это ты видел дома лучше, чем у нашего энца?

«Влип! Язык – враг мой», – подумал, отступая назад. Меня окружали трое добротнo одетых, солидного вида мужчины.

– На картинках видел.

– Каких таких картинках?! Ты – деревенщина! Как смеешь своим грязным языком клеветать на энца?!

– Я не обманываю. Мне... – не успел договорить, как стоявший ближе всех, ударил меня кулаком. Точнее, попытался ударить. Всё-таки школа бокса даёт о себе знать. И момент удара заметил, и ноги сами сделали шаг в сторону, а корпус отклонился, пропуская удар. А вот рука... честно, не хотел, сама, на рефлексах, пробила левым хуком в печень противника. Он как стоял, так и рухнул, несмотря на то, что на полголовы был выше меня. Видя округлившиеся глаза его оппонентов, я поспешил сделать пару шагов назад, чтобы иметь хоть какой-то простор для манёвра, но не тут-то было. Удары посыпались со всех сторон. Я только и успевал, что изворачиваться.

– Стоять!!! Прекратить! Стоять говорю!!!

– Михрон! Это твой? Почему не следишь? Совсем холопы стыд потеряли, против энца сплетни распускают, – встрял, пришедший в себя побывавший в нокауте.

– Не вашего ума дела, слежу я или нет. Они, – Михрон кивнул в мою сторону, – служить идут во славу Империи, чтобы вы могли тут сидеть, да баб щупать.

– Забываешься!!!

– Что, Стёпни. Один на один, в честном бою, не можешь. Дружков позвал. Не больно-то чести, трое против одного. А что будущий солдат от переизбытка чувств не поверил своим глазам в величие хозяина, так он первый раз в жизни из

леса вышел. Впервые каменные дома увидел. И с чем ему их сравнивать? Только с вырубленными в скалах...

– Брось, Михрон! Я оскорбление не спущу! Не посмотрю, что за руку здороваешься с энцем, что служишь исправно...

– Не ерепенься, Степни. Если так уверен в себе, что не вызовешь один на один без железа на кулачный бой? Или тебе честь с деревенщиной биться запрещает? Так ты знаешь, что в кулачном бою все равны, и энц, и простолюдин, и ветеран, и...

– ...торговец, и конюх, и плотник. Не надо цитировать Кодекс.

– А раз не надо, так сегодня после заката приходи. Будет развлечение парням. Посмотрят, как чтят Кодекс перед очами горячо любимого энц Роила Донса.

– С чем пришёл?

– Все поручения выполнил, уважаемый энц, – с поклоном, стоя в просторном зале, отвечал Михрон, – путь оказался дольше, чем планировал, но успел в срок. Служивых людей набрал и всех довёз. Ещё пушнина один воз, солонина десять пудов и...

– Оставь, Михрон. Дела хозяйские передай Нитосу. Главное, что Императорский указ исполнил.

По выражению лица молодого мужчины было видно, что дела его тяготят. В прошлом году умер его отец и теперь

ему приходится заниматься нудной рутинной, слушая отчёты о приходе-расходе, решать повседневные проблемы обширного, доставшегося в наследство поместья...

– А я говорю, мне срочно!!! – с шумом растворилась дверь, и внутрь ворвался разгорячённый от напряжения солидного вида мужчина. – Не вели казнить, а позволь слово молвить!!!

– Что случилось, Кунас? Не уж-то пожар или хлебнул лишнего? – недовольно косясь на незваного просителя, произнёс энц.

– Деревенщина напал на моего сына!!! Во времена вашего отца за такое...

– Его бы отправили служить во славу Императора, как и вашего Степния, – перебивая, закончил Михрон.

– Прекратить спор! Что случилось? Отвечай Михрон!

– Уважаемый энц, Степний поспорил с завербованным на службу вашим подданным, у кого кулаки сильнее, а голова крепче, но потерпел неудачу и сегодня вечером, на площади, состоится поединок. К сожалению, дуэль с оружием между разносословными Кодекс не позволяет проводить, но, думаю, уважаемый энц, не откажется от развлечения...

– Но деревенщина усомнился в величии энца, напал на моего сына!!! Избил его! – выпалил Кунас.

– Величие энца по крови не требует доказательств. А что избил, так Кодекс, утверждённый ещё прежним Императором, никто не отменял. Тем более, вечером я свободен и лич-

но заверю следование канонам и правилам предстоящий поединок. Все свободны...

Молодой энц остался в одиночестве. Провинциальная жизнь его тяготила. Всего два года тому назад, он, весёлый и беззаботный, обучался наукам в Столице. Даже имел честь быть представленным ко двору, но... сначала тяжёлая болезнь матери заставила вернуться, а потом скоропостижная кончина отца оставили в родном гнезде.

Энц Роила взял с полки свод законов Империи и пролистал, отыскав раздел дуэльного Кодекса.

«Освежить в памяти не мешает», – думал он, погружаясь в воспоминания...

– У вас нет чести! Я хоть и из провинции, но следую заветам моего отца и не позволю, чтобы в моём присутствии оскорбляли честное имя эну Линессы!

– Она вертихвостка! Молодá и горяча! – не унимался, распыляя созревшую ссору, вторил оппонент.

Два молодых дворянина не на шутку разошлись в эпитетах, чем привлекли своё внимание гостей, собравшихся на приёме у одного из уважаемых людей Столицы. Разговор на повышенных тонах перерос в крики и потасовку.

– Угмонитесь, молодые люди! Уважайте гостеприимство хозяина.

– Я требую дуэли! Меня, урождённого энца, оскорбляет какой-то провинциал, приехавший чёрти откуда!

– Я тоже урождённый по крови! И требую, чтобы вы за-

брали свои слова обратно и извинились перед дамой.

– Ха-ха. Она убежала. Так иди, утешь её...

– Дуэль! Согласно Кодексу, вы первый вызвали меня на поединок, так что выбор времени и места остаётся за мной. Оружие – рапира. Завтра в полдень возле Заречного пруда и, без позволения, откланиваюсь. Не вижу смысла больше находиться в вашем обществе...

Проливной дождь шёл с самого утра. Осенняя погода в Столице Империи изменчива. Утром может лить дождь, днём припекать солнце как на южных курортах, а в ночь пойти снег.

Небольшая, истоптанная поляна на берегу искусственного пруда являлась излюбленным местом проведения дуэльных поединков. Роила знал об этом и один раз ему приходилось скрещивать своё оружие с таким же как и он студентом. Но этот поединок сосем другой. Против него не студент, а взрослый, состоявшийся мужчина.

И чёрт его дёрнул, вступить за племянницу Императора. Ладно, имела бы она вес при дворе, но... эну Линесса, считай, с самого рождения жила в опале. Отодвинутая в очереди на Императорский трон, не имела даже призрачного шанса взойти на престол. Только вот знакомство с ожидавшей совершеннолетие эну, произвело на молодого провинциала неизгладимое впечатление...

– Согласно Кодексу, – заговорил один из секундантов, – предлагаю решить ваш спор мирным путём. Энци Торниас?

– Категоричное «Нет»!

– Энци Роила?

– Защитить того, кто не может за себя постоять – великая честь для дворянина.

– Хм. Пафос так и прёт. Книжечек перечитал? – не сдерживался, подливая масла в огонь, энц Торниас.

– Поединок до смерти. Без ограничения во времени, – выпалил Роила.

– Как вам будет угодно, энц...

– Но уважаемые...

– Секунданты слышали? – осведомился Торниас.

– Но... как же указ Императора, запрещающий поединок до смерти?!

– Всякое бывает во время дуэли. А вы, секунданты, будете молчать! Не будь я энц Торнис Варно!!!

Началось!!! Первый выпад противник парировал, удачно отведя клинок в сторону. Роила едва успел сместиться, чтобы не оказаться насаженным на остриё при контратаке. Выпад... уход... контратака... смещение. Скорости и выносливости у младшего по возрасту энц Роилы было в избытке, но опыт и сила на стороне оппонента. Очередной выпад противника и тот, поскользнувшись, на мгновение замешкался, а Роила не стал отступать и моментально перешёл в контратаку.

Иногда, вечерами, Роила обдумывал: по чести ли он поступил, воспользовавшись оплошностью оппонента, но все-

гда приходил к одному и тому же выводу – да! Они оба находились в равных условиях. Минутой раньше он, неудачно ступив на сырую от только что закончившегося дождя траву, сам чуть не напоролся на клинок противника, но успел подставить плечо. И с каждой минутой оно всё сильнее кровоточило, а сил оставалось всё меньше...

Молодой энц поднялся с кресла, растирая изредка беспокоившее плечо. Хотя рана оказалась не смертельной, но пришлось проваляться больше месяца в постели пока не получил послание от родителей с известием, что матушка тяжело больна.

Прошло время, а он до сих пор помнил встречу с покорившей его сердце молодой эну. И хоть статус ему не позволял и надеяться на что-то большее, чем мимолётный взгляд, но...

– Сендо!!!

– Слушаю, энц.

– Подготовь праздничную одежду. Вечером необходимо присутствовать на важном мероприятии.

– Господин назначил приём? Сколько барышень будет? – уточнил верный слуга.

– Не совсем приём. Сегодня вечером мне предстоит выступить в качестве хранителя Кодекса.

– Опять? А зачем праздничные одежды? Всё равно в крови изгваздаетесь, уж простите меня за честность.

– Так надо, – коротко ответил энц, сам не понимая, зачем ему пришлось в голову нарядиться перед простолюдинами.

– Слушай меня внимательно! – склонившись надо мной, говорил Михрон, – я за тобой всю дорогу смотрел. Ты не похож на простолюдина. Твои манеры, то, как ты держишься, говорит, что тебя хорошо учили. Никогда бы не поверил, что твой отец Мислав. Но когда увидел тебя в деле... В своё время знатным бойцом был твой отец. Лихо ты его.

– Я приёмный.

– Во, как! Тогда сходится. Обучить тебя мог и Михрон, и манерам, и особенно кулачному бою. Кстати, тебе надо показать себя, чтобы попасть в гвардию. Тогда есть шанс не сгинуть в первом бою.

– Зачем мне в гвардию?

– Дурень! Разве отец не рассказывал? Получишь шанс остаться в живых... а я получу премию. И обещаю, четверть отправлю твоим родным.

– Это всё? – не понимал я, такую заботу.

– Всё!!! Тебе надо на глазах у нашего энца победить в поединке. Тебе это будет не трудно, и тогда если приглянёшься, энц рекомендует тебя в гвардию...

Я молча кивнул. Михрон продолжал говорить, а я прикинул свои шансы на победу. Соперников особо здесь не видел. Своя специфическая школа кулачного боя, где ноги практически выключены. Расчёт на один мощный, сильный удар. Как-то вечером разговорился с попутчиками, так рассказа-

ли, что в некоторых местностях принято бить по очереди, не уворачиваться, а держать удар.

– Ты всё понял?

Кивнув, спросил: – Когда поединок?

– После заката. Так что отдохни немного.

– Так темно будет!

– Факела поставим, местá соорудим. И хлопцам развлечение и нашему энцу, а то совсем захандрил. Женить его надо, но...

– Так я не женщина.

– Это видно, – хихикнул Михрон, – но у молодого господина две страсти: бои и женщины. Сам-то он, пока не вернулся в родные пенаты, ещё тем поединщиком был. И на клинках сходилась, и в кулачном бою не брезговал. Вот видишь... это мне сам энц зуб выбил... Силён! Я его тогда обучал всяким премудростям. Помню как-то раз...

Слова Михрона доносились словно из колодца. Я пытался вспомнить знания, полученные от ИНАУ, но почему-то информация о кулачных боях, о каком-то Кодексе, отсутствовала. Вероятней всего этому не обучают в школах, пришёл к единственному выводу.

– Валео!!! Что застыл? Пора! – Михрон тряс меня за плечо, – Энц прибыл. А его заставлять ждать дело неблагодарное.

– По каким правилам поединок? – только сейчас до меня дошло, что не знаю, что разрешено, а что запрещено. Ведь и

в «боях без правил» существуют правила.

– Разве не знаешь? Ах, да. Ты ж совсем из глубинки. У вас там и мерандом³, наверно, лет десять не появлялся. Правила просты. Выходишь на поединок с пустыми руками. На себе не должно быть железа. Голова непокрыта. Без верхней одежды. Бить только выше пояса. Ногам волю не давать.

– И всё? – удивился простым, но действенным правилам.

– Да.

– Могу я ещё кого вызывать? Ну, например, тех, кто с ним был?

– Зачем тебе? Силёнок не хватит.

– Сам сказал, что надо произвести впечатление на энца. Так, если троих одолею, лучше будет. И вернее на уважаемого энца впечатление произведу.

– Дело твоё...

«Зря, ох зря понадеялся, что благодаря технике с лёгкостью выиграю три боя!» – думал, отдыхая после с трудом вырванной первой победы.

³ Мерандом (здесь) – глашатай Императорских указов. В том числе в его обязанности входит составление официальных писем и разъяснение повелений государя.

Глава 5

– Валео, готов?

– Готов, – ответил, после пятиминутного отдыха.

В центре огороженного тюфяками квадрата уже ожидал следующий соперник. Сняв верхнюю одежду, он остался в кожаной куртке-безрукавке.

«Что за мода!!! Биться в защитном жилете», – выругался, потирая левую руку.

Первый бой оказался тяжёлым. Одетый в точно такую же, полностью прикрывающую грудь плотную куртку противник не выглядел первоклассным бойцом, но вот пробить защитный жилет мне так и не удалось. Только руку отбил. Хорошо, что вовремя остановился. Исключил работу в корпус, и переключился на голову. Повезло, что противник оказался совсем уж медлительным. Немного побегав, уложил его боковым ударом в ухо.

Раздался хлопок, возвещающий о начале поединка. Противник ринулся на меня, плотно прижав руки к лицу.

«Как только он видит в такой стойке! Ну, что ж, тогда побегаем».

Смещаясь в бок, разрывал дистанцию, не давая противнику сократить расстояние. Его амплитудные удары больше походили на работу лопастей вентилятора, но подставлять-

ся под выглядящие несуразными удары не хотелось. Хватило первого боя, что, не заметив начала атаки, подставил под удар плечо и тут же поплатился: левая рука отсохла и примерно минуту была полностью выключена.

«Побегаем. Пусть противник устанет», – думал я, игнорируя недовольные возгласы.

В поединке, как понял, нет ограничения по времени. Перед боем, слушая наставления Михрона, узнал, что как-то один поединок продолжался без перерыва почти три часа. Не представляю, как проходил бой, но выдержать такой поединок – это героический поступок.

По моим ощущениям прошло минут семь, и противник выдохся. Движения его замедлились, руки опустились, да и атаки стали не так угрожающе мощны. Хватило одного прямого в нос. Вот только наносить удары незащищённой кистью то ещё издевательство. Я спрашивал, можно обмотать чем кисти, но мне запретили. Пояснив, что в обмотку можно спрятать железо. «Железом» местные называли не только металл, но и всё, что может усилить одного противника перед другим. Вот и пришлось бить сильно, но аккуратно, чтобы кисти рук не повредить. Мало кто знает, но на заре становления бокса, как спорта, бои проводились без перчаток, и длительность боёв была впечатляющая.

– Что творишь?! – подскочил ко мне Михрон, когда я устроился на один из тюфяков медитировать. – Почему бегаешь? Разве не слышишь, что люди недовольны?! Энци ску-

чает!!!

– В смысле недовольны? А что один против троих подряд бьюсь, этого мало?

– Этим не удивишь! На прошлогодней ярмарке заезжий боец световой день выходил против любого желающего. Восемнадцать бойцов положил и только два раза сам оказался на земле.

«Вот тебе и подготовка, а тут я, с первым взрослым нарисовался».

– Что молчишь, закрыв глаза? Спишь что ли?

Отвечать не стал, медленно погружаясь в медитативное состояние. Надо восстановиться, а то сил на последний бой не хватит.

Лёгкое прикосновение вывело из медитативного транса. Я открыл глаза.

– С тобой всё в порядке? – надо мной склонился неизвестный мужчина.

– Да.

– Тогда чего сидишь, заснул?!

Я поднялся, разгоняя застоявшуюся кровь. Последний, третий противник уже стоял в центре импровизированного ринга. Только натянутых канатов не хватало. И громко переговаривался с кем-то из зрителей, хвалясь своей силой.

Раздался хлопок и я пошёл на сближение. Двигался быстро, подобно змейке, делая шаг то влево, то вправо с каждой секундой приближаясь к противнику. Тот, не ожидая от ме-

ня такой прыти, встретил серией размашистых ударов, но его кулаки рассекали только воздух. Я шагнул вправо, поднырнул под удар левой, шагнул влево, поднырнул под удар правой и, помня о защитной жилетке, со всей силы, открытой ладонью, ударил в область печени. Фактически произведя не удар, а толчок и обрушился на потерявшего равновесие противника, серию ударов в лицо. Бил открытой ладонью в ухо, нос, а когда руки перестали встречать преграду, отскочил назад. Стоявший пару секунд назад с грозным видом противник согнулся пополам, а потом рухнул, завалившись вперёд.

Тишина была по ушам. Выброшенный в кровь адреналин взвинтил восприятие. Окинул взглядом расположившихся невдалеке зрителей и уловил на себе заинтересованный взгляд.

– Победил Валео, уроженец Роднаса! – объявил появившийся возле поверженного соперника глашатай...

– Утрись, – протянув полотенце, произнёс подскочивший ко мне Михрон, – сейчас энц засвидетельствует соответствие Кодексу проведённых поединков.

Подтверждение моих побед прошло как-то буднично. В центр импровизированного ринга вышел облачённый в парадную одежду, на вид не на много старше меня молодой человек. Сказал пару дежурных фраз и удалился...

«М-да. Не удалось впечатлить местного дворянина и что теперь делать? Отношения с Михроном испортятся, премию не получит и меня неизвестно куда пошлют», – рассуждал,

обливаясь холодной водой.

– Валео из Роднаса?

– Да, это я, – ответил на обращение облачённого в строгие одежды пожилого мужчины.

– Возьми, переоденься. Тебя желает видеть энц Роила, – из-за спины посыльного шагнул молодой паренёк и протянул сложенные стопкой одежды.

«Хоть какой прибыток, а то одёжа совсем негодная стала: в крови и местами порвалась, а другой нету», – думал, стремясь не отстать за бодро шагающим старичком.

– Обождите, – остановившись возле массивной двери, строго произнёс провожатый.

Не успел насладиться формами снующих туда-сюда особей женского пола, как меня пригласили, а войдя внутрь помещения, растерялся. Меня встречал не разодетый в несуразные одежды франт, а одетый в простое одеяние парень. Не зная, не поймёшь, что он здесь самая важная персона, если точнее, то и царь, и бог в одном лице. С правом судить и миловать.

От витавших в помещении завораживающих запахов еды заурчал желудок.

– Валео, уважаемый энц, – произнёс провожатый.

– Хорошо, оставь нас. И принеси чего-нибудь перекусить...

Не прошло и пары минут, как в дверь осторожно постучали и внутрь, с подносом в руках, вошла девушка. Выставив

на невысокий столик накрытые салфетками тарелки, она с поклоном удалилась.

Пауза затягивалась. Я стоял напротив сидевшего в кресле местного дворянина и не знал как себя вести. Из исторических фильмов помнил, что первым заговаривать с незнакомым, занимающим более высокое положение человеком – плохой тон.

Доносящиеся ароматы еды пьянили. Вновь предательски заурчал желудок.

– Присаживайся, – энц указал на пустующее кресло.

– Благодарю, – ответил с поклоном.

– Угощайся, – и Роила небрежным движением смахнул салфетку.

Что мне нравится в этом мире, так это практически схожие продукты. Конечно, еда в селе разнообразием не отличалась. Чем меня там подчевали? Так разнообразными похлёбками и кашами: подобие перловой, аналог пшена и, на удивление, практически идентичная, знакомая с детства гречка. И конечно мясо, но чаще дикого зверя. Но привычного хлеба в селе не заметил. Тем более удивился, обнаружив под накрытой салфеткой хлеб.

Взял аккуратно отрезанный ломоть в руки, понюхал и расплылся в улыбке.

– Это пшеничный хлеб. Его пекут из зёрен редкого злакового растения.

– Я знаю, – моментально ответил.

– Откуда?! Это растение только недавно завезли из южной провинции Парнибаса.

«Дурень! Куда спешил? Что теперь отвечать?!»

– Мне отец рассказывал, – с опаской ответил, ожидая реакции.

– Да, мне рассказывали, что ты сын служивого человека. Но слышать рассказ, не значит знать. Ладно. Вопрос у меня к тебе другой. Что ты хочешь в качестве подарка за то, что развеселил меня?

– Хочу в гвардию, великий энц, – ответил, поднимаясь с кресла.

– Я не «великий», а «уважаемый». «Великие» – потомки императорских кровей и то не все.

– Простите, уважаемый энц. Не знал. Манерам я не обучен.

– По тебе не скажешь. Так ловко управляешься с ножом, намазывая сахаристый джем на хлеб. Не каждый дворянин так может. Да и говоришь чисто. Я такой говор только в столице слышал... И почему сразу не бился в полную силу? Ты беглый?

Какой резкий переход. Я подобрался, размышляя, говорить свою, придуманную перед выходом из леса легенду, или всё-таки придерживаться той, которую придумали мне в селе.

– Что молчишь?!

– Я не беглый. Я в лесу жил, долго. Меня отец с матерью

обучали. А когда их и братьев схоронил, пошёл к людям. Одному в лесу трудно, особенно зимой. По дороге встретил караван. Помог отбиться от диких зверей. Меня израненного и подобрали, а потом...

Молодой энц слушал внимательно, а я не торопился, говорил медленно, обдумывая каждое слово, делая вид, что воспоминания даются тяжело. Рассказал, что кулачному бою меня учил отец, что манерам обучала мать. Что с рождения жил в лесу. Могу бесшумно ходить, прятаться и охотиться на зверя.

Последнее энца не впечатлило. Он только поморщился.

– И тебя, потомка отшельников, отрядили служить?!

– Да, – говорить каждый раз «уважаемый» человеку, с кем практически одногодки, у меня не поворачивался язык. Но в этот раз заметил на лице энца раздражение.

– Зря я дал слово, что в том поединке являюсь хранителем Кодекса. Ты заслуживаешь не награды, а наказания. Отправить бы тебя на рудники...

– Простите, уважаемый, – вскочил с места. Ещё не хватало закончить свою жизнь под обвалом в какой-нибудь штольне, – не знаю, чем оскорбил, но не судите строго. Я только месяц назад встретил людей и мои манеры...

– Прекрати!

На крик в комнату вбежали слуги. Некоторые из них были с оружием.

«Вот и всё», – подумал, прощаясь с жизнью. Против пя-

терых, трое из которых вооружены холодным оружием и явно не впервые взяли его в руки, шансов у меня нет. Бежать? Но куда? Окна узкие – не пролезу, да и решётки на них из прутьев толщиной в три пальца. Прорываться к двери? Так за это время во мне столько несовместимых с жизнью отверстий понаделают, что хоть после смерти вместо дуршлага на кухне подрабатывай...

– Всем стоять!!! – вывел из секундного ступора громкий крик энца. – Что молчишь? – обращаясь ко мне, продолжил молодой дворянин.

Я пожал плечами. Всё, что считал нужным, рассказал. Извинился, но видимо тут такие нравы. Остаётся надеяться, что не сильно поломают и удастся сбежать по пути.

А как всё хорошо начиналось, словно по написанному! Читал пару книг про «попаданцев». Как-то у них всё легко получается: и войти в новый, незнакомый мир, и обустроиться на месте, найти общий язык с аборигенами.

Я как-то вместе с классом в последний год перед выпуском, поехал по путёвке в Чехию, мир посмотреть, да себя показать. Так там совсем всё по-иному и не надо никаких там параллельных Вселенных, никаких Иных или Других Миров. Различие кардинальное и не только в обычаях, менталитете, привычках, этикете, но и в мышлении. Разные приоритеты, разные задачи и способы их достижения. И как, скажите, без специальной подготовки незаметно раствориться в новом окружении...

Я сделал шаг назад, сгруппировался и приготовился, что будут бить.

– Хм... Простин, будь свидетелем, а остальные... вон!!!

Один немолодой, с военной выправкой мужчина, остался стоять, прикрывая путь отхода, а остальные, ворча, с шумом удалились.

– В качестве награды за то, что порадовал меня сегодня вечером, ты, Валео, просил ходатайствовать определить тебя в гвардейцы. И не смотря на то, что ты сын беглых, я исполню твою просьбу, но при одном условии... Ты сейчас, в присутствии гаранта, сойдёшься со мной поединке.

– Господин, позвольте мне, – шагнул вперёд слуга.

– Нет. Это моё решение! Ты, верный Простин, будешь гарантом, что поединок проведён по канонам дуэльного Кодекса.

– Господин, но в чём суть спора? Если вас оскорбил ваш простолюдин, то следует следовать уголовному Положению...

– Нет, он оскорбил не меня, а... какая разница!!! Он громко жевал!!!

Я стоял, слушал перепалку и не понимал, зачем такой цирк? Хочешь подраться, так зачем соблюдать какие-то правила? Ты же господин: и царь, и бог в этом захолустье. Стоит только приказать и всё... любой составит тебе компанию в тренировочном бою, так, косточки размять немного. Зачем соблюдай этот Кодекс. Кстати, надо подробнее про этот свод

правил узнать, а то все окружающие к нему оперируют, а я и не знаю, что он собой представляет. Не думаю, что Михрон обладает всей полнотой информации, скорее всего, есть какие-то подводные камни, условности и ограничения, о которых он не упомянул.

– Господин, где пройдёт дуэль?

– В соседней комнате, сейчас же. Так что не будет тянуть, пройдем.

Соседняя комната оказалась подобием спортивного зала. Мягкий пол, устланный коврами, на стенах оружие, по углам подобие боксёрских мешков и пара манекенов.

– Бой без оружия? – осведомился слуга.

– Оружие – рапира. До первой крови, – выпалил дворянин, протягивая мне длинный, но тонкий меч.

Взял в руки, попробовал взмахнуть и чуть не поранился. Клинок оказался настолько хорошо сбалансирован, что по инерции, со свистом описал полный круг.

– Нет, я передумал. Без оружия.

– Как господин изволит, – с облегчением произнёс Простин.

Я вложил в стойку рапиру и отошёл в центр ковра. На кулаках, так на кулаках. В этом я хоть что-то смогу противопоставить оппоненту. Хорошо, что молодой, да горячий энц передумал, а то известно чем закончилось бы это представление. Фехтовать я не умел от слова «совсем». Сегодня впервые взял в руки боевой клинок и на моё счастье энц пере-

думал. Проводя аналогию с моим миром, дворян с детства обучали фехтованию. Думаю, такое практиковалось и в этом мире.

– Правила известны: поединок ведётся до касания ковра иной частью тела, кроме ступней ног, без железа. Приоритет по праву рождения предоставляется энцу Роиле.

Я не понял, что возвестил гарант и продолжал стоять в боксёрской стойке, прикрывая лицо руками.

– Простолюдин! – окрикнул Простин, – опусти руки и прими первый удар, как велит Кодекс.

Нехотя опустил руки. Вот оказывается в чём отличие. А говорили, все равны, демократия, а нет и тут свои подводные камни.

Хорошо поставленный, резкий удар сотряс мою голову. Я только и успел чуть её наклонить, пропуская боковой в челюсть немного по касательной. Повезло, что не потерял сознание и не ушёл в глубокий нокаут. Шагнул пару раз назад, возвращая ориентацию в пространстве. Помотал головой, потёр рукой место удара. Вроде челюсть не сломана, но жутко заболела голова. Сотрясение получил, хоть и не критичное.

– Теперь мне можно отвечать? – спросил, сплюнув сгусток крови.

Слуга стоял с расширившимися от удивления глазами, а энц замер, как будто не ожидал, что выдержу первый удар.

– Можно бить в ответ, а то я правил не знаю... – повторил

в абсолютной тишине.

После короткого кивка энца, гарант ответил:

– Можешь. Право дворянина на первый удар использовано. Поединок продолжается по общим правилам...

Он хотел ещё что-то сказать, но я не дослушал, а перешёл в атаку. Если бы видел мой тренер, что я вытворял, как передвигался!!! Порхал как бабочка, а жалил как пчела. Скорее всего, именно такое описание боя больше всего подходит. Я не ходил, а порхал вокруг своего противника, с лёгкостью менял векторá атаки. Обманывал, изворачивался от его ударов, не давая ни шанса достать меня. Молодой энц расходовал попусту силы и в скором времени он опустил руки и, считай, остановился, а я пока так и не нанёс ему своего коронного удара, довольствуясь встречными джебами и работой по корпусу...

Энц отпрянул назад на пару шагов и согнулся, тяжело дыша. Удары в корпус, печень, незаметны, но делают своё дело. Силы у противника закончились, но он не сдался. Ни рука, ни колено не коснулось ковра. Я медленно подходил к противнику.

Глава 6

– Стоп!!! – раздался вопль слуги. Он примчался ко мне, преградив своим телом дорогу к едва стоявшему на ногах энцу.

– Оставь нас, – тяжело произнёс молодой энц, – и никому ни слова!

«А силён этот дворянин! Думал, раньше упадёт от усталости, но нет, минут семь простоял», – размышлял, смотря, как энц, шатаясь, идёт прочь из комнаты. Последовал за ним. Не спрашивая разрешения, присел на свободное кресло.

– Ты потомок дворян?

Вопрос задан с подвохом, что отвечать? «Нет» или «да»? В каждом ответе есть свои плюсы и минусы.

– Ладно, не отвечай, – ухмыльнулся молодой энц. Он уже пришёл в себя, отдышался и теперь выглядел не словно выжатый лимон, а скорее напоминал потрёпанную курицу.

Дверь распахнулась. Я не успел заметить, кто заглянул, но услышал девичий вскрик и дверь тут же захлопнулась.

– С оружием так же обращаешься? – не унимался энц. Его прорвало на разговоры.

– Хуже, – не соврал, ответил честно.

– Ладно. Я выполню твою просьбу и дам рекомендации, чтобы ты поступил в гвардию, хоть и не знаю, зачем тебе это

надо. Если хочешь, останься при мне. Я найду тебе замену. Будешь обучать меня и моих людей.

– Благодарю, но тот, кто пойдёт вместо меня не воспримет с радостью такую весть. И... слово дворянина нерушимо.

– Точно, дворянин! Ты прав. Если я отправлю вместо тебя другого, то нарушу слово чести. Конечно, эта малость мне позволительна, но крупинка к крупинке и песок разрушит маховик порядка.

В комнату принесли тёплой воды и полотенце. Накрыли стол. Я хотел откланяться, но молодой энц не отпускал меня. Он говорил и говорил, изливая свою душу, словно равному.

Наступило утро.

– Возьми, Валео из рода...

– Миронов, – ответил на автомате, захмелев от пряного вина.

– МиронХов, МиЕрановХ... – покатав на языке трудно произносимое имя, энц изрёк, – м-да, издалека ты... Мирони! Валео Мирони. Так будет привычнее.

Осталось только кивнуть.

– Это, – энц что-то дописав, протянул мне конверт, – мои рекомендации для зачисления в гвардию. Года три, наверно, среди призывников из наших мест не было гвардейцев, но думаю, ты пройдёшь испытания, а теперь, ступай.

Челядь только просыпалась. По дороге встречал заинтересованные, но брошенные мимолётно взгляды. Над местом, где разбили лагерь, дымкой стелился лёгкий туман.

– Вернулся! – услышал подошедшего Михрона, – я тут жду его, волнуюсь. Отбывать уже надо, а его всё нет и нет!!!

Присмотревшись, удивился, что лагерь собран, повозки стоят запряжёнными, а я не сразу обратил внимание.

– Так получилось.

– Садись в мою повозку, расскажешь, что так долго, – произнёс Михрон, а сам отдал приказ, – выступаем!

– А мои вещи?

– Собрали. Не суетись. И так опаздываем. Тебя только ждали. Гонец от энца прибежал, приказал ждать.

Я уселся в повозку, увидел там свою котомку и от сердца отлегло. Не хотелось остаться совсем без имущества...

– Значит, энц сдержал своё слово и дал рекомендации в гвардию? – после моего короткого рассказа, в котором я не упомяну дуэль с дворянином, ослабился Михрон.

– Да. Другого и не могло быть, он же дворянин и его слово твёрдо.

– Это-то понятно, но почему так долго?

– Я уже отвечал, что разговаривали всю ночь. Он спрашивал, как живут в Роднасе, каков урожай, не голодают ли, по силам ли налоги...

– Да-а, слышал я уже это. Не повторяйся. Но не похоже на нашего энца. Он, считай, только о развлечениях и думает. То женщины, то бои, да дуэли. Ладно, вижу, спишь на ходу. Давай, ложись. Ехать ещё долго. Отдохни.

Сон не шёл, хотя устал изрядно. Провести за вечер четыре

боя с разными соперниками, да ещё с хорошо подготовленными – это вам не фунт изюма скушать. Во всём произошедшем меня смущало только одно, почему молодой энц отказался от боя с оружием. Испугался? Так я рапиру в руках ни разу не держал. Или хотел проверить себя в кулачном бою и понадеялся на право первого удара...

Много вопросов без ответов роилось в голове. Я не нашёл ничего лучшего, как облокотиться спиной о борт повозки и отпустить свои мысли в полёт, входя в медитативный транс. Как раз и отдохну и мысли в порядок приведу. Мне как-то тренер говорил, что при ежедневных медитациях достигается такое состояние, что на заданный перед медитацией вопрос получишь ответ, даже если он неочевиден. Я пробовал, но у меня не получалось. Может из-за того, что не каждый день медитировал, а только по необходимости, перед боями, или когда сильно уставал. А может, это придумал мой тренер, чтобы привлечь внимание к занятиям.

– Привал!!!

Я протёр глаза, осматриваясь: лесная поляна, недалеко виднеется съезд с дороги.

– Здоров ты храпеть и самое что удивительно, сидя! И впрямь настоящий вояка! Давай, слезай. Сейчас отобедаем и дальше поедем. Слишком медленно двигаемся. К назначенному сроку, боюсь, не успеем.

– Далеко ещё ехать?

– Дня два, но нам нужно успеть к следующему утру, а то

нагоняй получим, что вовремя не прибыли.

– Так строго?

– Строго, не строго, но в повелении сказано прибыть к завтрашнему утру, значит надо прибыть к утру. Не вечером, ни днём, а именно к утру. Так что больше долгих остановок делать не будем.

– Лошади выдержат?

– А что им? Сейчас покормим, напоим и пойдём дальше.

– А люди?

– Если кони выдержат, то людям деваться некуда.

– Что и ночью поедем?

– И ночью. Лихих людей тут нет. А если возникше устанут, так тут каждый подменит друг друга. У самого-то, сколько лошадей в хозяйстве?

– Одна... была, да околела, – сказал правду из прежней жизни. Всё-таки в селе родился, и хозяйство хоть и небольшое: там полсотни кур, пара свиней, корова, да старенькая лошадь, имелись, пока она не сдохла и отец не купил мотоцикл. Правда, давно это было, ещё в первый-второй класс ходил.

Стояли на стоянке до полудня. Проверяли упряжь, переключивали равномерно поклажи, обихаживали лошадей, готовились к долгому переходу...

– Валео, возьми вожжи. Устал что-то, глаза слипаются, дороги не вижу.

– Так я ж дороги не знаю.

– Держись за передними, едем не быстро, но двигаться надо. Если что, разбуди.

Управлять кобылой оказалось легко. Она сама, без напоминаний, плелась по укатанной дороге. В какой-то момент задремал, но громкий окрик вывел из сонного состояния. Ничего не понимая, растолкал Михрона. Он всё-таки в караване старший.

– Что случилось?

– Караван остановился, – пояснил сонному Михрону.

– Так сбегай, узнай, почему встали... Ничего в темноте не вижу. Не могу понять, где мы?

Ночь и вправду выдалась тёмной. В паре метров ничего не видно. Небо заволокло тучами, и спутник не освещал поверхность планеты. Здешняя Луна, которую местные называли Лиссана, выделялась на небосклоне своими размерами. Считай, на ощупь, я двигался в голову колонны, благо, что идти не далеко.

– Что случилось? – спросил, у возничего.

– Разве не видишь? На дорогу бревно упало. Убрать сначала надо. Лучше иди, подмогни.

Присмотрелся. Впереди, метрах в пяти копошились трое, пытаюсь сдвинуть с дороги массивное бревно.

«Странно, – подойдя ближе, обратил внимание, что у основания ствол подпилен, – именно так и готовят засады. Но те, кто подготовил ловушку, пока не напали... испугались? Всё-таки много народа в караване. Все мужчины, некоторые

вооружены».

– Что стоишь? Помогай!!! – прикрикнул один из стоявших возле бревна мужчин.

– Ствол подпилен, это засада. Надо предупредить, – ответил, собираясь вернуться назад.

– И что? Думаешь, лихие люди на императорский караван нападут? Да ещё в котором новобранцы едут.

– Так разве...

– Не спорь. Лучше помоги, вчетвером очистим дорогу.

Дружно взялись за бревно и скатили его с проезжего пути...

– Что там? Почему так долго? – вернувшись к повозке, спросил Михрон.

– Бревно лежало поперёк дороги. Кто-то спилил и повалил.

– Бывает. Но лихие люди не нападают на императорский караван.

– Так откуда они поймут, что караван императорский?

– А разве не знаешь? Хотя, да, ты ж из глухой деревни. Смотри, на каждой повозке на бортах нарисован знак Императора. На первой и последней развивается штандарт. Если б не ночь, думаю и не преградили нам дорогу.

– Надо следующий караван, предупредить.

– Не надо. Лихих людей в лесах не много. И чем ближе к городу, тем меньше. Сейчас, видя, что попытка оказалась неудачной, они уйдут, затаятся.

Оставшуюся дорогу ехали молча. Как забрезжил рассвет, впереди на холме показался город.

– Столица?! – не удержался, произнёс вслух. Каменные с башнями стены из белого кирпича сияли в предрассветных лучах, открывая взору величественную картину. Красота – неопишная!

– Нет, ты что?! До Столицы Империи – Тиносванне недели три пути.

– Я думал, что...

– Мало ли что думал, – ухмыльнулся Михрон, – Империя обширна. Говорят, что и за два месяца не проехать с запада на восток. Здесь, в Сантории, стоит гарнизон, куда из ближайшей округи прибывают рекруты.

– И гвардейцы?

– В каждом гарнизоне есть гвардейский полк. Кстати, нам весь город надо проехать, чтоб к северной стороне прибыть, там гарнизон и квартирует...

Проезжая по широким улицам ещё спящего города, открыв рот, смотрел по сторонам: чистые, ухоженные дома, редко встречаются опрятно одетые люди, ухоженные деревья и подстриженные чуть выше человеческого роста кустарники. Не скажу, что город утопал в зелени, но неизгладимое впечатление произвели широкие улицы и расстояния между постройками. Как знал, сколько бед творил пожар, подхватываемый ветром, сметающий, всепоглощающий на своём пути. Это вам не точечная застройка, узнавался чёткий

план строительства и продуманная планировка.

Вереница телег въехала в распахнутые ворота.

– Новобранцы, с вещами налево! – грозно пророкотал приказ военного. В званиях, чинах я не разобрался, эти знания в моей голове не отразились. Знал только, что к офицеру принято обращаться «господин офицер».

Встал в неровный строй из двух десятков новобранцев. Хорошо, что пока проезжали через город не только смотрел по сторонам, а привёл себя в порядок, переоделся.

– С сего дня, вы становитесь солдатами доблестной армии Его Величества Императора Страниса Первого! ...не слышу радости?!

По рядам робко пробежал непонятный, не то одобрительный, не то осуждающий возглас.

– Ничего, научим... – прокомментировал военный, – как раз первое: сейчас выйдет полковник Мигнес – командир гарнизона и советую выучить наизубок, что отвечать надо «Марра-а-а!». Дружно, громко, но не кричать во всё горло. Отрепетируем...

После пятой попытки у нашего недружного строя получилось выдать что-то подобное воинскому приветствию. Я уже думал, что на этом всё и закончится, но как же я ошибался!

Битый час пришлось слушать лекцию о величии Императора, доблести его солдат и как нам повезло оказаться в рядах защитников Империи. В шеренге слышал недовольные возгласы, но произнесённые тихо их никто, кроме стоявших

рядом, не слышал, и нас миновала участь попасть под горячую руку.

Строй оживился при приближении увешанных аксельбантами офицеров.

– Сми-ир-но!!!

– Кто из них полковник? – кто-то сзади тихо спросил.

– Вероятней всего тот, у которого форма белая. Видишь, как все бегают вокруг него, – ответил так же шёпотом. Эта, в духе Советской Армии политинформация, изрядно надоела. Нет бы сказали, куда определяют на постой, какое довольствие, каков распорядок дня, а не накачка сословными обязанностями.

– Солдаты!!!

– А голос-то у полковника, громоподобный. Чуть не оглох, – опять кто-то сзади прокомментировал. Я хотел обернуться, посмотреть на этого смелого, но не стал искушать судьбу. Скажут «Разойтись!», тогда и можно глазеть по сторонам. Сейчас для меня главное – не опростоволоситься и попасть в гвардию, но как передать рекомендации? Не на прямую же к главному идти. Неизвестно, как воспримут нарушение субординации.

Полковник продолжал говорить, а я с нетерпением ждал окончания очередной политинформации. Офицер почти слово в слово повторял сказанное, как оказалось сержантом, только с большим количеством заумных фраз и соответствующим составу новобранцев эмоциональной окраски.

– Вопросы? Пожелания? – дежурной фразой закончил говорить командир гарнизона.

– Нет, господин полковник...

– Есть! У меня пожелание!!! – видя увеличившиеся до несусветных масштабов глаза ответившего за всех нас сержанта, понял, что если не примут в гвардию, то всё – пиши, пропало. Сгноит этот младший офицер меня на тяжёлых работах, замуштрует на плацу, заставит зубной щёткой очки драить с вечера и до обеда. Хотя, в этом времени ещё ни зубной щётки наверно не придумали, да и тёплого туалета с канализацией.

– Новобранец, у тебя есть пожелание?! – совладав с собой, спросил полковник. Сколько раз он так заканчивал свою речь, скольких новобранцев напутствовал на дела служивые и впервые за столько лет у безусого, зелёного юнца появилось «пожелание» и к кому? К полковнику, командиру гарнизона!!!

– Господин офицер, – с вещами сделал шаг вперёд, – у меня от господина энца Роила Донса письмо с рекомендацией о зачислении в гвардию.

– Письмо? Ты умеешь читать?

– Умею, господин полковник! – вынув из-за пазухи письмо, вытянулся по струнке. Зыркнув на меня недобрым взглядом, подошёл сержант и взял конверт.

– Похвально. Ну, что ж, почитаем, – с недовольством, но явным интересом, принялся вчитываться в послание полков-

ник, – так-так... Значит, сам изъявил желание служить, отличный боец, так-так... интересно.

– Господин офицер!!! Господин офицер!!! У меня тоже есть пожелание служить в гвардии! – из строя шагнул молодой, лет восемнадцати юноша. По голосу узнал, что это тот, кто стоял за мной и комментировал происходящее на плацу.

– Интересно, интересно... Есть ещё те, кто желает служить в гвардии? – окинув взглядом строй, спросил полковник.

Вышли двое.

– Отлично! Сержант, вот этот, – он указал на меня, – первое испытание на грамотность прошёл. Проверь остальных и через час приступим к следующему этапу вступительных испытаний. Господа, думаю, сделаем перерыв в занятиях и освободим полосу препятствий страждущим стать гвардейцами.

До меня, удаляясь, донёсся сдержанный хохот. Всё-таки командир изволил пошутить, но и выказывать раболепие непристойно офицеру.

– Что стоите?! Кто умеет читать, писать?! – заорал чуть ли не над ухом сержант. Оказалось, что и читать и писать умеют все, кто вышел.

– Подобрали свои вещи, и ждать здесь!

Сержант с остальными новобранцами удалился.

– В распоряжение их повёл, потом обед, – раздосадовано произнёс парнишка.

– Так зачем выходил? Если обед для тебя важнее.

– Меня, кстати, Юнцем кличут, я из Хогниса.

– Валентин, можно Валео. Я из Роднаса.

– Сентр, а это мой брат Вентр. Мы из Занинса. Родители умерли, остались одни, вот и подались служить.

– Что встали?! А ну, взяли свои пожитки и за мной, бегом!!!

– Вот и сержант нарисовался, – опять прокомментировал Юнц.

– Разговорчики! Вот попадёшь ко мне, узнаешь, что такое служба! – погрозив кулаком, ответил сержант.

Бежать оказалось не очень далеко. Повернули за огромный барак – казарму и остановились возле подобия спортивной площадки с полосой препятствий.

– Итак, слушать меня! Как появятся офицеры, скомандую «смирно», встанете по струнке. Кто из вас первый пойдёт на полосу препятствий, решите сами. Прохождение на время.

– Во сколько надо уложиться? – спросил, прикидывая трудность препятствий. На первый взгляд ничего неординарного не заметил: змейка, забор, полоса из перекладин, вкопанные до пояса чурбаки, водная преграда, какие-то манекены и всё.

– Двадцать пять минут, – перевёл произнесённое время в привычные величины.

Чтобы никому не было обидно, бросили жребий. Мне выпало бежать последним. Подошли разговорившие меж собой

офицеры, уселись на приготовленные кресла.

Сентр и Юнц успешно прошли испытание, а вот Вентру не повезло. После преодоления «забора» он неудачно приземлился и повредил ногу. Настала моя очередь.

– Сержант, – окликнул полковник, – этого «отличного бойца» испытать по экзамену «второго круга».

Глава 7

Идя к тренировочной площадке, капитан Нетрис с трудом сдерживал своё недовольство. Полковник Мигнес приказал прекратить плановые занятия его подчинённых и освободить площадку для испытания каких-то только что прибывших новобранцев.

– Доброго дня, капитан.

– Здравия желаю, господин полковник.

– Видя недовольство на вашем лице, прошу не судить строго. К нам прибыло пополнение из земель энца Роила Донса и четверо изъявили желание служить в гвардии. Не ухмыляйтесь, капитан! Я бы не придавал этому значения, но у одного из них имеется письменная рекомендация господина. Сами понимаете, оставить это без внимания я не мог, но и откладывать в долгий ящик не стал.

– И приказали немедля, без моего ведома, провести испытание, – констатировал очевидное капитан.

– Прошу меня простить, что вторгся в вашу вотчину, но не удержался в развлечении.

– Господа офицеры, кандидаты готовы, – отрапортовал сержант.

– Начинайте! – усевшись на приготовленное кресло, отдал команду полковник.

Капитан не стал присаживаться, а прохаживался, внимательно следя за тем, как проходят кандидаты полосу препятствий. Не сказать, что отбирать в гвардию солдат по более жёстким критериям его задумка, но во время последней боевой операции именно физическая подготовка, отточенные до автоматизма навыки и умения позволили вырваться из окружения. Тот, прошедший два месяца назад бой он помнил в мельчайших деталях. Самые страшные, кровавые эпизоды снились каждую ночь. Первые дни, после удавшегося прорыва, сорокалетний, повидавший жизнь мужчина, кричал по ночам. Каждый раз, снова и снова, переживая стоящие перед глазами ужасы рукопашной схватки.

Первый вышедший на испытание новобранец заканчивал прохождение последнего снаряда.

– Капитан, как вам кандидат?

– Для новичка, впервые вышедшего на полосу препятствий, относительно неплохо.

– Что я вам говорил! – обрадовался полковник, – как думаете, все пройдут испытания?

– Трудно сказать, – пожав плечами, ответил капитан. Рассуждения типа: «если», «может быть» не для него. Он бы предпочёл вернуть тех, кого потерял в последнем бою, а не набирать новых. Но личный состав гвардейской роты заполнен только наполовину. Он искал среди действующих солдат подходящих под критерии гвардии, но их оказалось мало. Муштра сделала своё дело. Чеканка шага на плацу, от-

работка боя в строю, в том числе штыковая атака – это не совсем то, что требуется гвардейцу. «Повелением Государя Императора гвардейцы – это солдаты, способные выполнить особо важное задание в тылу врага, добыть ценные сведения и навести страх на потерявших бдительность врагов», – процитировал он в уме выдержку из указа Императора...

Второй испытуемый прошёл полосу препятствий.

– Ну, что я говорил. Вот и пополнение, а то наш капитан совсем с ног сбился в поисках достойных нести гордое звание «гвардеец»!

– Господин полковник, прошу прощения, но вы, видимо запамятовали, что используемые сейчас критерии, месяц назад как не применяются. Время прохождения трассы уменьшено до двадцати минут, и в конце добавлен этап. Так называемый «второй круг».

– Да? И почему не довели изменения до меня?! – неприятно скривился полковник. – Ну, что ж, третий претендент проходит испытания, так что изменить ничего не сможем. Уточните, что значит «второй круг»?

– Испытания «второго круга» – это испытание раньше проходили солдаты, отслужившие в гвардии не менее двух месяцев. Сами понимаете, с нуля воспитывать солдат времени нет – идёт война...

– Вы совершенно правы. У нас приказ: восполнить личный состав, обучить и снова на самый тяжёлый участок. Срок как раз заканчивается через два месяца.

– Как всегда вовремя высказался начальник штаба. Я думал, что вы спите, полковник.

– Не сплю, господин командир. Обдумываю план мероприятий на предстоящую неделю.

– Ладно. Что там случилось, сержант, в чём заминка?

– Сорвался и упал с «забора» новобранец. Ногу повредил, еле ходит.

– В лазарет его. Кто следующий?

– Последний остался. Тот, у кого рекомендательное письмо, господин полковник.

– Что ж, капитан, будь по-вашему. Сержант! Этого «отличного бойца» испытать по экзамену «второго круга».

Капитан с недоверием посмотрел на вышедшего к стартовой линии кандидата, но возражать против изменения правил не стал. Подозвал к себе двух гвардейцев и отдал приказ занять позицию на финальном этапе.

По мнению капитана, кандидат медленно взял старт, но проходил препятствия, не снижая темп, что удивило выдавшего виды офицера. Взглянул на часы: пройдены два снаряда, а прошло всего треть отведённого времени.

– По-моему этот быстрее всех идёт, или я ошибаюсь?

– Всё верно, господин полковник, – ответил сержант.

– Главное, чтобы в финале не выдохся, – прокомментировал капитан, – сколько таких резких видел. Половину дистанции проходят на одном дыхании, а потом, словно останавливаются. Не стоит забывать, что это испытание «второ-

го круга» и чтобы пересечь финишную черту испытуемому необходимо преодолеть ещё одно препятствие – бойцов, которые всеми способами будут мешать пройти последние пятьдесят шагов.

– Прямо так всеми способами?

– Всеми дозволенными, – подтвердил капитан, – конечно, без использования холодного оружия. Это уже «третий круг».

– И сколько всего кругов? – удивлённо спросил начальник штаба.

– Всего в подготовке четыре круга, – продолжая внимательно следить за кандидатом, пояснял капитан. – «Первый круг», это тот, что прошли первые три, точнее два испытуемых. «Второй круг» – на финальном этапе кулачный бой с двумя противниками, но не тот, к которому мы все привыкли. Это не дуэль, закреплённая канонами Кодекса, а реальная схватка. Никаких условностей, никаких правил и ограничений. «Третий круг» – два бойца вооружены холодным оружием. Правила такие же.

– Вы жестоки, капитан. Из-за этого до сих пор и не укомплектуете всего лишь роту! – возмутился штабист.

– Господин полковник, я понимаю ваше недоумение. Но каждый из моих подчинённых с лёгкостью пройдёт «третий круг» испытания, а половина и «четвёртый круг».

– Есть ещё и «четвёртый круг»? – удивился полковник Мигнес.

– Есть. Но он для опытных, прослуживших не менее полугода солдат.

– Такие сложные требования?

– Судите сами. Испытуемый проходит полосу препятствий с оружием и в полном снаряжении...

– ...так это без малого тридцать килограмм, получается!

– Bravo! Господин полковник, вы не зря возглавляете штаб. Но это ещё не всё, – расплылся капитан, – добавляется два этапа. Сразу после полосы, стрельба из боевого оружия по мишеням на расстоянии в сто шагов. Потом схватка с двумя вооружёнными холодным оружием противниками.

– Жёстко!

– Замечу, что в последнем бою выжили все, кто с успехом проходил испытание четвёртого круга.

– В том бою всем тяжело пришлось. От полка осталась одна треть, – вставая с места, произнёс полковник Мегис, – а если бы не доблесть, оставшейся прикрывать отход гвардии, никого б не осталось.

Офицеры встали с места, почтив память павших. Перед глазами капитана единой картиной промелькнули образы погибших товарищей. Именно боевых товарищей, а не солдат, подчинённых. Почти всех он помнил по именам. Вот капрал Сегни закрыл его своим телом от града несущихся из засады пуль, вот солдат Вансис вовремя прикрыл спину от напавшего сзади противника, вот сержант Тонсин рубанул от души и рассёк пополам противника, душившего капитана.

Нетрис вновь ощутил во рту солёный привкус крови, но сейчас это его кровь. Он достал из кармана платок и вытер прикушенную губу. Тяжело довались ему воспоминания, но надо продолжать жить и готовить солдат, чтобы они имели шанс выжить в том крошечном аду, в который в скором времени попадут.

– Капитан, с вами всё нормально? Вы бледны.

– Благодарю. Со мной всё в порядке, – Нетрис отделался от воспоминаний и взглянул на полосу препятствий. Испытуемый закончил прохождение последнего снаряда и вышел на небольшую площадку, где его уже ждали.

– Как думаете, капитан, пройдёт новобранец испытание?

– Тогда придётся «второй круг» заменять сразу третьим, – недовольно проговорил штабист.

– Если пройдёт, то в скором времени станет одним из лучших гвардейцем во всей роте.

– Почему же?

– Потому что с первого раза никто не проходит. Если удаётся с запасом пройти все снаряды полосы препятствий, то остатки времени теряются на последнем рубеже. Примерно две трети не пересекает финишную черту, побеждённые бойцами, остальным не хватает времени. Сами знаете, выстоять против двоих сразу, без подготовки... не скажу, что невыполнимо, но трудно. Только двое с первого раза смогли и сейчас они лейб-сержанты.

– Что ж посмотрим. Кстати, у него необычное имя: «Ва-

лео Мирони». Вероятно, он из древнего, но обедневшего рода. Не думаю, что энц Роила Донса стал просить за простолюдина.

– Тем более странно...

Стоя на старте полосы препятствий ко мне подбежал сержант:

– Для тебя, кандидат, условия другие. Время прохождения двадцать минут, и ещё, в конце тебя ждёт сюрприз из двух противников. Тебе надо их одолеть.

– С чего такая щедрость? – удивился я. Всё-таки остальные проходили испытания по другим условиям.

– Так ты ж у нас «отличный боец»! Так что, давай, вперёд! Время пошло.

Рассуждать времени не было. Сначала рванул с места, но преодолевая первое препятствие, сбавил темп, войдя в привычный ритм. «Змейка», «бревно», «забор», шаги по чурбакам, перекладина, водная преграда – ничего необычного. Стандартная полоса препятствий. Сколько раз, служа в армии, приходилось проходить такого рода полосы и не упомянуть. Меня только смущал финал. Мельком бросая взгляд в конец полосы, замечал, как нехотя, с ленцой разминаются мои предстоящие экзаменаторы. Для себя сделал вывод, что бить будут сильно и мысленно поставил задачу, прибыть к финальному испытанию не сбив дыхание, и по возможности не устав. Плохо, что никто не подсказывал время, с которым

иду по дистанции.

Последний снаряд – «водная преграда». С разбегу плюхаюсь в грязную жижу и иду, помогая себе руками. Ноги вязнут в плотной субстанции, словно упал в болото, но на дне твёрдая поверхность, не дающая утонуть. Добрёл до противоположного берега, подтянулся на руках и перевалился через невысокий ограничитель. Хотел немного отдышаться, но вовремя вспомнил о двух ожидающих меня бойцах.

С перекатом поднялся на ноги, и... мимо просвистела в ударе нога. На меня, ехидно ухмыляясь, надвигались двое. Один чуть впереди. Второй, видимо более опытный, чуть сзади. Первый быстро сокращает дистанцию... удар без замаха в область сердца. Надпочечники выбросили лошадиную дозу адреналина. Едва успеваю сделать шаг вправо и встречаю его двойкой в челюсть.

Беречь руки в такой ситуации не стал. Если б не моя расторопность, и надо отдать должное чуйке, не поднялся бы и после первого, нанесённого ногой удара.

Шагаю навстречу ко второму. Тот, видимо ожидал, что до него очередь не дойдёт, и на мгновение замешкался, но видя, как медленно заваливается его соратник, в глазах его проснулась ярость.

Два шага вперёд. Встречный прямой удар ноги по корпусу отбиваю, разворачиваясь вокруг своей оси, и с разворота бью по затылку... Страшный удар. Запрещён в современном боксе. Его ещё называют «удар кролика». Тренер рассказы-

вал, что название этого удара пришло в мир бокса из Англии. Дело в том, что охотники ловили кролика или зайца и били его по затылку, после чего тот умирал быстро и без мучений. Но армия это не спорт. Цели другие. Первое время, проходя курс молодого бойца, было трудно себя перестроить, сломать годами вдалбливаемые ограничения и нормы... но справился.

Противник чуть приседает, и сжатый кулак сбивает шапку с его головы. Отскакиваю в сторону от каверзного контр-удара ногой в колено. Шаткое равновесие. Ни мой удар, ни его, не достигли цели. Стоим в паре метров друг напротив друга. В его глазах читаю неприкрытую ярость.

«Они что, с ума сошли? Покалечить хотят таким испытанием», – мелькает мысль, и тут же вспоминаю. – «Испытание. Это всего лишь испытание полосой препятствий. Надо дойти до финиша и передо мной открытая дорога. Противник оказался сзади и не догонит. Осталось всего-то двадцать шагов».

Словно ошпаренный, стартую и бегу к вычерченной на земле полосе. Пусть считают трусом, но задача не победить противника, а добраться в установленное время до финиша. За спиной слышу тяжёлое дыхание...

– Стоп!!! Пройдено! – слышу голос сержанта.

Останавливаюсь, а через мгновение в меня врзается не успевший затормозить противник. Чуть отскакиваю, разрывая дистанцию, и принимаю боевую стойку, но новь слышу:

– Прекратить! Стоп, я сказал!!! – доносится приближающийся звук незнакомого, но хорошо поставленного командного голоса.

– Представься, гвардеец.

– Валентин Мирон... – запинаясь, вновь пытаюсь произнести своё земное имя, но вовремя поправляюсь, – Валео Мирони.

– Отдышись. Я – капитан Сантри Нетрис, командир гвардейской роты.

Пытаюсь принять стойку «смирно».

– Не надо, – останавливает меня капитан. – Как понимаешь, с сего дня ты зачислен ко мне в подразделение... Что с Угнерой, живой?

– Живо-о-ой. Привели в чувство. Хорошо ж ему прилетело, – ответил сержант.

– Тренас, проводи его в расположение. Расскажи, что и как. Пусть приведёт себя в порядок, а дальше по распорядку.

– Будет исполнено, капитан, – ответил тот, кто догнал меня...

Я с опаской шёл за своим провожатым. Не скажу, что он выглядел грозно, но помня ярость в его глазах, ожидал неприятностей.

– Не зыркай так на меня. На сенар⁴ злость побереги.

– Меня Валео зовут.

⁴ Сенары (здесь) – общее название выходцев из Сенарской Империи, с которой идёт война.

– Не Валео, а гвардеец Мирони. Я – гвардеец Тренас, – остановившись, протянул мне руку солдат.

– Мне бы помыться, постираться, – в ответ протянул руку, – а то идём оба грязные. На нас все смотрят. Я вообще измазан грязюкой по самые уши.

– Так в расположении и помоемся... Скажу сразу, не ожидал от новобранца такой прыти, – через несколько десятков шагов заговорил провожатый. Я-то уже огорчился, что нажил очередного врага, – думал, что до меня и очередь не дойдёт. Угнера один с тобой справится, а ты вон оно как. Его считай одним ударом положил... Где обучался бою?

– Отец обучал и братья, – не стал отходить от основной легенды, – я самый младший в семье. Пока не подрос, ото всех получал, зато научился.

– И сколько ж братьев у тебя?

– Нисколько. Отец и все братья померли в этом году.

– И толком ни имущества, ни денег, вот и подался в армию?

– Да.

– Понимаю. Сам такой. Только я старший в семье был... Ладно, пришли. Сейчас обмоемся, потом обмундирование получать пойдём.

В рутине, незаметно, прошёл день. Мне выдали форму. В просторной полевой палатке определили лежанку, но самое неприятное, что попал в отделение вместе с Угнерой. Догадываюсь почему, но всякий раз, когда наши взгляды пересе-

кались, он смотрел на меня с презрением.

На вечернем приёме пищи узнал, что из знакомых, с кем проходил испытание, приняли в гвардейцы только Юнца, а два брата отказались расставаться и их зачислили солдатами в строевое подразделение.

Поступила команда «Отбой!», но я никак не мог уснуть, словно ожидал чего-то. Хотя, что можно ожидать в новом коллективе? Разумеется, буквально через час, как шум за стенами палатки стих и офицеры, после вечернего доклада разошлись по своим местам, меня бесцеремонно кто-то толкнул в плечо:

– Вставай! Пошли, поговорить надо! – голос мне оказался незнаком, но по очертаниям силуэта, угадал, что по мою душу пришёл Угнера.

Глава 8

Тусклый свет едва освещал пространство палатки и к своему удивлению заметил, что никто из её обитателей не спит. Кто сидел на лежанке, кто стоял возле сооружённого из каких-то ящиков импровизированного стола.

– Присаживайся.

– Благодарю, но постою, – отказался, разумно предположив, что стоя больше шансов оказать сопротивление. А то, вон какие морды злые. Да и народа слишком много собралось, значительно больше, чем имевшихся спальных мест. В тусклом освещении различил знакомый профиль гвардейца Юнца из другого отделения.

– Эй, Мирони, к тебе обращаются, – кто-то легонько толкнул в спину, – расскажи о себе, где родился, чем жил.

В сотый раз рассказывать придуманную легенду не хотелось. Всё-таки внимательный слушатель заметит нестыковки в деталях и тогда не спасёт и знакомство с энцем провинции.

– Родился, учился, вызвался служить и вот я здесь, – ответил с иронией в голосе. Я не ожидал, что краткий рассказ удовлетворит слушателей, но попробовать стоило.

– Что ж, коротко и ясно. Ладно, новобранцы, я – лейб-капрал Сивкус. Следующий по старшинству после лейтенанта Гонтисса, нашего командира взвода...

Замóк⁵, как я окрестил Сивкуса, рассказывал прописные истины: о правилах общежития, распорядок дня. Пугал предстоящими трудностями и уважительно отзывался о капитане Нетрисе.

– ...так вот, новобранцы. Первое время будет трудно, но держитесь. С завтрашнего утра начнутся тренировки и занятия. Чтобы быстрее привыкнуть, к вам приставлю наставников. Мирони, твоим наставником станет гвардеец Угнера. Вы уже знакомы. А Юнцу – гвардейца Мозанн. Всё. Теперь отдыхать. Не проспите утреннее построение.

– Так, чай деревенские мы. Привычны с зорькой вставать, – ухмыльнулся Юнц. Не скажу, что меня раздражало его веселье, но за недолгое время, пока были рядом, он, ни на секунду не умолкал, шутил, балагурил.

– Зря ухмыляешься. Все мы тут не привыкшие к дворцовым перинам. Ладно, всё, отбой.

– Пошли, – поманил за собой Угнера.

«Значит, «прописывать» не будут», – выдохнул с облегчением. За один день слишком много событий. Устал, если честно, сегодня руками махать.

– Давно в боях участвуешь? – неожиданно задал вопрос провожатый.

– В боях не участвовал. Пара дуэлей была и всё.

– Не заливай. То, как ты меня вырубил, запрещено дуэльным Кодексом. Так что, не стесняйся, рассказывай... Что за-

⁵ Замóк (жарг.) – Заместитель командира взвода.

молк? Не бойсь. Я, например, перед тем как пойти служить, за деньги дрался. Ох, и хорошо жилось!!! Ведь богачи тоже люди. А какие у них развлечения, если родом не вышел – не дворянин? Девки, еда, да молодецкий бой. Вот и собираются они где-нибудь на окраине, попарятся, понежатся в бане, да бои смотреть желают. А где взять бойцов, чтобы Кодекс чтили? Вот и получается, что простолюдины простолюдинов развлекали. Свои неписанные правила были.

– И зачем тогда служить пошёл?

– Так пришиб я одного бойца. Вот и взъелись на меня. Еле убёг. Прибился к каравану новобранцев и за пару лир⁶ согласился заменить одного из сыновей какого-то трактирщика.

– А я можно считать, что по своей воле пошёл.

– Что ты говоришь?! Прямо, во славу Императора готов жизнь отдать?

– Зачем её отдавать? Я постараюсь забирать, не отдавая.

– Хм, также говорит и наш капитан. Ты, кстати, не смотри, что он молодой. Военское искусство знает. Если б не его мудрёные занятия, лежали бы мы все в сырой земле ещё в первом бою.

– Много погибло? – спросил, желая разобраться в строении местных вооружённых сил. Первое, но поверхностное знакомство со структурой армии я получил от знаний переданных ИнАУ. И к удивлению для себя обнаружил привычную иерархию боевых подразделений. Основной и мини-

⁶ Лира (здесь) – золотая монета крупного номинала.

мальной боевой единицей являлись десять солдат во главе с командиром. Ну, прям точно: «отделение». Следом по численности идут кратные трём, а чаще шести боевые единицы. Опыт и знания услужливо подсказывало привычные земному сознанию названия: взвод, рота, батальон, полк. Только на этом сходство и заканчивалось.

– Много, – ответил Угнера, располагаясь на лежанке. Наши места оказались рядом, а я в суматохе и не заметил. – Два десятка осталось. Говорят, что после того боя капитан дал по морде какому-то полковнику. Но не знаю, слухи, наверно, я всего полгода, как в гвардейской роте. Но после этого капитан стал гонять нас не так, как всех остальных. У нас строевого боя, считай, и нет.

– Строевой бой?

– Ага... Ах, да! Ты ж не военный, а из дремучей провинции, что и название вспомнить трудно. Нас обучают не бою в строю, когда шеренга идёт на шеренгу, паля из всего, что только есть, сходясь под конец в штыковой, а действовать малыми группами, захватывать там ценные сведения, вносить неразбериху в штабах...

«Прям диверсанты-разведчики», – подумал я, анализируя слова наставника.

Угнера оказался нормальным парнем, примерно моего возраста, но выглядел он старше своих лет. Короткие чёрные волосы, обветренное долгим нахождением на открытом воздухе лицо, но что поразило, это взгляд: такой пробирающий

до самых костей. Если б встретил его вечером в подворотне, не знаю, как бы себя повёл.

Начались солдатские будни. С утра пробежка пять километров, затем завтрак, занятия с ножом, занятия с оружием, обед, стрельбы или опять занятие с оружием, ужин, и так каждый день. На общем фоне солдат старался не выделяться. В основной группе выполнял все установленные нормы, а по вечерам, старослужащие, рассказывали байки из своей долгой воинской жизни:

– Для вас, не нюхавших пороха, первый бой или задание станет самым трудным и тяжёлым испытанием в вашей жизни. Если переборете себя, стиснув зубы, не приклоните колена, а побежите к неприятелю, то останетесь живы. Пусть палят из своих ружей проклятые сенары, а ты знай, да иди. Если остановишься – пропадёшь.

– Лейб-капрал, расскажите, что с капитаном? – встрял в монолог гвардеец Юнц, – он прям зверь какой-то. Всё ему не так делаю, гоняет до четвёртого пота. Ноги уже отваливаются и зачем нам бегать? Мы ж...

– Мы гвардия, солдат Юнц и нечего бузить на капитана Нетриса. Лучше сейчас побегать, пострелять, чем во время задания у тебя мушкет заклинит.

– Так стрелять-то не обучен, не из чего стрелять мне было. Впервые только здесь мушкет увидел. Тяжё-ёлый, руки отваливаются его таскать.

– Так ты не на руках таскай, а смотри, как другие несут.

Ну, или на погодка глянь. Валео! Давно хотел спросить, как ты хитро умудрился мушкет приспособить.

Делать нечего, пришлось придумывать историю, что это отец так мушкет носил:

– Это отец меня научил. Он охотник знатный был. Никогда без добычи не приходил.

– Тут много охотников знатных. Ты лучше расскажи, что с мушкетом сотворил, что и ползать и бегать не мешает?

– Ремень я длиннее пришил.

– Это как, зачем?

– Выпросил у солдат за вечерний хлеб ремень от мушкета, сшил вместе и бегунок поставил. Правда, с ним пришлось помучиться. У интенданта пришлось выпрашивать.

– У кого? – не поняли моего словца.

– Ну, у того, кто форму выдаёт. Я бляху от ремня выпросил, теперь у меня мушкетный ремень можно изменить расстояние. Когда на плече – одна длина, когда за спиной – другая...

Слух о моём рацпредложении утром донёсся до капитана. И меня, прям во время обеда, вызвали к командиру.

– Гвардеец Мирони по вашему приказанию прибыл! – отрапортовал, войдя в расположение офицерского состава гвардии.

– Прибыл, это хорошо. Докладывай, что сотворил с оружием? Половина состава гвардии бегают по гарнизону и ищут ременные застёжки, а вторая половина одолевает обозника,

то нитки им надо, то шило, то иголки.

Я принялся, как мог объяснять, но видимо капитан ничего не понял из моего сбивчивого доклада и скомандовал:

– За мной!

Прибыли к палатке, где в пирамиде стояло моё оружие.

– На плечо!

С молодцеватым видом вскинул на мушкет, кстати, дрянная вещь. Длинное, почти два метра, не сбалансированное и вдобавок очень тяжёлое. Мне, привыкшему к современному земному оружию, непривычно таскать с собой такую громадину. Лучше б к дулу остриё примостили и вроде копья использовали, чем останавливайся, заряжай через дуло: засыпай порох, утрамбовывай, засовывай свинцовый шарик, вновь длиннющим шомполом утрамбовывай, вставляй пыж, утрамбовывай, прилаживай к стволу обратно шомпол, потом, взводи боёк и из другого патронташа, заполняй камеру порохом. Но и это ещё не всё. Если сразу стрелять, то понятно, принимаешь стойку для стрельбы и нажимаешь на курок, но если стрельба откладывается, боёк в походное положение, да так, чтоб порох в камере не рассыпался, да не намок.

У тренированного солдата минуты две уходит на перезарядку и это считается хорошим результатом. Я не говорю о качестве пороха. На стрельбах, после двух выстрелов, ничего впереди не видно. Всё застилает плотный, серо-сизый дым.

Капитан обошёл меня вокруг, заставил пробежаться, залечь и проползти по-пластунски. Приказы я исполнял бод-

ро, делая заминку на долю секунды, чтобы на отмеченные места передвинуть ружейный ремень. Хотя, какой он ружейный, тогда уж – мушкетный.

– Сам додумался?

– Так точно, господин капитан!

– Молодец, хвалю! И отметки на ремне сделал, чтоб долго не подбирать длину. В бою это неоценимо. Вызови ко мне лейб-капрала.

– Капитан Нетрис, вас господин полковник к себе требует, – прибежал дежурный вестовой.

– Отставить! Со мной пойдёшь, – отменил свой приказ капитан и мне, чеканя шаг, пришлось следовать за офицером.

К моему удивлению, меня пропустили внутрь штаба – это капитан настоял. И теперь я, стоя возле двери, где находилось святая святых – штаб гарнизона, ожидал его возвращения.

В бытность службы в армии, в земной, имеется ввиду. Я предпочитал соответствовать принципу: подальше от начальства, поближе к начпроду. Но выходило следовать только первому правилу – находиться подальше от начальства. Хотя, в век современных технологий и находясь где-нибудь на выходе с учебно-боевым заданием, всегда какой-нибудь офицер-штабист норовил влезть в размеренный план учений со своими, граничащими с безрассудством, вводными. В принципе, из-за этого я и не остался на сверхсрочную, не согласился подписать контракт. Как же красиво и со значи-

ем дела уговаривал меня командир взвода – старший лейтенант Изаров, обещая золотые горы. Я даже задумался, а не остаться ли? Всё-таки из большого числа претендентов прошёл отбор и заслужил право быть переведённым в состав ДШБ⁷. Правда ни отцу, ни матери об этом не говорил, подписку отобрали. И вернулся я со службы со «спящим» приказом устроиться в МВД...

– Капитан! Вы забываетесь! – через плотно прикрытую дверь донёсся громогласный голос одного из офицеров.

Я сделал пару шагов в сторону от двери, чтобы не пришибли меня открывающимися створками, а то мало ли.

– Контингент не прошёл полный курс подготовки и не готов к выполнению...

– Что значит не готов? Штатная численность? ...что ещё нужно?! В гарнизоне единственное подразделение с полным штатом, а говорите... «не готовы»! Разработать план передислокации, срок два часа!!! Свободны!

Дверь распахнулась и красный, словно варёный рак, из помещения вышел капитан:

– За мной!

Я еле успевал за шедшим торопливым шагом капитаном. Все, кто нас видел, шарахались в стороны, уступая дорогу. Возле своей палатки, капитан бросил:

– Командиров взводов ко мне, срочно!

Через два часа подразделение в полном составе пеше

⁷ Десантно-штурмовая бригада ВДВ.

по-тележному удалялось из обжитых и ставших родными окрестностей Сантории...

– Куда идём-то? – в очередной раз в никуда, спросил Юнц. Но в этот раз, неожиданно для всех получил ответ от следовавшего рядом лейб-капрала:

– На войну. Фронт прорван, а мы ближе всех. Вот нами и заткнут дыру.

– А гарнизон?

– Гарнизон через двое суток подойдёт. Такую махину за полдня не перебросишь.

– А мы значит можем...

– Можем, именно поэтому ты, как и все мы – гвардейцы.

– Идти долго? – вмешался в разговор, чтобы рассчитать свои силы. Всё-таки обмундирование неудобное. Так до конца подогнать и приладить под себя не удалось. По чуть начало натирать плечи, хорошо, что вместо тонких носков приспособил портянками разорванные свои гражданские штаны.

– Согласно приказу обязаны прибыть на место завтра вечером. Но идём шибко хорошо, может, и раньше прибудем.

Команда о привале и оборудовании ночлега застала меня на пределе сил. Это вам не в берцах, с удобной разгрузкой и РД-54⁸ ходить. Амуниция, оружие и вдобавок столько ещё всякого нужного на одном солдате навешано, что сравнится с полной экипировкой в сорок килограмм перед боевым вы-

⁸ РД-54 – рюкзак десантный.

ходом. Но один существенный недостаток – неудобно!

– ...Мирони, Владнес, Дрести – вторая смена охранения.

«Значит, не в самое тяжёлое время стоять на посту», – обрадовался я.

Организация дозора на стоянке была схожа и привычна по службе в армии, но с некоторыми отличиями, не влияющими на суть несения службы: предварительный инструктаж, осмотр внешнего вида, проверка исправности оружия; распределение по постам; в сопровождение старшего, развод на места несения службы. Вот только стояли в дозоре не по два часа, а четыре и без бодрствующей смены, что меня несколько удивило. Ведь за четыре часа взгляды в однообразный пейзаж не столько сам устанешь, сколько глаз замылится и не заметишь изменение окружающей обстановки.

В размышлениях незаметно задремал.

– Вставай! – кто-то легонько потряс за плечо, – твоё время, – ходил разводящий, и будил тех, кому выпала честь стоять в дозоре.

До рассвета ещё долго, ночь непроглядная. По ощущениям, примерно два часа ночи. Не скажу, что по прибытию на планету сразу привык к местным реалиям. Всё-таки сутки здесь длились двадцать шесть часов, но пообвыкся. Человек такое существо, что привыкает ко всему, если это не потеря головы, конечно. Читал как-то об одном, живущем возле водопада племени, так они звук падающей воды совсем не замечают, разговаривают свободно, привыкли.

Вместе с разводящим дошёл до ограничивающей полянку кромки леса. Принял пост. Осмотрелся – темно, хоть глаза выколи. Света от тлеющих костров едва хватает, чтобы различить тени телег и установленных палаток, не говоря о том, чтобы рассмотреть силуэты солдат. Не скажу, что место для ночлега выбрали удачно: в районе видимости от дороги, ограниченная с трёх сторон лиственным лесом поляна, где уместился весь состав роты, но недалеко, как говорили, ручей с водой, что оказалось несомненным плюсом.

– Доклад! – тихо подошёл разводящий.

К моему удивлению, проверка: пароль-отзыв в этом мире не применялась. Все друг друга должны знать в лицо, в особенности сержантский и офицерский состав. С одной стороны хорошо, но много всяких случаев случается, например, новобранец, не знает командира. В темноте не разобрал, кто следует, а по приказу, обязан если не открывать сразу огонь на поражение, то поднять тревогу, выстрелом в воздух. Несколько раз и я попадал в такую ситуацию, правда, ещё, будучи в гарнизоне. Стоишь такой на посту, охраняешь объект, а к тебе среди тёмной ночи идёт какой-то офицер, да без разводящего. Что делать? Приходилось поднимать тревогу, стреляя в воздух. Я-то первые дни не мог взять в толк, почему, почти каждую ночь раздаются редкие выстрелы. Думал, что ночные стрельбы, но потом Угнера объяснил.

– Без происшествий! – так же тихо, отрапортовал.

Меня сменили. Дошёл до своего отделения. Спать не хо-

телось. Через пару часов всё равно вставать и я привалился к телеге, и погрузился в медитативное состояние. Чем оно хорошо, что не отключаешься полностью, а находишься в пограничном состоянии. Чувствуешь всё происходящее вокруг, осознаёшь.

Раздался едва слышимый скрип металла и хруст веток. Рывком вернулся в сознание и схватился за оружие.

– Кто здесь?!

Глава 9

– Господин капитан, вы б отужинали, а то третий раз разогреваю.

– Не сейчас, Стиин, позже.

– Куда уж позже. Утро скоро. Всю ночь просидели: то с командирами, то дозоры проверяли, то думы военные думали. Нет бы, поспали, хоть чуток. С утра ж вновь в путь, господин капитан.

– Опять ворчишь! Вот отошлю, будешь знать!!!

– И отсылайте! Хоть повоюю на старости лет, а то совсем застоялся. Помните, лет десять назад, какие лихие времена были...

– Помню, помню. Ладно, неси, что там приготовил.

Под пристальным взглядом капитана, ординарец удалился. Понятно, что никуда гвардейца Стиина капитан отсылать не собирался. Да и не куда его отправлять.

Савэл Стиин – ветеран, прослуживший в гвардии с самого её основания, а это не много ни мало тридцать лет. Всего себя отдал армии и после окончания срока службы вместо того, чтобы окунуться в гражданскую жизнь, остался при капитане Нетрисе. Поставлен на довольствие и исполнял роль... нет, не няньки, а ординарца.

– Присаживайтесь, господин капитан. Стол накрыт.

– Благодарю. Присядь со мной. Одному неуютно.

– Не положено.

– А если прикажу?

– Не положено, а приказ ваш...

– Ладно. Оставь. Сколько мы с тобой знакомы?

– Лет двенадцать. Я как раз лейб-сержантом во взводе, что приняли под командование служил. Сколько за это время пережили, и не упомнишь.

– Помнишь офицера Лигонса?

– Как не помнить?! Он же моим взводом командовал. Помню, возле какого-то села прижали нас вольные стрелки. И сильно так прижали. Не ожидали мы нападения, шли походным маршем в место новой дислокации, а тут они налетели... На конях, да с саблями наперевес. Помните, в те годы банды на юге Империи уж больно в силу вошли, прям целые провинции под себя подминали. В тот раз еле успели развернуться в боевой порядок и... началось!

– Встречный бой?

– Извините, господин капитан, я военным наукам не обучен, не знаю, встречный он или не встречный, но рубка была знатная!!! Мне чуть саблей плечо не отсекли, но повезло... мушкет успел перед собой выставить. М-да. Много гвардейцев в тот день полегло и командир хороший... был.

– Почему был?

– Так говорили, что помер лейтенант Лигонса от ран. Не довели. И командира, потом нам нового прислали.

– Не помер он. Выжил. Сейчас он в чине капитана командир полка. Как раз к нему на выручку идём.

– Во, как!!! Хорошая новость. Ладно, я пойду, приберусь. А вы отдохните. До рассвета всего ничего осталось.

– Сам бы отдохнул.

– Что мне отдыхать-то? Бессонница у меня. Час-два подремлю, а потом только мучаюсь. Лучше уж на ногах.

– Хорошо, ступай.

Ординарец вышел, аккуратно закрыв за собой полог палатки.

– Эх, вода закончилась, не уследил! – проверив большую походную флягу, произнёс Стиин. – Надо подумать, у кого в такую рань воды выпросить. Или пойти самому набрать, тут вроде недалеко.

Стараясь не шуметь, ординарец взял с собой ведро и осторожно зашагал к ручью. Предстояло пересечь спящий лагерь, так как ручей располагался на противоположной стороне, на опушке леса...

Едва слышимый скрип металла и хруст веток рывком вернул в сознание.

– Кто здесь?! – произнёс, схватившись за оружие.

– Это я – Стиин, ординарец капитана. Не шуми, дай живым ещё поспать.

Я присмотрелся и в сумерках разглядел облачённого в форму гвардейца. Лицо показалось знакомо, видел его несколько раз возле капитана.

– Куда в такую рань?

– Бдишь, это хорошо. За водой иду, чтоб утром капитан спокойно умылся.

В руках у пожилого гвардейца пустое ведро, да на шее перевязь из десятка фляг.

– Может помочь? – спросил, опустив мушкет.

– Не спится? Тогда помоги. Всё быстрее обернёмся.

Нацепил на плечо мушкет и взял ведро.

– Правильно, что оружие не оставил, – одобрительно кивнул ординарец.

Как показалось, шли долго. Обходили спящих вповалку солдат, постояли с проснувшимися кашеварами и надолго остановились возле постовых, разговаривая. Каждому пожилой гвардеец находил что сказать, то подбодрил словом, то подсказывал, как скорее обустроить приготовление пищи, то интересовался ночными происшествиями, внимательно выслушивая ответ часовых.

Дошли до места, где бежал ручеёк чистой, прохладной воды. Окрестность знакомая, приходил за водой для взвода.

– Набирай, а я посторожу.

«Какой правильный гвардеец, – удивился опыту и прозорливости пожилого вояки, – и ведь верные советы давал сослуживцам. И сейчас правильно расставил приоритеты, что я быстрее справлюсь с задачей набрать воды, а он с охранением».

– Что застыл, набрал? Тогда пошли назад, но только вни-

мательнее по сторонам смотри, – видя в моём взгляде непонимание, ординарец продолжил. – Слышишь?

Я прислушался, но ничего необычного не услышал, только почувствовал, как порыв ветра донёс лёгкие нотки костра.

– Нет. Тихо.

– То-то и оно, что тишина в лесу. А такое случается, если хищный зверь близко или кто другой спугнул мелкую живность.

Дальше шли молча. Часто останавливались, прислушивались, но, ни зверей, а тем более людей по дороге не встретили.

– Спасибо, помог, – возле командирской палатки остановились.

Наступало утро. То там, то здесь доносились редкие команды. Лагерь постепенно просыпался. Я, довольный, что сделал доброе дело – помог пожилому вояке, не спеша двигался к расположению своего взвода, но вдруг раздался громкий хлопок!!! Ещё один! Дымом заволокло и без того покрытое предрассветным туманом пространство поляны. Упал, спрятавшись за повозку. Крики, суета, нечленораздельные команды, всё потонуло в раскатистых разрывах.

Хлопки взрывов раздавались ещё пару минут, и вдруг всё стихло... Я лежал под повозкой, осматривая окрестности. Противника или вспышек огня из мушкетов не заметил, что было странно. В ночи вспышка выстрела из огнестрельного оружия видна на многие километры. Даже кроны деревьев

не скрывают яркую вспышку, а тем более такого нетехнологического оружия, как здесь. Тут и о бездымном порохе ничего не слышали, не говоря о пламегасителях, глушителе и прочих достижениях военной промышленности моего времени. Как только волей судьбы попал в этот Мир, была у меня мысль заняться прогрессорством, но первый опыт с оптимизацией ремня для мушкета, привёл к выводу, что для начала необходимо достичь определённого веса в местном обществе. Сколько косых, осуждающих взглядов, пришлось пережить, доказывая свою правоту в удобстве нововведения. Хорошо, что ещё командир оказался на моей стороне, а то бы загремел куда-нибудь в местную Сибирь, или куда тут неугодных ссылают и ссылают ли вообще, может сразу вешают.

Над лагерем разнеслась команда: «Сбор!».

– Взвод! – построил личный состав лейтенант. – Личные вещи оставить здесь, пополнить боезапас и через минуту выступаем. Нам поручено догнать и уничтожить группу, совершившую налёт на лагерь. Она малочисленная, так что справимся. Двигаться по парам из вида друг друга не терять. Надо их догнать, чтобы не раскрыли нашего расположения основным силам.

«Странно, – возмущался, идя во второй паре за проводником, – никакой тактики! Может, противник уже отослал гонца с указанием нашего местоположения, может это отвлекающий манёвр, чтобы разбить единое подразделение и по-

том заманить на засаду и малыми группами уничтожить».

Особенности ведения здешней войны мне стали понятны ещё из пройденного курса обучения, но не думал, что информация, полученная из открытых источников, настолько соответствует реалиям военного дела. Рассказы бывших вояк об участии в сражениях, когда противники выстраиваются в две-три шеренги друг напротив друга и палят, выстреливая полный боезапас, а только потом сходятся в рукопашной, напоминали сцены из просмотренного очень давно фильма «Война и Мир». Но во времена девятнадцатого века моего столетия на вооружении стояли пушки, а тут, ну, есть громоздкие такие сооружения, которые использовали в основном на стационарных оборонительных пунктах. Но ни о какой передвижной артиллерии и намёка не было, не говоря о фортификационных сооружениях, окопах и прочих земляных укреплениях. Надо отдать должное, что и сами мушкетеры представляли собой, мягко сказать, уровень даже не девятнадцатого века, а скорее семнадцатого, самого начала массового распространения огнестрельного оружия. Убойная дальность шагов сто – сто пятьдесят, а прицельно вести огонь удавалось только на дальности до пятидесяти шагов. Расчёт строился на массированный огонь, а не на меткость. Хоть и в гвардии, куда волей судьбы и благодаря поручительству попал, делался упор на огневую подготовку, но всё же основное в этом мире была штыковая атака и рукопашная схватка.

– Валео, слышишь? – тихо произнёс шедший в паре Юнц.

Я остановился, прислушиваясь. Всё-таки я не лесной житель: и хожу громче других, и не разбираюсь в травах, не примечаю такие важные для местных особенности, что если бы существовала местная контрразведка, то меня сразу бы взяли на карандаш.

– Слева ветка хрустнула и шум, вроде, завозился кто, – не дожидаясь ответа, так же тихо произнёс Юнц.

Внимание на этого молодого парнишку я обратил сразу. И не из-за того, что он шабутной, вечно неунывающий, встречающий любое испытание или сложную ситуацию с весёлым пренебрежением, а что на удивление оказался непритворно справедливым человеком.

В один из первых дней нашего пребывания в гвардии его отправили в совместный наряд с солдатами гарнизона. Вернулся он с синяком. На вопросы лейб-сержанта и остальных гвардейцев он отвечал уклончиво. Только через пару дней выяснилось, что во время выполнения хозяйственных работ он заступился за одного из такого же новобранца, как и он. За что и получил синяк под глазом.

– Сами проверим? – не унимался Юнц.

Огляделся: наша пара чуть отстала, и бежать, звать кого в помощь, резона нет. Странно всё-таки. Команда же была не терять друг друга из виду. Помню, было такое во время КМБ⁹ упражнение: на пересечённой местности подразделе-

⁹ КМБ – курс молодого бойца.

ние выстраивалась в шеренгу, и шли, делая вид, что прочёсываем местность. А командир кому-то из солдат приказывал отстать и спрятаться. Так только после пятого раза нам удалось пройти шеренгой никого не потеряв. «Внимательно смотрите по сторонам!», – говорил взводный после каждого неудачного выполнения упражнения. А тут, вот мы чуть отстали, потеряв визуальный контакт, а нас так никто и не кинулся искать. Может именно на нашем направлении засел противник, а подать сигнал тревоги или как-то дать знать о непредвиденной ситуации, у нас возможности не было.

Я кивнул, и знаками показал о соблюдении тишины. Шли молча, осторожно ступая, потому что утром в лесу звук ломающейся ветки слышен издалека, а если там, где предполагаем, прячется противник, то не хотелось его спугнуть раньше времени.

Юнц кивком головы указал на подозрительно свежий бугорок, выделяющийся на общем фоне лесной подстилки. Перехватил мушкет, поднял с земли небольшой камень и бросил в центр кучи. Размер её как раз подходил, чтобы спрятаться одному человеку. Камень с силой ударился о кучу падшей листвы, обломанных веток, кусков земли и... ничего не произошло. Ни вскрика, ни шевеления... тишина. Только приглушённый удар камня о мягкую поверхность.

– Показалось, наверно. Здесь никого. Надо своих догонять, а то далеко оторвались, – расслабившись, вымолвил Юнц, а я так и смотрел на этот бугорок, словно заколдован-

ный. В нём было что-то слишком правильное. Я не перфекционист, стремящейся к совершенству, но заметил, что края бугорка правильной формы, пологие. Куски земли, обломки веток лежат чуть ли не в симметричном порядке.

Шагнул вперёд и споткнулся о выступающий корень. Сзади хрустнула ветка. Не успел обернуться, как со стороны, где стоял Юнц, раздался оглушительный выстрел...

Вышагивая перед строем, задумчиво прохаживался командир взвода. После выстрела, буквально через пять минут рядом с нами оказался весь личный состав взвода, но уже было поздно. Двое, облачённых в сенарскую форму, лежали бездыханные: один с простреленной грудью в районе сердца, а у другого из глаза торчал длинный клинок боевого штык-ножа.

– Значит, говорите, что заметили подозрительный шум и решили проверить, – ни к кому конкретно не обращаясь, говорил командир.

Наш доклад он выслушал спокойно, повторно осмотрел место схватки, досмотрел трупы и потом, витиевато ругнувшись, рассуждал сам с собой, – звать никого не стали. Хм. Двое против двоих – силы равны.

– Господин лейтенант! Местность прочесали – ничего! – подбежал с докладом гвардеец.

– Ладно. Потом разберёмся. Трупы прикопать, нашивки снять, оружие с собой. Выдвигаемся к месту сбора! Бегом!

Выбрались из леса и побежали. Весь путь меня мучал

вопрос, что так сильно озадачило нашего командира. Вроде, ничего сверх неординарного не произошло. Наткнулись на замаскированную лёжку. Сенарцы, не надеясь убежать от преследователей, спрятались, используя естественный ландшафт. Один из них замаскировал другого, а потом взобрался на дерево с густой кроной и затаился.

Видя, что мы долго не уходим, второй не выдержал и спрыгнул вниз, но попал под меткий огонь напарника, а вы ещё умудритесь промахнуться с трёх шагов. Услышав шум, первый, кого укрыли внизу, встрепнулся, но получил штык-ножом прямо в глаз...

Впереди из-за холма доносился шум боя. Организованный залп сменялся беспорядочными выстрелами. Что сейчас происходит там, неизвестно, но по свежим следам на грунтовой дороге даже я понимал, что совсем недавно тут прошло много людей и не стоит гадать, кто именно тут прошёл.

«Вот и передовая», – промелькнуло в голове. – «Если рванём в бой с марша, то нам хана. Неизвестно, что там за холмом происходит. Может уже, и помогать некому».

Неожиданно оказался бегущим рядом с командиром. До вершины холма оставалось примерно три километра того подъёма.

– Господин лейтенант, разрешите сначала разведать! Я быстро. Заберусь осторожно на холм, посмотрю, что да как, и назад.

Лейтенант ничего не произнёс, только кивнул и я, уско-

рившись, обогнал авангард, и помчался, быстро взбегая по склону.

Здесь военная подготовка оставляла желать лучшего. Мне, как прошедшему действительную военную службу не в простой воинской части, нагрузки казались ниже среднего. Пройдя крещение в учебке бешеными нагрузками, отсекающими лентяев, больных и хромых. Когда до завтрака – зарядка пять километров в форме одежды номер два, а потом перед отбоем ещё столько же, но уже в форме номер четыре. Каких-то десять километров в медленном для меня темпе – это просто сказка. Но в новом для себя Мире я старался не выделяться. Бегал, выполнял упражнения, стараясь держаться в основной группе: не лучше, не хуже других.

Вот и вершина. Сбросил с себя заплечный рюкзак, чтобы своим белым цветом не выдал меня и выполз на небольшую пологую площадку. Бой кипел. Численный перевес атакующих сенарцев давал преимущество. В центре, окружённая с трёх сторон, сдерживала одну атаку за другой, гвардия. На общем фоне сражения выделялась фигура капитана Нетрисса. Он метался от одной линии к другой, организовывая заслон, затыкая брешь в казалось бы уже прорванной обороне.

– Что там? – подбежал один из гвардейцев авангарда.

– Плохо. Надо с лейтенантом посоветоваться, – ответил я, высматривая в приближающихся офицера, и не дождавшись, пока тот поднимется наверх, кинулся навстречу.

Распалённый долгим маршем, лейтенант Гонтисса не хо-

тел слушать моё предложение. Грозился сначала расстрелять, а потом повесить, но осмотрев поле боя, согласился с моими доводами.

Глава 10

– Старый вояка прав. Надо отдохнуть, поспать немного, – оставшись в одиночестве, произнёс капитан Нетрис.

Быстрый сбор, марш по пересечённой местности, вымотал сильно и не столько физически, сколько морально. К запредельным физическим нагрузкам капитан готовил своих подчинённых, не зря ж они – гвардия. Но ответственность давила. Впервые, не зная диспозиции, не зная сил противника, по одному только приказу: «Вперёд!», спешил на помощь собратьям по оружию. Настораживало, что отправленный вперёд дозор не вернулся, хотя по времени, командиру группы подобало с докладом прибыть ещё пару часов назад.

– Стиин! Гвардеец Стиин! – позвал капитан, намереваясь отдать приказ, как только прибудет, кто из дозора, разбудить его, но ответа не последовало, – наверно, отдыхает, – подумал капитан.

Не спалось. Лёжа на жёсткой постели, он обдумывал план предстоящего дня, пока не провалился в сон. Спал чутко и при первом, разрывающем барабанные перепонки прозвучавшем взрыве, вскочил на ноги.

– Господин капитан, засада! – ворвался в палатку ординарец.

– Что случилось? Откуда атака, где противник? – схватив

оружие и только обувшись, не дожидаясь ответа, капитан выскочил наружу.

С окраин северной стороны лагеря гремели редкие разрывы. Гулко ухало. Вспыхивали яркие всполохи, освещая местность ярким светом.

– Круговая оборона! Мушкеты, заряжай! Цель справа десять шагов от поста номер четыре! Залп по готовности! – выкрикнул капитан, но его команда потонула в очередном взрыве.

Взрывы прекратились так же неожиданно, как начались. Капитан немедленно собрал вокруг себя командиров:

– Всем сбор! Немедленно выступаем. Надо торопиться. Раненых в обоз, – ходя из стороны в сторону, отдавал команды капитан.

Неожиданная атака спутала все карты. Противник знает, что идут свежие силы и только Всевышнему известно, почему не последовало непосредственного контакта. Если бы капитану посчастливилось обнаружить расположившийся на ночлег лагерь противника, то он бы поступил по-другому. Тихо убрал часовых и, попарно, вырезал бы всё подразделение, если только имелись на такое поведение иные причины. Или противников мало и они случайно наткнулись на спящий лагерь, или у них другая задача.

– лейтенант Гонтисса! Слушай приказ. Собери своих и прочеши лес по предполагаемому направлению отхода. Сильно в лес не углубляйся, но постарайся догнать сенарцев.

Срок четыре часа, не больше. По истечению времени выберите на дорогу и следуйте по направлению на север. У вот этого, – капитан ткнул пальцем в неказистую карту, – населённого пункта будем ждать. Если что изменится, вышлю посыльного. Рассчитывай на свои силы, больше людей выделить не могу. Всё! Выполнять!

Рота выдвинулась по маршруту. Капитан ехал в ядре колонны, погрузившись в задумчивость. Неожиданный налёт привёл к незапланированным потерям. Разбиты, повреждены две обозные телеги. Их пришлось бросить и перегрузить поклажу на другие, но самое неприятное – это двое убитых и семеро раненых, двое из которых тяжело.

– Господин капитан, может чайку? У меня во фляге есть. Успел навести, – прервал размышления капитана ординарец.

– Не откажусь.

Маршем добираться до места назначения предстояло ещё примерно полдня, и делать привал капитан не собирался. Не хватало ещё вновь попасть под внезапную атаку.

– Лейб-сержант Ватор не появлялся? – принимая наполненную кружку, поинтересовался капитан.

– Не появлялся.

«Ещё одна задача. Куда-то запропастился авангард из пяти человек. Хорошо, что новый дозор отправили, усиленный».

Дорога медленно поднималась на пологий холм. Подбежал с докладом гвардеец, шедший в авангарде.

– Господин капитан, впереди, за холмом наши!

– Точнее.

– Докладываю! Как поднялись на холм, обозрели окрестность и обнаружили идущее маршем подразделение до полусотни человек.

– Точно? Не ошиблись? Может это сенарцы? – удивился капитан.

По первичным данным ему предстояло соединиться с подразделением под командованием Лигонса с противоположной стороны села, которое как раз находилось в низине, окружённое с двух сторон холмами.

– Ошибки быть не может, господин капитан. Форма, знаки различия, а главное развёрнутый штандарт гвардии Императора Страниса Первого виден издалека.

– Хорошо. Не снижать темп, идём на соединение!

Впоследствии, капитан корил себя за отданный приказ. Через несколько дней анализируя обстановку, офицер понял, что лучший вариант в сложившейся ситуации – это было отправить передовой отряд, как понятно, к отступающим войскам, узнать обстановку и дожидаться на превышающей высоте, а своими необдуманными действиями он загнал своих людей в невыгодное положение.

Через непродолжительное время, как только остатки отряда Лигонса соединились с ядром колонны капитана, на них напали. Капитан не успел выслушать и первоначального доклада, как со стороны села в их сторону понеслась конни-

ца. Открытое пространство, окружённое с двух сторон холмами, на одном из которых появились плотные шеренги сенарцев, и капитану стало понятно: назад пути нет. Придётся обороняться здесь, на открытом пространстве, в окружении. Вернуться назад, подняться на холм подразделение не успевало, да и под шквальным огнём с превышающей высоты, несущейся в бешеном темпе коннице, сделать это невозможно. И пусть дальность, кучность стрельбы мушкетов недостаточна для ведения шквального огня, но само наличие совсем рядом выстраивающегося в боевой порядок противника наводила на мысль, что это последний бой.

– В боевой порядок! Обозные телеги вперёд! Рота, в две шеренги, круговая оборона! Держать строй! Огонь по команде! Командиров взводов, ко мне! – разразился командами капитан.

Конница стремительно приближалась. До прямого контакта оставались считанные минуты. Раздав последние указания подчинённым, капитан кинулся в центр образованного конницей клина. Эх, не к прямому боестолкновению на открытой местности готовил он своё подразделение, но ситуация складывается так, как складывается. Придётся стоять, держать строй. Главное, чтобы первые шеренги не дрогнули, не побежали.

Каждый, стоявший в первой шеренге гвардеец, понимал, что от его решимости зависит судьба остальных сослуживцев. И шеренга не дрогнула. Огненным валом пронесся пер-

вый залп. Потом второй, а когда дымный туман немного рассеялся, на поле боя, всего в нескольких шагах от занявших оборону гвардейцев, проявилась бесформенная гора из трупов. Тела людей, лошадей, смешались, образовав непроходимый бруствер, чем прикрыл от второй волны конной лавины и атака захлебнулась. Набравшая ход вторая волна конницы резко повернула, закружив вокруг покрытого дымным туманом островка, откуда продолжали раздаваться залпы мушкетов...

Генерал Фок Генс мечтательно вздохнул. Корпус под его командованием, не встречая особого сопротивления, приближался к населённому пункту, помеченному на карте замысловатым названием: «Станица Прочноокская». Полученный от главнокомандующего Сенарской армии приказ, исполнялся в точности. Его корпусу оставалось всего несколько дневных переходов, чтобы достичь юга Канторийской Империи, славящегося приятным климатом, разнообразием продовольствия, стадами лошадей и большими просторами.

Генерал ухмыльнулся. Всего пара дней отделяет его от доклада о выполненном задании. Только эта станица оставалась на пути к главной цели стремительного марша, к центру транспортных путей и удобнейшему пункту дислокации – городу Сантории, откуда он – генерал Фок Генс, даже не запрашивая резерв, перекрыв дороги, выставив посты, мог всего лишь дивизией контролировать обширнейшую терри-

торию Канторийской Империи.

– Господин полковник, впереди строй противника численностью до роты.

– Уничтожить! – не отрываясь от раздумий, отдал приказ генерал.

Передовой отряд конницы сорвался с места, ускорился, набирая темп. Генерал с удовольствием смотрел, как пылевое облако стремительно приближалось к нестройным рядам обороняющихся. И Канторийцы дрогнули, побежали к станице.

Узкие, петляющие меж невысоких домов, улочки, настожили генерала.

«Не исключено, что это засада», и он отдал приказ: «Конница, обойти населённый пункт по дуге и ждать приказа!»

Стремительный рывок передовых пеших частей, и буквально через час остатки войск противника показали на противоположной стороне станицы. Они бежали, но не в беспорядке, как надеялся генерал, и он не спешил отдать приказ конным отрядам настигнуть проклятых Канторийцев. Фок Генс ждал пока все, оставшиеся в селении солдаты, покинут населённый пункт и тогда конница завершит начатое, а чтобы не разбежались, и не пришлось за ними гоняться поодиночке, послал резерв занять превышающие высоты, чтобы своим только видом пугали, направляя в нужную сторону, загоняя в ловушку разрозненные части противника.

Из-за холма, в клубях дорожной пыли показали солда-

ты, генерал сначала подумал, что его подчинённые проявили инициативу и окружили ненавистных Канторийцев, но нет, присмотревшись, различил знаки различия противника.

«Хм. Подкрепление, или основные части? Но так даже лучше», – подумал генерал и отдал приказ коннице: «Вперёд!»...

– Господин генерал, кофе?

– Да, Вистрельм, пожалуйста.

С немногочисленной свитой, генерал расположился на холме, и разворачивающаяся внизу битва казалась как на ладони.

Атака конным клином – придумка именно Фок Генса. В бытность командования конным батальоном, как же давно это было! Именно капитан Фок Генс, сначала на свой страх и риск в лихом кавалерийском наскоке, опробовал такое необычное боевое построение, а потом применил конный клин, когда остриё врезается в плотный строй и рассекает шеренги пополам на глазах самого Императора Тонгисса Второго.

Вонзившиеся на бешеной скорости тяжёлые конники-кирасиры, разворачивали свой удар влево и вправо, вскрывая оборону, обнажая второй, третий, а иногда и четвёртый рубеж обороняющихся частей. Та битва под Сорнессом произвела впечатление на молодого Императора и Фок Генсу присвоили очередное звание – полковник. Всего за три года он стал генералом и зарекомендовал себя профессионалом вы-

сокого класса с уклоном на атакующие действия. И сейчас он сидел на разложенном походном стульчике, мирно попивая кофе из фарфоровой чашечки, и в уме составлял очередной доклад об успешно захваченном населённом пункте.

– Господин Фок Генс, смотрите.

«Что? Всё так быстро закончилось, неприятель сдаётся?!», – генерал мельком глянул на поле боя.

Сквозь рассеивающиеся клубы порохового облака опытным взглядом командира генерал заметил, что основная ударная волна кавалерии так и не достигла шеренг первых рядов и причиной тому не рваный ряд выдвинутых вперёд повозок, а слаженный залп.

Строй неприятеля стоял ровной шеренгой, перезаряжал мушкеты, относя раненных назад, заменяя потерянных бойцов солдатами третьей линией, а на пути второй волны конницы выросла непроходимая гора из тел.

– Второй волне, немедленно, трубить: «Обход!», – выпалил генерал, вставая с места. – Второму и третьему пешему батальону – выступить маршем. Второй – левый фланг, третий батальон – правый фланг. Центр – первый и пятый батальоны. Четвёртый – резерв. Коннице из второй волны – зайти в тыл! Господа офицеры, возьмём их в клещи и принесём нашему Императору голову их командира, завёрнутую в знамя!

Старшие офицеры, наперебой предлагавшие всевозможные виды казней, убыли в свои части, каждый из них поклял-

ся, что именно он, именно его подразделение принесёт генералу голову поверженного командира. Суэта меж ординарцев, посыльных прекратилась. На возвышенности, с изрядно поредевшей свитой, всматриваясь вдаль, остался генерал Фок Генс. Даже часть своей личной конной охраны он отослал принять участие в предстоящем победном сражении...

– Лишь бы продержались ещё чуток. Нам всего ничего осталось, – сквозь зубы, тихо ругался лейтенант Гонтисса. Он со своими людьми, по широкой дуге, обходил место боя, заходя в тыл к противнику.

Молодому, но резвому гвардейцу удалось убедить офицера не вступать в неравный бой с превосходящими силами, а высмотрев на дальней сопке штаб неприятеля, предложил выдвинуться туда.

«...взвод из тридцати пяти человек не окажет существенной роли в предстоящем сражении, но нанести стремительный, обезглавливающий удар в состоянии. Не зря же мы – гвардия!».

Пламенная речь гвардейца запала в душу лейтенанту. С первых его слов он сначала приказал расстрелять говорившего провокационные речи гвардейца, но потом опомнился и приказал его повесить, чтобы не привлекать внимания, но гвардеец не унимался, доказывая свою правоту, произнося непонятные слова. И ему поверили. Сначала умудрённый опытом старый вояка уже доставший из своего заплечного мешка верёвку, затем незаметно подошёл один из замести-

телей и тихо произнёс: «В его словах есть смысл, лейтенант. Наша смерть будет бесполезна, если так же безрассудно кинемся вниз, но есть шанс уничтожить высших офицеров. И тогда капитан Нетрис и наши братья полягут не напрасно».

По цепочке, молниеносно, распространился незнакомый жест: «согнутая в локте рука с зажатыми в кулак пальцами». Сигнал: «Замри!» вспомнил лейтенант. Этот гвардеец, с редким двойным именем: «Валео Мирони», вызвался возглавить авангард и, прежде чем выдвигаться, показал несколько жестов, приговаривая, что этому обучил его отец.

Лейтенант полз в ядре колонны и следить, что происходит впереди, у него не было возможности. Радовало, что звуки боя продолжаются. Значит, гвардия под командованием капитана, держится. Своей стойкостью и упорством давая так нужные минуты для обходного манёвра.

Громкий крик поставил на ноги.

– Гвардия!!! Вперёд! Первая рота, забирай слева, вторая справа!!! Третья и четвёртая – занять круговую оборону!!!

«Какая рота, куда обходить?», – первые мгновения лейтенант замешкался, но солдатская смекалка не подвела.

– Первая рота! За мной! – взревел лейтенант, жестом показав пятерым бойцами следовать за ним.

С правого края послышалась аналогичная команда заместителя, принявшего на себя роль командира второй роты...

Используя складки местности, Валентин с ещё пятью гвардейцами, вызвавшимися с ним в авангард, подполз к

основанию пологого холма. На его вершине, в окружении немногочисленных офицеров, нервно прохаживался генерал. Ошибиться, что это именно генерал, а не какой-то ленивый полковник, осушался приказа, и обосновался в отдалении от основного театра военных действий, было весьма затруднительно. Широкий, расшитый серебром офицерский ремень – галун. Начищенный, сияющий золотом горжёт, поблёскивал на солнце, пуская солнечных зайчиков. Сомнений нет – генерал собственной персоной, и до него каких-то полсотни шагов, но шагов вверх по склону, где и одному солдату пройти незамеченным невозможно, а тем более, взводу.

В голову пришла безрассудная мысль, и Валентин проревев зычным, командирским голосом: «Гвардия!!! Вперёд...» поднялся и побежал, не разбирая дороги. Карабкался вверх, ругался, используя только ему знакомые идиоматические обороты, поминая выюгу, украденный в детстве велосипед, строя такие сложноподчинённые предложения, от которых уши у учителя русской словесности сложились бы в трубочку.

Пятёрка бойцов от него не отставала. Кричала, бряцала снаряжением, создавала такой шум, что, казалось, на склон взбирается мото-инженерная бригада с незакреплённым в инструментальных ящиках оборудованием и звонко лязгающими запасными звеньями гусениц.

– Слева обходи!!! Справа обходи!!! Смыкай кольцо!!! – сквозь гомон, слышалось с разных сторон.

Глава 11

Императорский дворец располагался на возвышенности и своим видом, словно обзревал окрестности, величественно возвышаясь над остальными строениями.

Его Величество Император Кантории Странис Первый с утра был не в духе, предвкусывая скучный день. После завтрака ожидался доклад военных о событиях на фронтах, а сразу после, предстояло окунуться в разбор жалоб между дворянами по крови. Порядок разбора лично Императором жалоб между дворянами по крови введён с незапамятных времён, когда этих самых дворян и десятка не набиралось, а сейчас, ныне царствующей особе, приходилось раз в месяц выделять почти целый день на урегулирование споров между ними. Ладно бы в спорах было что интересное, а то одно и то же: кусок земли прихватил сосед, не поделили место на обеде, карету одного энца к себе во двор не пропустил другой энц и, видите ли, пришлось идти ножками к дому целому дворянину по крови.

Император тяжело вздохнул, потягиваясь в кровати. Взойдя на трон после скоропостижной смерти своего брата Прасла Третьего, Странис окунулся с головой в дела Империи, но политические, экономические проблемы государства ему быстро наскучили, а ещё эта война с Сенарской Им-

перией подорвала и без того шаткий авторитет Императора. Упорно ходили слухи, что по его приказу отравлен родной брат.

Существовала только одна отрада – это две дочери, с которыми Император больше проводил времени, чем исполнял обязанности венценосной особы.

Супруга Императора оказалась более приспособленной к дворцовой жизни: плела интриги, ссорила, мирила разные семьи. И её нисколько не смущало, что согласно Закону о Престолонаследии, ни ей, ни одной из дочерей не светит занять место на Императорском престоле, а наследника мужского пола зачать и родить она уже не могла, что удручало и без того натянутые отношения между венценосными супругами.

– Завтрак готов! – возвестил старший слуга.

– Хорошо, Манэс. Скоро буду.

– Ваша жена изъявила желание присутствовать. Поставить второй набор приборов?

– Да, позволяю, – ответил Император, облачаясь к выходу на завтрак...

– Любимый супруг, – в лёгком книксене, приветствовала эну Доанна вошедшего Императора.

По внешнему виду, если не знать, кто склонился в поклоне перед Императором, можно предположить, что перед Его Величеством одна из многочисленных служанок ожидает распоряжений. Ни блеск, ни роскошь одеяния, ни много-

численные драгоценности, не исправляют ни фигуру, ни лицо, утратившее утончённость.

«Как постарела... – констатировал для себя факт Император, – а старше всего на четыре года».

Каких-то пятнадцать лет назад эта разница в возрасте казалась несущественной. Они оба были молоды и красивы. Великолепный ум, острый язык и... признаться честно, неприступное высокомерие пленило наследника Императорского трона.

Стоя пятым в очереди на Императорский престол, Странис и не помышлял о том времени, что вдруг предстоит исполнить долг – стать Императором. Но во время охоты, не оставив законных наследников, погиб средний брат. Потом, всего за пять лет один за другим от неизвестной болезни умерли сыновья царствующего Императора. В живых осталась только дочь – эну Линесса. И Странис оказался первым в очереди престолонаследования.

Смерть детей, супруги, подорвало здоровье Императора Дамира Второго и тот слёг. Мучаясь в бреду, старший брат звал то любимую супругу, то почивших детей. И, видя слабость Императора, внешние враги проснулись. Шедшая с переменным успехом война с Сенарской Империей продолжается шестой год. Силы обеих сторон на пределе, но конца в затянувшемся конфликте так и не видно.

– Вы хотели видеть меня, эну Доанна?

– Да, мой супруг, – усаживаясь напротив за длинным, сер-

вированным на две персоны столом, ответила Эну Доанна.

Завтрак начался молча, но когда подали десерт, Доанна оживилась.

– Мой Император... – Доанна знала, что обращение «Мой Император» раздражает венценосного супруга, но именно так начала разговор, чтобы с первой секунды вывести супруга из равновесия. Зная его вспыльчивость и неумение признавать свои ошибки, надеялась подтолкнуть к принятию нужного ей решения, – на прошлом приёме, устроенном в честь...

– Эну Доанна... – официальным обращением к дворянину женского пола, прервал Странис речь супруги, – у меня намечена важная встреча, изъяснитесь короче.

– Именно так, мой Император. На прошлом приёме ваша племянница флиртовала с тремя молодыми офицерами, а с одним из них покинула приём. А буквально позавчера мне стало известно, что в её резиденции проводился страшный обряд с жертвоприношением и оргией. Такое поведение не подобает представителю высшего сословия, а тем более Императорских кровей...

– Ты опять за своё?! Эну Линесса вправе поступать так, как ей вздумается. Придёт время, выйдет замуж и остепенится. А про «оргию» мне уже докладывали. Ничего предосудительного там не было. Заезжий скульптор ваяет воплощение любви и проводил отбор натурщиц. И, насколько я знаю, ты сама этого скульптора пригласила в столицу.

– Мой Император! Ей скоро исполнится двадцать один год и я, только из чистых побуждений, могла бы подыскать ей хорошую партию, – словно не замечая укола в свою сторону, парировала эну Доанна.

– И отправить её куда-нибудь подальше из столицы. Скажи, зачем? Если не удалось вынести эну Линессу на Императорский суд, распуская слухи, позоря её имя... Думаешь, не знаю, кто строит интриги? Я – Император и знаю всё, что происходит в границах моей Империи!!! Я не могу понять, зачем тебе всё это? Она не соперница ни тебе, ни нашим дочерям. Выйдет замуж и остепенится, а неволить её не буду. Достигнет совершеннолетия и выберет себе супруга из благородного рода, или на кого сердце укажет.

– Но мой Император! Она же...

– Хватит! – вставая из-за стола, отрезал Император. – Разговор окончен! Будет так, как я сказал!

Настроение Императора вконец испортилось. Разгорячённый он удалился в малый зал приёмов, где ожидали офицеры Генерального штаба с докладом.

Доанна ухмыльнулась, присев в прощальном книксене. Терпя охлаждение в отношениях, косые взгляды, шушукajoщие разговоры придворных, у неё обострилось честолюбие и жажда стать «Первой». Пусть не единственной, но первой женщиной, взошедшей на престол Канторийской Империи. Сколько ночей провела она в терзаниях, в мучительном обдумывании своего замысла и находила главную виновницу

и преграду на своём пути – дочь предшествующего Императора. Она, в случае изменения Закона о Престолонаследии, стояла бы на первом месте, а не супруга действующего Императора, но нет непреодолимых задач. Верные соратники отобраны, нужные люди подкуплены, а кто, узнав не согласился – мертвы. Оставалось дело за малым – венценосный супруг.

Император страдал головными бóлями, и лучшие местные лекари ничего не могли сделать. Пичкали Императора микстурами, порошками, советовали больше бывать на свежем воздухе. Среди допущенных к телу Императора, отыскался любящий золото врачеватель и, выстрадавший долгими ночами план, начал принимать реальные очертания. В приватном разговоре светила местной медицины давал от силы три-четыре года и то, не точно. Времени достаточно и одновременно – мало. Ей оставалось изредка, ненавязчиво выводить своего супруга из себя, стимулируя развитие болезни и, соответственно, увеличение доз приёма лекарств.

– Император. Офицеры собрались, приглашать?

От услужливого голоса дворецкого Император встрепенулся.

«Опять провал в памяти. Не помню, как пришёл», – подумал Император, располагаясь во главе массивного стола.

– Ваше Величество...

– Ваше Величество...

В малый зал приёмов, с церемониальным поклоном, вхо-

дил высший офицерский состав армии. Странис Первый в ответ кивнул, приветствуя собравшихся.

– Приступайте, господа. Энци Вансис, прошу.

Немолодой, в сединах офицер с маршальскими эполетами подошёл к столу, где помощники успели расставить в нужном порядке фигурки, каждая из которых обозначала подразделение равное по численности дивизии. В армии Канторийской Империи повелось вести расчёты исходя из штата дивизии, равного двадцати пяти тысячам солдат. Это и упрощало статистический учёт и не требовало оперировать большими числами. Тем более, что весь штат армии составлял сорок четыре дивизии. Был ещё флот, как раз сто тысяч человек, но из-за малочисленности его обычно считали вместе с сухопутными войсками.

– Ваше Величество. За прошедшую неделю ситуация на фронте кардинально не поменялась. Противник, преодолевая сопротивление, с большими потерями, медленно продвигается внутрь Империи. На центральном и восточном направлении наметились стабилизация обстановки. Армии под командованием энци Тимса, удаётся сдерживать натиск и удерживать важный транспортный узел – порт Занусса...

Император с интересом слушал пояснения офицера, задавал уточняющие вопросы, но как только маршал принялся сыпать военной терминологией, беседа ему наскучила. Из ответов стало понятно, что в ближайшее время Столице Империи – Тиносване ничего не угрожает. На центральном на-

правлении Сенарцы ослабили натиск и сосредотачивают силы на южном направлении, что с одной стороны хорошо – какое-то время Тиносванна окажется в безопасности, но с другой стороны – близится зима, а склады и амбары заполнены только наполовину. Если сенарцам удастся захватить Мартисанск, то всей Империи придётся туго.

– Как думаете, сенарцы смогут захватить южные районы? Вопрос повис в воздухе. Офицеры переглянулись.

– Ваше Величество уже задавало этот вопрос, – тихо, на ухо, произнёс дворецкий.

– Я помню, что второй раз спрашиваю и хочу убедиться, что мнение офицеров не изменилось, – нарочито громко, ответил Странис Первый.

У него сильно разболелась голова, но прерывать встречу не стал. Такое бывало уже не раз. И сейчас он подумал, что перетерпит, а потом вызовет лекарей, они дадут свои снадобья и станет легче...

– Что случилось? – открыв глаза, произнёс Странис Первый.

– Император очнулся! – послышалось в ответ.

Странис Первый лежал в постели, укрытый одеялом, но его тело бил озноб, а во рту пересохло.

– Ваше Величество, вы упали в обморок, – говорил верный слуга, – вас перенесли в ваши покои и вызвали лекарей.

– Что со мной? Холодно, растопите печь, – в полубреду говорил Странис Первый.

– Лихорадка, коллеги. Без сомнения это лихорадка.

– Что предлагаете? Отвар цветков испуми или порошок мресса?

В спальне Императора собрался консилиум врачей. Каждый из придворных лекарей подходил к мечущемуся в бреду Императору, пытался задавать вопросы, ощупывал пульс, трогал лоб и с важным видом уступал место следующему.

– Что ж. Могу с уверенностью заявить, что это инвирская лихорадка, – к группе врачей подошёл очередной светила медицины.

– Извольте, сударь, при инвирской лихорадке проявляется кровотечение носом. Это лихорадка Юртиса. Если вы знакомы с его трудами, то...

За дверями послышался шум и разговор смолк.

– Кто там? Никого посторонних, в том числе родственников не пускать! Мы пока не определили, что это за болезнь! – возмутился старший лекарь Императора. Он, в силу своих обязанностей, обладал большой властью, но был очень стар. Имея немалый практический опыт, с детства наблюдал будущего Императора и был в курсе, считай всего, что происходит во дворце.

Шум за дверью прекратился.

– Коллеги, предлагаю сначала снизить температуру. Смотрите, Император дрожит от холода, хотя укрыт пятью одеялами и в комнате жара, что дышать трудно. Так что настойка из стебля вернеги с обильным питьём. Бульон...

– Позвольте не согласиться, какой бульон? Ему надо выпустить дурную кровь. Вены вздулись от чрезмерного её количества...

Спор продолжался и никто не заметил, что из помещения вышел один из приглашённых врачей.

Незапоминающееся лицо, средней длины волосы, средний по величине нос, средние по размеру уши. Никаких излишеств в одежде, всё тёмное, невзрачное. Вполне такой средний человек, на которого взглянешь и не запомнишь. Он шёл по длинному коридору в противоположное крыло дворца. Его раздражало, что на пути постоянно встречались или слуги, или придворные. И каждый пытался задать один и тот же вопрос о здоровье Императора.

Ингар Симиони, а именно он шёл по коридору, на вопросы или презрительно отворачивался, или делал задумчивый вид и проходил мимо, притворяясь, что не расслышал.

– Ингар! – он узнал властный и одновременно ядовито-льстивый голос.

– Слушаю, эну Доанна.

– Ты говорил, что у меня есть ещё полгода!

– Тише! Не кричите. Договорённость в силе. У вас есть примерно полгода на то, что вы задумали и в этом я своё слово сдержу – Император будет жить.

– Но ты не знаешь местных законов. В случае невозможности Императора исполнять свои полномочия – назначается Совет из пяти человек...

– Разве плохо? Введите туда своих людей и как раз они изменят порядок престолонаследования. Других кандидатов, как понимаю, нет?!

– Хитёр! – тихо пробормотала эту Доанна.

– И не забудьте передать мне причитающуюся плату за этот месяц. Поиздержался сильно. Снадобья дороги, знаете ли. И позвольте откланяться, дела...

Ингар вышел из дворца, дождался кареты, уселся и только потом расслабился. Его личное эго ликовало! «Удалось! Получилось!» – кричал внутренний голос. Нищета, непризнание, а местами и угрозы теперь точно останутся в прошлом.

Симиони – незаконнорожденный сын мелкого мещанина. Отец, чтобы не навлекать лишний раз внимание влиятельных особ, всё-таки рождение детей без официального оформления брака, без благословления родителей, не принималось обществом. По совершеннолетию, отправил своего отпрыска за границу, обучаться наукам. За обучение платил исправно, но юноша рос бунтарём. Учение точным наукам давалось ему тяжело и он, вместо того, чтобы проводить время в университете постигая науку инженерии, в тайне от отца погрузился в изучение медицины, что было престижней, но одновременно и дороже. Денег едва хватало на оплату обучения, и он в юности познал все тяготы нищеты. Ночевал в лаборатории при университете, питался через день, мыл полы, убирал. Воровал, продавал дорогие ингредиенты, составлял снадобья, выдавая их за панацею от всех

болезней пока не подвернулось интересное предложение – составить медленно действующий яд. Только на третий год ему удалось создать то, что попросил заказчик: без цвета, запаха, без внешних признаков применения, медленно действующий яд. Хватало одного, максимум двух доз препарата и приговорённый к смерти медленно умирал, по внешним признакам страдая в лихорадке, изредка приходя в сознание.

Труды его оценили. В определённых кругах он завоевал авторитет, но попал под пристальный присмотр сильных мира сего.

Умер отец и ему пришлось возвратиться на родину. К неожиданной радости незаконнорожденного отпрыска, его упомянули в завещании. Мизерная сумма без земли, но главное – титул! Нет, не дворянина, но мещанина, открывал большие возможности. Тем более, скитаться по заморским землям становилось всё труднее и труднее – за ним началась охота. А так, сменив имя, он стал Ингаром Симиони – окончившим престижный медицинский университет.

Для него оставалось загадкой, как о его тёмных делах узнали на Родине?

В тот день, к неизвестному лекарю из провинции, явилась процессия. Тяжёлый разговор: шантаж, угрозы, хорошо, что обошлось без пыток, но Ингару сделали предложение, от которого он не смог отказаться. А как тут откажешься? Или на виселицу, или стать исполнителем воли пусть не первого, но немаловажного лица государства.

Приглашения во дворец долго ждать не пришлось. Используя полученные за границей знания, всё-таки не только ядами занимался во время учёбы, он завоевал авторитет. Знали бы его учителя, что для ослабления головных болей он использовал галлюциногенные, сильнодействующие наркотические препараты, вытяжки из ядовитых грибов. Но знания по курсу анестезии он использовал неплохо, главное – результат, чем заслужил доверие самого Императора. Теперь оставалось поддерживать галлюциногенный бред венценосной особы, чтобы течение заболевания выглядело естественно и не вызывало подозрений.

Глава 12

Валентин корил себя, что не догнал генерала, а то бы знатный получился пленный, но что случилось, то случилось. Поняв, что не догнать стремительно удаляющегося офицера, под руку подвернулся один из расфуфыренных солдат, свалившийся с лошади. Им оказался трубач-сигнальщик. Кое-как, где пинками, где кулаком, удалось объяснить взятому в плен, что от него требуется. Взяв трубу, больше похожую на горн, но несуразно большого размера, он затрубил. Раскатистый перелив непривычного мотива прокатился по вершинам холмов и унёсся вдаль, эхом гуляя над полем боя.

Валео уже хотел дать пинка, или как по-другому заткнуть вошедшего в раж трубадура, но плотное кольцо конницы дрогнуло, сменило строй и понеслось назад к станице, давя своих же солдат. Затем дрогнул пеший строй и буквально через десяток минут посреди поля остался небольшой островок среди усеянного трупами пространства, где оставались живые люди...

Капитан Нетрис едва стоял на ногах. Измотанный, дважды раненый, но оставался стоять. Он пренебрёг Уставом и сам бросился в первую линию отражать атаки неприятеля. Казалось всё, финал близок, но плотный строй противника отпрянул назад и, развернувшись, побежал! Капитан не ве-

рил своим глазам. Численный перевес, тактически верный обход, окружение и... Чего так испугались сенарцы? Сначала конница, потом пешие части, словно по команде прекратили атаку и обратились в беспорядочное бегство...

– ...пустили, господин капитан, – докладывал лейтенант Гонтисса, – он так резво вскочил на коня, что только и увидели круп уносящейся лошади. Гвардеец Валео кинулся было за ним, но куда там, пешком. Только и смог поймать горниста. Тот с лошади упал, вот и подали сигнал: «Отступить!» хорошо, что не обманул, сенарец проклятый.

– Кого пустили? – не понимал капитан. Он ещё не отошёл от горячки боя и толком не соображал, что происходит. От канонады выстрелов в ушах звенело, глаза слезились от копоти и гари. Он с трудом держал себя, чтобы не упасть от усталости. Короткий, всего пару часов бой, но, сколько сил он вытянул.

– Так генерала сенарского. Больно уж шустрый попался. Лишь нас увидёл, так бросил зрительную трубку и на коня. Только его и видели. Вас бы перевязать, господин капитан, сейчас лекаря найду. Присядьте.

– Надо уходить, – немного придя в себя, произнёс капитан. Что противник отступил – невероятная удача. Сейчас неприятель перегруппируется, поймёт, какую шутку над ним подшутили, и набросится снова. – Поднимай всех! Кто может стоять на ногах пусть помогут раненым. Кто не может идти – на телегу. Одна вроде осталась цела и отступаем.

– Господин капитан, так станица пуста. Нет там неприятеля, он дальше ушёл. Я уже дозор туда высылал. Они всё осмотрели и гонца прислали, что сенарцы покинули Прочноокск. Куда делись, неизвестно. На дороге пыль стоит, не разобрать, кто и куда движется.

– Так что молчал? Быстро занять станицу! Лигонса ко мне и гвардейца Стиина!

– Погиб офицер, – ответил кто-то из проходивших мимо. – Ординарец тоже погиб.

– Все кто может ходить, помогите раненым погрузиться на телегу и в станицу! – вновь отдал команду капитан.

Снова встречать неприятеля на открытом пространстве – безрассудство. Только сейчас капитан понял, как им повезло. Из полноценной гвардейской роты осталось в боеспособном состоянии всего от силы человек двадцать и то, каждый имел или ранение, или до изнеможения уставший. Второго натиска они не переживут. Отступить – первое, что пришло на ум капитану, но поразмыслив, отказался от бессмысленной затеи.

«Отступать по той же дороге нельзя – на марше догонят. Раненых не бросишь, как потом гвардейцам в глаза смотреть?! Остаётся одно – занять оборону в станице и держаться, держаться. Через день, может два, подойдут основные силы гарнизона, и станет легче», – с такими мыслями капитан незаметно погрузился в забытье...

Тишина. Покой. Тепло. Идиллию нарушает только ною-

шая боль в правом плече.

– Где я?

– Господин капитан, очнулись! Согласно вашему приказанию, рота заняла станицу. По заверению местных жителей, враг спешно покинул Прочноокск. Дозоры, секреты выставлены, – отрапортовал молодой гвардеец и, видя недоумение в глазах офицера, продолжил, – доложил гвардеец Трифий. Меня к вам лейтенант приставил. Раны промыли, перевязали. Думаю, скоро поправитесь.

– Лекарь? Как остальные раненые? Сколько в строю? – засыпал вопросами капитан, поднимаясь с кровати. Он не помнил, как отдавал приказания, как его доставили в добротную, но тёмную избу. Он помнил только одно, что выжили!

– Вам бы лежать, господин капитан. Силёнок много потеряли. Наступит утро и... – не успел гвардеец договорить, как раздался выстрел. Оба гвардейца переглянулись. Одиночный выстрел означает только одно – сигнал тревоги, а это значит прошли те короткие часы передышки, выцарапанные неразберихой в рядах сенарцев. И теперь предстоит вновь принять бой. Последний бой.

Спешно встав с кровати, одеваясь, корчась от боли в прострелянном плече, хромая на одну ногу, капитан лихорадочно считал, сколько гвардейцев осталось, сколько из них сможет оказать достойное сопротивление. Он не сомневался, что каждый, кто в сознании, кто в состоянии держать в руках оружие, даст достойный отпор неприятелю, но долг

офицера организовать оборону. Из обрывков воспоминаний, он из закоулков памяти выуживал: лейтенант Строн, лейтенант Бросса – погибли. Лейб-капралы: Дотрис, Хрост, Сивкус, Нувкен – погибли...

Дверь избы отварилась, и в горницу ввалился гвардеец.

– Собирай людей! – бросил ему капитан, продолжая облачаться в мундир.

– Господин капитан! Это наши! Помощь их гарнизона прибыла! Батальон в полном составе! Случайно дозорный подал сигнал, сразу не разобрал в полутьме. Хорошо, ни в кого не попал.

Тут на сердце капитана отлегло. На вмиг ослабевших ногах, он чуть не упал, но вовремя подскочил Трифий и помог офицеру присесть на кровать.

– Где? Кто командует?

– Полковник Мингес. Он сейчас прибудет. Я вперёд вырвался, чтобы доложить, – не скрывая радости, доложил гвардеец.

Капитан вспомнил солдата. Он из взвода лейтенанта Гонтисса. Один из тех, кто обратил в бегство сенарцев.

– Пригласи лейтенанта и оставшихся в живых командиров.

– Слушаюсь!

Дверь за расторопным, сияющим от радости гвардейцем не успела затвориться, как внутрь вошёл полковник. Капитан даже не успел толком застегнуть мундир и распорядить-

ся о дополнительном освещении. Всё-таки в избе темно, но Трифий уже расставлял извлечённые из походного ранца свечи.

– Здравия желаю, господин... – поднялся капитан, но полковник жестом его остановил.

– Сиди, сиди. Знаю, ранен.

Форма полковника в придорожной пыли, лицо грязное от пота.

«Сколько усилий ему стоило, чтобы за такой короткий срок поднять гарнизон. Организовать обозные группы, погрузить продовольствие, снаряжение, пули, порох и выступить? Пройти маршем такое расстояние и, считай с ходу, вступить в бой. Да, боя не было. Противник покинул станицу, но они шли ночью, а значит, были готовы ввязаться в бой», – думал капитан, всматриваясь в измученное лицо полковника.

– Вижу, успели. Докладывай.

– Господин полковник, сейчас придут офицеры и командиры, предлагаю дожждаться их.

– Давай коротко, в общих чертах.

– Шли маршем, как предписано приказом, – подобрался капитан, – возле станицы увидели отступающие войска. Бросились на помощь. Тут, на восточной окраине нас и окружили. Приказал занять круговую оборону. Держались. Потом сенарцы отступили. Заняли Прочноокс, разместились. Дозор и секреты выставлены.

– Почему?

– Так свободная станица, вот и заняли...

– Я не об этом. Почему сенарцы отступили?

– Об этом лучше доложит лейтенант Гонтисса. Это его манёвр внёс неразбериху в ряды противника. Он со своими людьми чуть генерала не захватил.

– Даже так?! – удивился полковник.

Офицеры продолжали разговаривать, а в помещение приходили и занимали свободные места командиры. Капитан для себя отметил, что из младшего и среднего командного состава гвардии осталось всего двое: лейтенант Гонтисса и лейтенант Днэс. Остальные или прибыли с полковником, или в званиях не выше лейб-капрала.

«М-да. Дóрого далась победа», – горестно вздохнул капитан, осматривая собравшихся.

Полковник внимательно слушал короткие, но ёмкие доклады гвардейцев, изредка задавая вопросы. Особое внимание уделил докладу Гонтиссы, который не скрывая досады, доложил о подвиге его ввода.

– Так говоришь, не твоя была идея с захватом генерала? – с прищуром спросил полковник.

– Так точно! Гвардейца Валео. И это именно он захватил горниста-сигнальщика, после чьего сигнала сенарцы и бросились наутёк.

– Поутру приведите ко мне этого смышлёного гвардейца. Предлагаю его наградить личным оружием и, – обращаясь

к адъютанту, добавил, – подготовь приказ о представлении его к ордену «За проявленную доблесть» второй степени. А теперь, господа. Слушайте приказ...

Ночь в станице прошла в ожидании контратаки. Выставили усиленный караул, но людей не хватало. Валентин валился от усталости, не помогала и медитация. Стоя в дозоре, собрав волю в кулак, он всматривался в предрассветную мглу, стараясь не заснуть. Из полудрёмы вывел приглушённый выстрел: «Тревога!!!». Валентин встрепенулся, напрягая зрение, но сигнал прозвучал вдалеке, предположительно с противоположной стороны станицы. Там стоял одиночный дозор. Всего из одного солдата-гвардейца.

«Может, заснул или с перепугу, кто пальнул? И кто с той стороны может идти? Не мог враг обойти станицу вокруг по непроходимому лесу, через болота, которых в этих местах, как успели рассказать редкие местные жители, очень много».

Приказа покинуть пост у него не было, и он оставался в дозоре. Пришлось следить не только за дорогой, по которой вслед за генералом бежал неприятель, но и обращать внимание на то, что происходит в тылу.

– Стой!!! Кто идёт?! – на шум автоматически отреагировал Валентин, упирая мушкет в плечо.

– Разводящий лейтенант Гонтисса. Смену привёл.

– Так рано, не по времени, – осторожно ответил Валентин.

– Успокойся. Гарнизон на подмогу пришёл. Приказано

сменить дозорных.

Валентин всмотрелся в незнакомые лица солдат и пристально посмотрел на лейтенанта.

«Не врёт. Солдаты в форме канторийской Империи. Вроде одного из них видел в Сантории», – расслабился Валентин.

До избы, где расположился его взвод, идти через всю станцию. Несколько раз по пути встречался чинно прохаживающийся патруль и вставшие спозаранку местные жители. Идти было легко, хоть и накопившаяся усталость давала о себе знать, но удачно завершённое дело, спасённые жизни, одобрительный взгляд – самая высокая награда за труды.

– Валео, что такой весёлый? – возле избы встретил Юнц, стоявший на часах.

– Так отдохнуть иду. Сейчас, как завалюсь спать!

– Хм. Я-то думал, знаешь. Лейтенант сказал, что на тебя подали рапорт о награждении. Так что не забудь проставиться!

Валентин весело хмыкнул. И в этом Мире, куда бы он ни попал, параллельная это Вселенная или другая Галактика всегда найдутся и отличия, и приятные греющие душу мелочи. Как знал не понаслышке, всё-таки ни один год в армии служил, обычай обмыть звание или награду – это целый ритуал. Свою первую медаль «За отвагу», о которой и говорить никому нельзя, довелось получить из рук командира прямо перед выходом на задание. Замотался, забыл и не сдал её

вместе с документами секретчику, и она оказалась с собой.

Тот выход оказался не столько трудным, сколько затяжным. Оборудовали лёжку с напарником и следили за редким передвижением живой силы и техники по дороге. На третий день как-то случайно достал из рюкзака бархатную коробочку с орденом:

– Что не сдал?

– Забыл, – честно признался я.

– Спрячь поглубже, а ещё лучше... ладно, просто спрячь.

Первая?

– Ага.

– А знаешь, что её обмыть надо?!

– Знаю. Вернёмся, обмоем. Не на задании же.

– Верно. А знаешь, откуда такой обычай «обмыть» на Руси появился?

– Так со времён Великой Отечественной, – искренне ответил я.

– Не правильно, слушай. Обычай «обмыть» ведётся ещё с восемнадцатого века, его в своём толковом словаре Даль упоминал...

Я слушал рассказ своего напарника и удивлялся, откуда он знает столько всего. Оказалось, что глагол «обмыть» изначально связан, в первую очередь, с приведением в порядок человека. Это обряд «купания» – «обмывания» покойника. Но самое интересное, что смерть издревле не являлась скорбным ритуалом. Не зря говорили славяне о тризнах, как

о пиршествах на могилах усопших. В случае «обмыть покойника» – значит отправить его в новую, вечную жизнь и торжественно подготовить к другому, долгому пути.

С конца восемнадцатого века, как в своём великом труде – толковом словаре Даля отмечал автор, «обмываться» стало почти всё более или менее значимое. Для того чтобы придать приобретению или делу статус важного, подчеркнуть величественность события, его переводили в разряд ритуального фразой: «надо обмыть», закладывая смысл: «со всей тщательностью подготовиться». А поговорка «это дело надо обмыть», да, пошла после Великой Отечественной войны. Но традиции выпить по поводу радостного события имеют корни с древних времён. Ещё древние греки праздновали и не забывали окропить землю вином в честь удачного завершения дела или по случаю прибытка, делясь радостью с Богами.

– О, как, не знал!

– Так и я не знал, пока не заинтересовался этой традицией, – ухмыльнулся напарник, – как вернёмся с задания, не забудь пригласить.

– Обязательно!

– А обычай первой зарплаты, знаешь? – оживился напарник. Затронутая тема ему нравилась, и он не преминул блеснуть знаниями.

– Знаю. Я как раз матушке подарок купил, отправил, а остальное с отделением в ресторане прогуляли.

– Это правильно, что матушку не забыл. Из мемуаров Чка-

лова, помнишь, такой лётчик был в начале двадцатого века.

– В школе изучали. Он ещё из Москвы через Северный полюс в Америку как командир экипажа беспосадочный перелёт совершил.

– Ага. Он. Небось не ЕГЭ сдавал?

– На следующий год ввели. Я по-старому, зубрёжкой, – в ответ улыбнулся я.

– Понятно, – удовлетворённо кивнул напарник, – так из воспоминаний Чкалова, когда он закончил лётную школу, году так в двадцать четвёртом и прибыл в гарнизон, так на первую зарплату купил фуражку военлёта, а остальные, замечу, немалые деньги пропил, обмывая обновку.

– Только у нас стоимость обмывания может в разы превысить стоимость покупки.

– Не ехидничай, это именно так. Я как-то купил жене серёжки, так на «обмыть» истратил раза в три больше, – улыбаясь, поведал напарник...

Я лежал на полу, укутавшись в подобие шинели. Сон, то обволакивал, затягивая в лоно Гипноса¹⁰, то вырывал из забытья и волнами накатывали воспоминания. Я смирился со своей участью и только сейчас понял, как тяжело родителям. Их сын, то есть я – пропал без вести. Ни трупа, никаких следов от меня не осталось. Они, небось всю родню, все экстренные службы подняли на мои поиски, но результат ожи-

¹⁰ Гипнос – в древнегреческой мифологии персонификация сна, божество сна и сновидений.

даем – я тут, а они там и не ведают, что со мной всё в порядке. Так же тяжело было во время войны получать не похоронку, а извещение с короткой припиской: тогда-то, там-то, ваш сын, брат или муж, пропал без вести. Оставалась надежда, что вернётся, что это ошибка. И долгие годы ждали, надеялись и верили в чудо...

– Валео! Не спишь? Тебя полковник вызывает! – кто-то толкнул в плечо.

– Тише. Остальных не разбуди. Сейчас выйду, – ответил, прогоняя остатки воспоминаний.

Глава 13

Стремительно набирающая силу осень преподнесла последние тёплые деньки перед короткой, но очень неприятной зимой. Эну Линесса прогуливалась в саду, мечтательно строя планы на будущее.

Климат в столице Канторийской Империи Тиносванне очень не нравился эну Линессе и в детстве, будучи жив отец, она вместе с домочадцами перебиралась в зимнюю резиденцию, расположенную в пяти днях пути от столицы, где проводила время, сначала листая старинные фолианты, а повзрослев, читая обширную библиотеку, собранную отцом. И это вошло в привычку. Теперь она с предвкушением ожидала, что отправится в зимнюю резиденцию и погрузится в удивительный мир чужих мыслей, запечатлённых на бумаге.

Ни болезнь, ни смерть отца не изменило сложившийся порядок. Её дядюшка Император Странис Первый не возражал, что племянница зимой уединяется в дальней резиденции и практически в одиночестве проводит долгие месяцы зимы. Но скоро всё поменяется. Буквально через год ей исполнится двадцать один год и по местным законам она станет совершеннолетней.

По Закону о Престолонаследии, претендовать на трон она не может, если только выйдет замуж за какого-нибудь короля

или императора другой страны, но среди претендентов, чтобы породниться с представительницей древнего монаршего рода, достойных кандидатов не сыскать. Кто или помолвлен, или безнадежно стар.

За мечтаниями она не заметила суеты и большое количество экипажей возле дворца.

– Что случилось? Разве на сегодня назначен приём? – поднимаясь по лестнице, остановила эню Линесса первого попавшегося под руку слугу.

– Извините, эню Линесса, – с поклоном ответил немолодой мужчина, – но я не знаю. Вам лучше обратиться, к кому из дворян.

«Странно», – подумала эню Линесса, поднимаясь на второй этаж к себе в покои.

Проходя мимо большого зеркала, она остановилась, всматриваясь в своё отражение. Невысокая, но не настолько, чтобы маленький рост бросался в глаза. Вытянутое, худощавое лицо с небольшим количеством румян. Аккуратные густые чёрные брови. Большие, открытые глаза с зелёно-серыми искорками смотрели на неё укоризненно.

Эню Линесса ухмыльнулась. Именно глаза, доставшиеся от мамы, в которых невозможно понять внутреннее состояние, очень нравились её отцу, и она этим очень гордилась.

Эню Линесса вспомнила последнюю их встречу. В тот день она уже приготовилась отойти ко сну, но никак не могла уснуть, ворочаясь под одеялом, доставляя неудобства ноч-

ной няне, как дверь отворилась, и её проводили к лежащему в спальне отцу. Она знала, что он болен и не в себе. Ей удалось изредка подслушивать разговоры взрослых во время завтрака или обеда, но, сколько ей тогда было? Девять, двенадцать лет? Что она понимала? Она и не сразу сообразила, что заболел, её братья, скончались. Сначала ей говорили, что они уехали лечиться, что скоро вернуться, а когда заболел отец, она поняла, что братья больше не вернуться, что больше им не гулять, не играть, не бегать, веселясь по дворцу...

– Дочка, подойди. Дай взглянуть на тебя... – сквозь гримасу боли, говорил мужчина.

Линесса не сразу узнала в лежащем в постели, укутанным одеялами человеке своего отца. Его лицо осунулось, побледнело. Черты лица обострились, и во взгляде отсутствовали те властные, но добрые нотки, что и отталкивали, и притягивали одновременно.

– Как ты выросла. А глаза, словно мамины, такие же... красивые.

Отца она больше не видела, не разговаривала с ним. Пышные похороны прошли, как в тумане. Поняв, что в таком большом и сложном мире осталась одна, Линесса долго горевала, но наступила зима и её вновь отвезли в зимнюю резиденцию, где она окунулась в любимое дело, и постепенно забыла о произошедшей в семье трагедии.

Только повзрослев, поняла, сколько добра для неё сделал дядюшка. Она его искренне любила и сейчас, смотрясь в зер-

кало, у неё ёкнуло сердце.

«Неужели с дядей что-то случилось!!!» – пронеслась ужа-сающая мысль, и она побежала, не замечая, как её провожа-ют заинтересованные взгляды придворных.

– Впустите меня!!! – стоя возле наглухо закрытых дверей, кричала Линесса, грозя гвардейцам из личной охраны импе-ратора всевозможными карами, – впустите! Я приказываю! Пожалуюсь генералу и он вас в самый дальний гарнизон со-шлёт или сразу на войну, а то ишь, особу царских кровей не впускать вздумали!

Но гвардейцы, с невозмутимым видом, не шелохнулись.

Дверь медленно растворилась, и оттуда показался личный лекарь Императора:

– Кто тут шумит? Прекратите! Императору необходим по-кой.

– Джессин Бонса, – быстро заговорила эну Линесса, – что с императором?

– Ах, это вы, эну Линесса. Подождите. Я сейчас выйду, поговорим.

Ходя из стороны в сторону, с нетерпением, девушка ожи-дала личного лекаря Императора. Её мысли метались, строя одно предположение за другим. Её начинало трясти от нерв-ного напряжения. Она вновь ощутила себя маленькой и без-защитной, словно в те дни, когда умирал отец. Но в тот мо-мент подставил плечо, утешил, не дал сгореть во всепогло-щающей скорби, дядюшка, а сейчас слёг и он. Линесса по-

чувствовала, что остаётся совсем одна. Да, она повзрослела, набралась жизненного опыта, но в большей степени интересовала не её дальнейшая судьба, а что с Императором.

– Пойдёмте ко мне, эну Линесса. Вижу, вы не в себе. У меня есть отвар, как раз для таких случаев. Вам необходимо успокоиться.

– А как же Император?

– С ним останутся, присмотрят. Сейчас он отдыхает. Не беспокойтесь.

– Он болен?

– Да, захворал Император, но ничего страшного. Перенервничал. Столько на себя взвалил, но, думаю, через пару недель восстановится. Не беспокойтесь. Организм хоть и ослаблен, но под бдительным присмотром быстро пойдёт на поправку.

Эну Линесса и Джессин Бонса медленно шли по коридору пока не остановились возле неприметной двери, где проживал императорский лекарь. Линесса никогда не бывала у него в покоях и не знала, где они находятся, потому что в случае надобности за лекарем посылали, и он тут же приходил.

– Проходите, присаживайтесь. Извините, у меня не прибрано. Слуг я сюда не допускаю, а учеников у меня нет. Такая специфика, понимаете ли.

Линесса уселась в удобное кресло и внимательно смотрела на пожилого лекаря, перебирающего на столе какие-то тём-

ные бутылочки.

«Сколько ему лет? Шестьдесят, семьдесят? Сколько себя помню, Джессин всегда был рядом, при дворе. Лечил и меня, и братьев, и прежнего Императора, но... не вылечил. Почему его оставили?!», – закралась подозрительная мысль.

– Выпейте, эну Линесса. Успокойтесь, – лекарь протянул кружку с резко пахнущей жидкостью. – Это отвар из цветков липерии.

– Что с Императором? – взяв в руки кружку, но не торопясь пить, вновь спросила эну Линесса.

– Я же сказал, переутомился, устал.

– Вы не договариваете, почему отводите глаза? Смотрите на меня! – ожидая опасность, в минуты тревоги, неожиданно в девушке проснулся властный характер.

– Вы, прям, как ваш отец. Такая же строгая, – ухмыльнулся Джессин и присел напротив девушки, – Император сильно болен. У него лихорадка. Какая, пока определить не получается. Симптомы определить трудно, они неочевидные. Что плохо, вы не знаете, но Император страдает головными болями. Иногда теряет сознание, провалы в памяти. Понимаете, я вам говорю то, что никому знать нельзя, что никто, кроме лекарей и теперь вас, не знает...

– И даже эну Доанна? – удивилась Линесса.

– И она тоже, но вероятно, догадывается. Всё-таки супруги и много времени проводят, точнее, проводили вместе.

– Может лекаря, какого позвать, заграничного? – робко,

словно рассуждая сама с собой, спросила эну Линесса.

– Какой заграничный лекарь, когда война идёт? Вы в своём уме?! И не понимаю, почему в своих врачей не верите, думаете, что за границей лучше? Университеты всякие там, магистратуры непонятные, а что из поколения в поколение знания передаются, новыми познаниями пополняются, это вы не знаете? Эх, если бы назад, лет так на десять, и с теми знаниями, которые сейчас, то вылечил бы ваших братьев!

Невольно на глазах девушки навернулись слёзы. Она вспомнила старших братьев, отца и не в силах сдержаться, зарыдала.

– Что вы, что вы, эну Линесса. Успокойтесь. Не надо волноваться, ничего страшного нет. Я, как и говорил, с Императором всё будет хорошо, выздоровеет.

– Вы в этом уверены?

– Уверен. Лихорадка протекает, хоть и в тяжёлой форме, но бояться нечего, Болезнь известная, изученная. Вот только наложение на хронические болезни, возможно, изменили симптоматику, но не волнуйтесь. Во дворце собрались лучшие лекари, – слова Джессина звучали как-то неуверенно, что не ускользнуло от слуха эну Линессы.

– Зачем вы меня успокаиваете?! Вы сами не верите в то, что говорите! Кстати, не думали, что Императора могли отравить? И из-за этого такие симптомы. Я не понимаю в медицине, но нельзя отбрасывать и этот вариант. Тем более, сами говорили, что заболевание протекает с неочевидными

симптомами.

– Отравили? Но, позвольте, кто?! Посторонних к Императору не допускают. Всю еду, питьё, проверяют. Микстуры, согласовав рецептуру, готовлю я лично и из проверенных ингредиентов.

В дверь постучали.

– Кто там?

– Император очнулся! Требуется к себе, – слышалось из-за двери.

– Извините, эню Линесса, но мне надо идти, – заторопился, собираясь Джессина Бонса.

– Можно повидаться с дядюшкой? – вставая с кресла, настойчиво попросила Линесса, делая упор, что ей необходимо поговорить не с Императором, а с родственником.

– Не сегодня. Император слаб и ему необходим отдых...

Не скрывая недовольства, эню Линесса вышла в коридор.

Сегодняшний день она хотела посвятить сборам к отъезду в зимнюю резиденцию. Всё-таки погода стоит сухая, дороги не размыло, а совсем скоро зарядят дожди, и придётся очень долго и некомфортно добираться до ставшего родным места. Именно чтобы спросить разрешения уехать в зимнюю резиденцию эню Линесса хотела встретиться с дядюшкой, но планы изменились. Она не решилась покинуть дворец во время болезни Императора.

В государственные дела её не посвящали, но убыть в такой неподходящий момент и отстраниться от придворных ин-

триг, которые, как не сомневалась, разгорятся с новой силой, было бы неразумно, рассудила она. Тем более, когда главный хранитель, самый сильный из тех, кто ей благоволит, оказался на больничной койке. Пусть она неопытная, пусть у неё нет советников, пусть не поднаторела в дворцовых интригах, но всё её естество умоляло, нет кричало: «Останься!»...

В покоях Императора немногочисленно. Только самые верные слуги и дежурный лекарь. По всеобщему согласию, медики договорились дежурить по очереди возле ложа Императора, следя за состоянием больного, а Джессина Бонса удостоился права принятия окончательного решения в лечении венценосной особы. Его опыт и мудрость стояли на недосягаемой для других высоте и ценились не только Императором, но и признавались врачебным сообществом.

– ...смотрю, жар спал. Как ваше самочувствие?

– Голова раскалывается, что шевельнуться больно, – ответил Император.

– Вы плохо спали. Сейчас вам надо поесть и обильное питьё.

Слуга помог Императору приподняться, но тот скорчился от боли, закричав сквозь зубы:

– А-а-а!!! Голова! Где Ингар, позовите его.

– Ингар Симиони отбыл из дворца, – услужливо доложил слуга.

– Там, в верхнем ящике, микстуры. Подайте! – продолжая корчиться от боли, сквозь зубы говорил Император.

– Микстуры? – удивился Джессина, но подошёл к секретеру, на который указывал Император и выдвинул верхний ящик. Достал небольшую тёмную бутылочку и внимательно прочитал этикетку: «Болеутоляющее. Принимать три раза в день по малой мерной ложке».

– Ваше Величество, давно принимаете?

– Месяц, примерно. Давайте скорее.

– Почему меня не предупредили?

– Я говорил, что ваши лекарства не помогают.

Джессин откупорил бутылочку, осторожно принюхался:

– Вытяжка толокнянки, настой коры чёрвения, оргинс. Ещё что-то, что не могу разобрать. Слишком тонкий аромат. Всё настояно на «жгучей воде». И это вам помогает?

– Да! – раздражённо выкрикнул Император, но потом смягчился, – обрадовался, что после приёма микстуры Ингара головные боли практически перестали беспокоить. Пропустил несколько раз приём, а сейчас голову словно зажали в тиски и бьют по ней кузнечным молотом. Дайте скорее микстуру!!!

– Ваше Величество, бутылочка пуста. Выпейте приготовленную специально для вас.

Со стола Императора Джессин взял кружку с водой и влил в неё несколько десятков капель из стоящих на столе возле Императора склянок.

– Она не помогает.

– Выпейте. Я поговорю с Ингаром Симиони, узнаю состав,

и лично буду готовить эту микстуру в нужном количестве...

Выходя из покоев Императора, Джессин недовольно бурчал себе под нос:

– Надо поговорить с этим Ингаром. Почему не сказал, что без моего ведома даёт Императору какие-то лекарства?! А состав?! Скорее, похоже на мочегонное, чем на обезболивающее, но на «жгучей воде» не настаивают такого рода препараты. Может, из-за этого и диагноз определить не можем. Одни симптомы усилились с побочными эффектами, а другие наоборот, ушли на второй план...

Эну Доанна расположилась в своей опочивальне, готовясь к неприятному, но необходимому разговору. Второй день Император лежит, не вставая, и она в растерянности. Она не успевает всех подкупить и убедить поддержать изменения в Закон о Престолонаследии. А ещё Ингар Симиони куда-то пропал. Эну Доанне доложили, что за ним посылал Джессина, и тот обещал прибыть, но не сразу, а только через день.

– К вам посетитель, Ваше Высочество! – дверь тихо распахнулась, и на пороге показался слуга.

– Кто там? – недовольно произнесла эну Доанна, хотя с нетерпением ожидала именно этой встречи.

– Ингар Симиони, – почему-то без регалий представили посетителя.

– Впустите.

Церемониальное приветствие.

После обязательных по этикету вопросов: «Как добра-

лись?», «Как самочувствие?», «Не устали с дороги?», эну Доанна набросилась на него с упрёками:

– Что ты натворил?! Знаешь, что личный лекарь Императора заинтересовался тобой? Он тебя подозревает? Почему сразу не прибыл по его требованию? Хочешь, чтобы тебя причислили к шпионам?

– Успокойтесь эну Доанна. Дела идут так, как задумано. Главное, чтобы вы не оказались одни.

– Но Император не встаёт с постели! Не занимается государственными делами. Я не могу к нему попасть! Этот Джессина никого не пускает! А ещё эну Линесса постоянно крутится возле покоев Императора!

– Лекаря беру на себя. По этому поводу не переживайте. Главное, убедите советников Императора изменить Закон. У него скоро наступит ремиссия – это такой период, когда симптомы течения болезни исчезают и кажется, что больной выздоровел, но потом...

– Что потом? – неуверенно спросила эну Доанна.

– Потом вы знаете, что произойдёт. Срок, который я вам озвучил, неизменен.

В дверь постучали. Эну Доанна неохотно разрешила войти.

– Извините, что прерываю беседу, – в помещение вошёл взволнованный слуга, – но Джессина Бронса потерял сознание. Всех находящихся во дворце лекарей просят прибыть в правое крыло.

– Что с ним? – встрепенулся Ингар. На его лице отразилось непритворное беспокойство. – Извините эну Доанна, но мне необходимо покинуть вас. О порядке приёма соляных ванн, мы с вами поговорим позднее.

– Ступайте, Симиони. Жду вас после того, как освободитесь.

Дверь за посетителем закрылась, Доанна осталась одна и не удержалась, едва слышно произнести: «Вот шельмец, всё успеваеет!!!»

Глава 14

Вопреки желаниям, Эну Линесса осталась в столице, но её не допускали не только к Императору, а и запретили бывать в центральном крыле дворца, где в опочивальне продолжал, не вставая с кровати лежать её дядюшка. Со смертью Джессины Бонсы, что сказать – возраст, развели руки знатоки медицины, она практически оказалась изолирована в своих комнатах, изредка выходя на прогулку.

– Эну Линесса, вам помочь?

– Спасибо, Зассина я сама. Думаю пройтись перед обедом.

– Но на улице так холодно! Дождь идёт со снегом! Как же хорошо было в загородной резиденции. Там тепло! И, наверно, никогда не бывает холода. Почему мы так и не уехали? – горничная Зассина примерно одного возраста с эну Линессой. С детства были вместе. Играли, бегали маленькими детьми по замку, делились самыми сокровенными тайнами. И Зассина иногда забывалась, разговаривая с хозяйкой почти на равных. Но эну Линессу пренебрежение этикета не беспокоило. Именно сейчас, когда будущее её самой казалось безутешным, Линесса поняла, что не осталось ни друзей, ни верных людей, способных открыто подставить плечо в наступивших трудных временах.

Больной Император уже месяц не в состоянии вести де-

ла, проводить приёмы и совещания. Лекари почти никого в его покои не допускали. Изредка разрешая приближённым заходить удостовериться, что Император жив.

В это время Эну Доанна развернула бурную деятельность. От имени Императора принимала послов, разрешала накопившиеся дела, чем сыскала недовольство некоторых высших придворных. Но с ними она быстро расправилась, выслав подальше из столицы.

Эну Линесса чувствовала, что надвигаются тяжёлые времена, но ничего поделать не могла. Долгими вечерами она думала, что может и вправду, когда исполнится двадцать один год и она станет совершеннолетней, выйти замуж и уехать из столицы, а может и из страны. Придворные до сих пор предлагали, как им казалось завидные партии замужества, но Линесса знала, точнее, догадывалась, что все кандидаты подобраны именно эну Доанной и ей не хотелось осознавать, что является пешкой в чьей-то игре.

– Эну, мне с вами пойти? – тихо спросила Зассина. По её недовольному лицу читалось, что она не хочет облачаться в зимние одежды и выходить из тёплой опочивальни.

– Нет, Зассина. Остайся. Перебери вышивальные принадлежности, переданные уважаемым Гонзой. После обеда будем вышивать. И ещё, всё-таки помоги мне одеться.

Промозглый ветер. Не только мелкие, назойливые ледяные капли дождя, но и пугающая пустота сада удручала. В предобеденное время обычно в саду на прогулке можно

встретить много знакомых лиц, остановиться, поговорить, обсудить ничего незначащие дела. Познакомиться с новыми лицами, но сейчас сад опустел. И придворный садовник, ухаживающий за молодыми кустарниками, и слуги, убирающие, вымощенные привезёнными из восточных провинций редкими породами гранита дорожки, спрятались от непогоды.

Эну Линесса уже жалела, что не послушалась советам служанки и наперекор здравому смыслу выбралась на свежий воздух, но такова её суть. Она с детства поступала именно так, как хотела, не зная отказа ни в чём. Будучи единственной дочерью в большой семье, знала, что братья её не выдадут, а суровый для всех отец простит шалости, строго наказав нянькам, чтобы лучше присматривали за молодой эну.

«Эх, папа, папа. Что мне делать, как поступить?! Почему жизнь так несправедлива? Сначала мама, потом братья, потом ты – папа. Я хорошо запомнила твои слова: «Дочь. Тебе никогда не стать Императрицей, но поступай так, чтобы ни я, ни подданные страны не разочаровались в тебе», но что они значат, до сих пор понять не могу».

– Эну Линесса, – резкий голос заставил вздрогнуть, выводя из раздумий, – вы замёрзли?

Это стоял рядом неизвестно откуда появившийся Ингар Симиони. Совсем недавно вокруг, что простирался взгляд, на длинных дорожках сада совсем никого не было. И вот рядом с ней стоит новый старший лекарь, после смерти Джессина Бонса занявший его место. Ходили слухи, что этот Си-

миони незаконно рожденный одного из высших дворян, но никто так и не смог ни опровергнуть, ни подтвердить эти догадки.

– Нет.

– Советую вам не переохладиться. Погода не располагает к длительным прогулкам. Позвольте вас проводить.

– Не стоит, хотя, – тут в голову эну Линессы пришла интересная мысль, если её не допускают в покои Императора, то почему не узнать, как состояние дядюшки у первого лица, кто не понаслышке знает состояние венценосной особы. И не только знает, но и принимает непосредственное участие в лечении Императора. – Проводите. Думаю, вы правы, не стоит перед обедом слишком долго гулять.

– Вы совершенно правы.

– Как здоровье эну Доанны? – издалека начала расспросы Линесса.

– Хорошо.

– Я очень рада, а то стала переживать, что вы, как лекарь, бываете чуть ли не каждый день в покоях моей тётушки. Беспокоилась, что болезнь супруга сказалась и на её здоровье.

– Не беспокойтесь, супруга императора в полном здравии. Она беспокоится о здоровье Императора. Из-за этого у неё развилась бессонница. Но ничего страшного. Душевный разговор, тёплое питьё и всё пройдёт.

– Лучшее лечение для супруги – это известие, что Император выздоровел. Не так ли?

– Несомненно, вы правы. Именно этим, не покладая рук, и занимаемся. Заказали необходимые травы, снадобья и, думаю, Император пойдёт на поправку. Знаете, слишком редкие травы оказались нужны, а отыскать их во время войны оказалось трудной задачей.

– Но выполнимой?

– Выполнимой. Те места, где прорастает необходимый цветок, сейчас занят неприятелем, и запасы редкого ингредиента иссякли. Но скоро его доставят.

– Думаете, мы победим в войне? – как-то неожиданно для себя, перевела разговор Линесса.

– Несомненно, эню Линесса!

– Но я слышала, что дела на юге Империи не так хороши, как хотелось.

– Я не силён в воинском искусстве, но смею заверить, что Империя сильна и одержит столь долгожданную победу.

– Ваши слова обнадеживают, Ингар Симиони. Благодарю, что проводили.

Смешанные чувства от встречи с Императорским врачом обуревали эню Линессу. Она не знала этого человека только слухи, что ко дворцу его приблизил эню Доанна, что он незаконнорожденный сын, что обучался за границей, но последнее с большой долей вероятности – правда. Знания и умения, позволили относительно молодому мужчине, не достигшему и сорока лет, занять достойное положение в медицинском сообществе. Его профессионализм врача, его знания меди-

цинской литературы, признавался всеми, с кем ей удавалось поговорить. Но их встреча Линессу насторожила. Появилось чувство опасности, такое зудящее, неприятное жжение под левой лопаткой и она поспешила в свои апартаменты.

Не успела эну Линесса войти в опочивальню, как её встретила Зассина:

– Госпожа! Приходил слуга эну Доанны. Она просит, чтобы вы отобедали вместе с ней.

Неожиданное предложение супруги Императора Линесса выслушала невозмутимо, словно именно к этому готовило недоброе предчувствие, появившееся после встречи в саду.

Как дядюшка слёг в постель, эну Доанна и эну Линесса не встречались, избегая друг друга. Линесса помнила отношение к себе супруги Императора, её козни и небылицы, распускаемые при дворе. Одна только история с заезжим скульптором чего стоит.

На одном из приёмов, Линессе представили знаменитого скульптора, волею судьбы оказавшегося проездом в Империи и ожидавшем позволения продолжить путешествие, возвращаясь к себе на родину. Война вносила свои особенности. К иностранным гражданам оказывалось пристальное внимание. За их перемещением следили, долго согласовывая маршрут и сроки пребывания. Скульптор действительно оказался знаменит и его имя – Тито, стало нарицательным, означавшим целое течение в искусстве, символизирующее идеальную, до мельчайших деталей, передачу в камне

образа человека. Пользуясь случаем, его работы заказывала столичная знать. При встрече, пленённый красотой эну, Тито невзначай пожаловался Линессе об отсутствии подходящей натурщицы для заказанной ему статуи правительницы Вантисы – женщины, согласно древним легендам, обладавшей невиданной красотой и ставшей после смерти воплощением любви.

Лично позировать эну Линесса не собиралась, но предоставила летний загородный дом в распоряжение мэтру Тито и позволила ему отобрать среди служанок и жаждущих позировать претендентку для натуре, от которых отбоя не было. Очень много девушек пожелали стать музой для великого мэтра. Среди них оказались и молодые особы благородных кровей.

Вернувшись в столицу, Эну Линесса не ожидала, что короткое отсутствие при дворе станет предметом пересуд и пошлых слухов, один краше другого, описывающих непотребные оргии, творившиеся в летнем доме. Когда эну Линессу пригласил к себе Император, она чуть не зарыдала от безысходности, поняв, что угодила в умело расставленные сети завистников. Но обошлось. Император долго молчал, смотря в покрасневшие от слёз глаза племянницы и после, показавшейся вечностью, паузы, произнёс: «Прежде чем что-то делать, думайте о последствиях. Вы – эну Линесса, потомок великого Императора и должны понимать, что находитесь под пристальным взглядом не только поклонников,

но и завистников, стремящихся даже такими способами опорочить имя вашего отца. Всё, идите».

Короткий разговор, официальное обращение Императора на «вы». Впервые, с соблюдением дворцового протокола, Император проводил встречу не как с племянницей, а как с подданной, что поставило в тупик эну Линессу. Она всё считала себя ребёнком, беззаботно жила, купаясь в обожании, но этот разговор показал – детство закончилось. Её мировоззрение поменялось. В одночасье она повзрослела, словно сделала следующий шаг, и переступила границу, оказавший во взрослой жизни, где самостоятельно приходится принимать решения, где необходимо отстаивать своё мнение, где предстоит отвечать за свои поступки и не только перед родителями, родственниками, но и перед Законом, но в первую очередь – перед своей совестью...

– Доброе утро, эну Доанна.

– Доброе утро, эну Линесса, – ответив на приветствие, произнесла супруга Императора.

Соблюдая этикет, она ждала, не садясь за стол, а прохаживалась, изредка бросая взгляд в окно. Вошедшая эну Линесса первая поздоровалась со старшей по возрасту и положению дамой, что соответствовало правилам этикета, и эну Доанна одобряюще склонила голову, выказывая своё удовлетворение. Она внимательно смотрела за реакцией Линессы на приглашение, пытаясь прочесть её душевное состояние, но на безукоризненно строгом, ничего не выражавшем мо-

лодом лице, отсутствовали признаки беспокойства.

«Как повзрослела за эти дни», – отметила для себя эну Доанна, жестом приглашая занять место за сервированным на две персоны столом.

Планы эну Доанны постепенно исполнялись. Бóльшую часть членов Совета Императора она убедила изменить Закон о престолонаследии, но оставались два немаловажных момента: во-первых – это супруг, но с ним Доанна уладит дела не поднимая шума; во-вторых – эну Линесса, которая в случае принятия самой строгой, предложенной Доанной формулировки о престолонаследии, всё равно имела хоть и призрачный, но шанс претендовать на Императорскую корону.

Доанна сомневалась, что делать с кровной родственницей царствующего Императора и ей предстоял тяжёлый выбор: или отослать возможную претендентку на трон как можно дальше из столицы, ограничить её общение с придворными, фактически выслать в ссылку; или... отправить вслед за отцом. Второй вариант развития событий казался менее предпочтительным, но на что не пойдёшь ради себя и своих детей.

Во время совместного завтрака Доанна хотела понять: опасаться ей Линессы или она примет почётную ссылку, уйдёт в тень, выйдет замуж за нужного человека и полностью исчезнет с политической арены Империи, оставив императорский трон новой династии, основателем которой станет

не Император, а Императрица.

Завтрак продолжался в молчании. Этикет не позволял до последней смены блюд начинать разговор из-за чего официальные обеды длились очень долго. Бывало, при смене из двенадцати блюд, под конец приёма приглашённые и не помнили, зачем собрались вместе.

Эну Доанна вела себя непринуждённо, изредка бросая взгляд на Линессу. Слуги производили смену блюд, меняли приборы, а Линесса, словно не замечала, что завтрак затянулся на два часа. От каждого предложенного блюда она откусывала кусочек и терпеливо ждала следующей смены, не выказывая ни раздражения, ни недовольства затянувшимся процессом.

В очередной раз слуги поменяли приборы, выставив на стол лёгкий десерт и, перед каждой особой, поставили большой заварной чайник, и удалились.

– Спасибо, что составили компанию, эну Линесса, – нарушила молчание эну Доанна, – с болезнью супруга на меня навалилось много забот и проблем, с которыми справится только Император.

– Рада, что моё присутствие помогает вам находить силы для служения Империи, – ответила эну Линесса, но тут же спохватилась. Слишком пафосно звучал её ответ. – Как здоровье Императора? Мне рассказали, что Странис Первый скоро пойдёт на поправку.

– Вы правы, эну Линесса. Придворные лекари делают всё

возможное, борясь с болезнью Императора. Они и мне обещают скорое выздоровление супруга. Я хотела спросить, что подарить на ваше совершеннолетие? Конечно, до него осталось ещё довольно много времени, но двадцать один год бывает только один раз в жизни и мой, наш с супругом подарок должен соответствовать такому праздничному дню.

– Я не думала об этом, эну Доанна. Но в этом году мне так и не удалось отбыть в загородную резиденцию, где я обычно проводила время, читая книги. Если можно, я бы хотела получить в подарок библиотеку, хранящуюся там.

– Библиотеку? – неподдельно удивилась эну Доанна. Вот чего, а просьбу: подарок «библиотеку», она услышать не ожидала. Предполагала, что эну Линесса пожелает титул, землю, покинуть Империю с визитами по дружественным странам для заведения знакомств с возможным супругом, но... «библиотеку».

Выдержав томительную паузу эну Доанна ответила:

– Думаю, ваше желание исполнимо, эну Линесса. Как только супруг пойдёт на поправку, я изложу вашу просьбу.

– Благодарю, эну Доанна. Вы очень добры.

– Что ж, эну Линесса. Я довольна совместным завтраком. Надеюсь, наши разногласия остались в прошлом. Вижу, что за эти дни вы изменились, повзрослели, так скажем. Кстати, совсем недавно пришло письмо от короля Мёрса. Он неожиданно овдовел и, утешив горе в трауре, подыскивает королеву. Конечно королевство маленькое, не сравнить с

Империей, но обратите на него внимание. Он не стар, говорят, что умён и чуть ли не спит в обнимку с книгами. Сам занимается какими-то изысканиями. Я прикажу передать вам письмо и его портрет.

– Благодарю, эну Доанна. Я обдумаю ваше предложение. И вправду, необходимо не упустить свой шанс и подобрать достойного мужа, а следуя вашим мудрым советам, мне будет легче не совершить опрометчивых поступков, о которых потом жалеть всю жизнь, – ответила, вставая вслед за эну Доанной, эну Линесса. Завтрак закончился, и разговор подошёл к концу, о чём первой поднявшись, дала понять супруга Императора...

Эну Доанна долго смотрела на закрывшуюся за молодой особой дверь, пока из раздумий не вывел знакомый голос:

– Как поговорили? Ты придумала, как с ней поступить?

– Придумала, Симиони. Как Император? Скоро ему станет лучше? А то советники в любой момент могут передумать.

– Скоро. И не беспокойся, они не успеют передумать.

Глава 15

С прибытием в станицу Прочноокскую гарнизона, под командованием полковника Мигнеса, дни потянулись размеренно и однообразно. Противник отступил, и преследовать его не стали. Всё-таки погода вносит свои особенности в военное дело. Зарядившие на пару дней дожди привели дороги в полную негодность. Местные старожилы говорили, что не припомнят случая, когда так рано началась осенняя распутица, а впереди ещё зима, а на юге Империи она сводится к сильному ветру и дождям. Всё-таки климат отличается от центральной части, но на подводах, а тем более пешим маршем проходить расстояния, которые механизированная армия преодолевает за какие-нибудь пять часов, становилось невыполнимой задачей.

В командовании гарнизона всё более утверждался план: если противник не предпримет никаких активных действий и не поступит приказа сменить дислокацию, то гарнизон в полном составе останется на зимних квартирах именно в станице Прочноокской. В пользу такого решения говорило местоположение станицы: слева и справа – непроходимые леса, болота. Оставшаяся единственная дорога проходила через станицу и вела дальше вглубь южных территорий Империи. Именно её и планировал охранять расположившийся на

зимних квартирах гарнизон.

Благодаря удачному расположению организовать обеспечение расквартированных солдат продовольствием, зимним обмундированием, планировали своими силами со складов Сантории, что значительно упрощало снабжение и нелёгкую работу тыловых служб...

После короткого разговора с полковником, Валео вручили наградное оружие: длинный прямой клинок с гравировкой, похожий на укороченный до двадцати сантиметров меч и присвоили чин «лейб-сержант», назначив командиром отделения. Отказываться от подарка, а тем более от повышения Валео не стал.

«Наградили оружием, присвоили чин – хорошо. К ордену представили, совсем отлично! Теперь уж точно вопросов не возникнет, откуда я такой-растакой взялся. Только почему-то в какой-то неправильный мир я попал. Сколько читал, сколько фильмов смотрел про попаданцев, но... где магия?! Где супер умения и супер возможности?! Обычное средневековье, ни тебе проявлений боевой магии, ни лечебной. Сколько раз присматривался к работе местных лекарей, так ничего необычного не заметил. Снадобья, отвары, примочки, микстуры. Тут даже о растворе бриллиантового зелёного не знают! Хотя о способах перегонки, о спирте и его обеззараживающем свойстве осведомлены и активно используют. Одним словом – средневековье», – думал Валео всю следующую неделю, приступив к обязанностям коман-

дира отделения.

После памятного боя в рядах гвардии осталось едва половина состава, а пополнения, а тем более, отправлять гвардейскую роту в тыл для переформирования, никто не собирался. Каких трудов, едва вставшему на ноги капитану Нетрису, стоило убедить полковника пополнить ряды гвардии из числа солдат гарнизона, знает только он. Но с началом новой недели, Валео поручили отобрать двадцать солдат для пополнения и без того скудного числа гвардейцев. Солдаты, видя, как после одного боя в строю гвардии остались единицы не желали менять устоявшийся уклад и, во время организованного Валентином отбора, специально показывали результаты, как по стрельбе, так и по физической подготовке, явно ниже своих возможностей.

– Господин лейтенант, разрешите? – закончив очередной этап отбора, Валео подошёл к офицеру.

– Говори, лейб-сержант. Вижу, твои старания проходят даром. За пять дней всего трое изъявили желание вступить в гвардию.

– Вы правы, именно об этом я и хотел с вами поговорить. Эти трое, точнее двое из них, как раз те два брата: Сентр и Вентр, проходившие испытание вместе со мной. Третий – их знакомец. Остальные... – тут Валео запнулся, размышляя, стоит ли говорить, что не желают солдаты идти в гвардию. Опытным взглядом он замечал, как во время прохождения испытаний, рекомендованные непосредственными ко-

мандирами солдаты, промахивались, падали, оставались лежать, симулируя травмы.

– Что остальные?

– Остальные... подготовка хромает, – выпалил Валентин, но тут же продолжил, – господин офицер, как заметил, для прохождения испытаний командиры направляют или совсем молодых, или пожилых вояк, а тех, кто хоть как-то показал себя в бою, не желают отдавать в другое подразделение. Если возможно, киньте клич, что идёт набор в гвардию.

– Думаешь, этого не делали? Сколько раз объявляли по гарнизону набор в гвардейскую роту, но всё безрезультатно. Только из новобранцев и набираем пополнение, хотя и жалование в гвардии выше, и питание, но боятся. Кто хочет рисковать каждый бой своей жизнью? Гвардия она на то и гвардия, что выполняет самые трудные и важные приказы... – офицер распаялся, словно произносил речь перед строем новобранцев.

«Вот тебе и отличия, – думал Валентин. У нас, считай все поголовно, хотят служить или в ВДВ, или в морской пехоте, или, по крайней мере, как минимум в спецназе. А тут... Плотный строй: первая шеренга, вторая, третья. Если повезёт, то останешься жив. И зачем заниматься личной подготовкой, метко стрелять, тренировать выносливость? Стоя в плотном строю, паля не в цель, а по направлению, хоть кто-то, но попадёт в противника. Понятно, точность и дальность стрельбы оружия оставляет желать лучшего. Чтобы с пары

сотен шагов попасть в мишень надо очень и очень постараться. Но с другой стороны, в этом мире подтверждается вывод одного из американских генералов, что девяносто восемь процентов призванных в армию не способны убивать¹¹. Мда. И как найти эти два процента, способных решать судьбу боя?».

– Всё, лейб-сержант, иди! Исполни приказ, – отрезвил прозвучавший над ухом приказ офицера и Валео, в раздумьях, вернулся на импровизированную спортивную площадку.

«Что такого придумать, чтобы если не каждый, то хотя бы десятая часть личного состава возжелала служить именно в гвардии? – думал Валео, смотря, как готовится очередная группа к прохождению испытаний. – Улучшенный паёк и повышенное жалование не прельщают к совершению подвигов. Тогда будем исходить от противного: кто служит в армии? Понятно, что в основном крестьяне, мелкие торговцы, а среди офицеров... Хотя, зачем их брать в расчёт. У них свои соображения – получить титул, землю, может ещё что, а основная масса – крестьяне. Что для них самое важное? Вряд

¹¹ Имеется ввиду опрос, проведённый в 1947 году генерал-маршалом Вооружённых сил США среди ветеранов боевых частей Второй мировой войны, согласно которому выяснилось, что в тех видах боёв, где противник воспринимается как человек и личность (это пехотные бои, авиационные дуэли истребителей и пр.), – армия неэффективна, и практически весь урон, причиняемый противнику, создаётся двумя процентами личного состава, а девяносто восемь процентов – не способны убивать.

ли у кого из них есть своя семья, если только братья, сёстры, родители. Не думаю, что благодарственное письмо на родину или награда воодушевит на подвиги. Что ещё можно придумать?...».

– Господин лейб-сержант, разрешите спросить, – к Валентину подошёл третий, вместе с братьями зачисленный в гвардию. Его имя Валентин пока не запомнил.

– Если вопросы по размещению, то тебе к лейб-старшине. Я не знаю, в какое подразделение тебя зачислят.

– Благодарю, уже разместился. Я по другому вопросу: хотел спросить, когда okazия в Санторию пойдёт, мне бы посылку передать.

– Посылку? – мысли Валентина лихорадочно заработали, но так и не могли ухватить витавшее в воздухе единственно верное решение.

– Так точно! – широко улыбаясь, ответил новоиспечённый гвардеец, – у меня родня по соседству с Санторией обитает, хотел передать им часть жалования.

– По поводу жалования не беспокойся. Можешь пойти к штатному писарю, и он оформит регулярные отчисления.

Тут гвардеец смутился и нехотя добавил:

– Мне братья сказали, что можно посылку передать. Я чуть-чуть сахар сэкономил, пяток иголок смастерил и ещё мелочь всякая, которая в деревне пригодится.

«Эврика!» – чуть не воскликнул Валентин, найдя нужную струнку, на которой можно сыграть, привлекая бойцов в ря-

ды гвардии.

В абсолютном большинстве среди рядовых – деревенские, а что в деревне ценится, кроме работающих рук? Всякая мелочь: как нитки, иголки, хороший нож и всякие полезные вещи, которые можно если не получить на службе, так добыть в бою в качестве трофеев. А если позволить официально гвардейцам отправлять, хотя бы раз в месяц, добытые трофеи домой, то от желающих служить именно в гвардии отбоя не будет.

Помнится и в годы Великой Отечественной войны практиковались посылки домой. Слали разное, конечно, существовали ограничения и по весу, и по количеству посылок в месяц, не говоря о том, что можно было отсылать домой, а что нет, но какой стимул был у бойцов воевать в первых рядах и добывать трофеи. Главное, тут палку не перегнуть.

– Хорошо, готовь посылку. Я согласую вопрос и, думаю, разрешат, – решительно ответил Валентин, выстраивая в голове аргументы для предстоящего разговора с офицером.

Через голову непосредственного командира Валентин прыгать не стал, а обратился к лейтенанту. Тот, к его удивлению, не выслушав, отправил напрямую к капитану Нетрису.

– ...говоришь, разрешить посылки отправлять домой? – хмурился капитан, так и не понимая суть предложения. Разговор заходил в тупик. Офицер не понимал, зачем какие-то посылки, если величайшим повелением самого Императора позволено служивым людям, отправлять жалование. При-

шло долго и упорно объяснять, что не только в жаловании дело. Для деревенских, кстати, в основном неграмотных, отправить домой письмо с рассказами о героических подвигах, подкреплённых боевыми трофеями, являлось великолепным доказательством того, что их земляк жив, воюет, не срамя родню, да и в прибыли остаётся, а что отправляют жалование, так и после смерти солдата родственникам полагался небольшой пенсiон. И не определить, это сам солдат по своей воле расстается с честно заслуженным жалованием или это является заботой Империи.

– Хорошо. Уговорил. Отдам приказ ординарцу. Пусть составляет письма... хотя, нет. У него итак много забот. Этим займутся командиры взводов.

Решение капитана рядовые гвардейцы восприняли воодушевлённо, но младшие офицеры настороженно. Всякая новая работа, а тем более спущенная сверху, создаёт больше проблем, внося суматоху в размеренный ритм военной жизни. Теперь оставалось дело за малым, чтобы эта весть разнеслась по гарнизону не с официальным приказом, а тихо, шёпотом, передаваясь из уст в уста, с каждым разом обрастая новыми подробностями и невероятными измышлениями, а уж факты не заставили себя долго ждать...

Полученный приказ о проведении разведки дороги, по которой ушли войска противника, поставил в тупик Валентина. Сколько времени прошло? Неделя? Две? Что нужно разведывать? Тут и дожди зарядили, но приказы не обсуждают-

ся. К выходу готовились не долго. Днём поступил приказ, а вечером, перед заходом солнца, кстати, Валентин так и не удосужился понять, как называют местное светило и для себя продолжал именовать его «солнцем». В языке аборигенов понятия «светило», как «солнце» не существовало. Его именовали просто: «яркая звезда». Изредка Валентин задумывался, откуда у аборигенов такие познания в астрономии, если поняли, что действительно это звезда, только самая близкая и соответственно самая яркая на небосклоне...

Валентин шёл в ядре группы, обдумывая, правильно ли поступил, взяв в первый боевой выход новобранцев и ничего удивительного в том, что они поступили в его распоряжение, не было.

Два брата: Сентр и Вентр сами напросились к Валентину в подчинение, а когда их просьбу удовлетворили, оба оказались несказанно рады. Ох, и наслушался Валентин рассказов от разговорчивых братьев и, что плохо кормят, и все дни только и знай, что ходи по плацу, и много чего иного интересного рассказали словоохотливые братья. Их, оказывается, сразу определили в шеренгу первого строя, что было, скажем мягко, не совсем обычное дело. В первую шеренгу обычно ставили или провинившихся, чтобы те не струсили и не убежали, сломав строй, или самых стойких. Но ни к тем, ни к другим причислить братьев не поднималась рука. Без боевого опыта, оба жизнерадостные, улыбчивые. Всё время подшучивали друг над другом, но что заметил Вален-

тин, к службе относились добросовестно. Большое впечатление произвело на него, что после злополучного неудачного падения брата отказались расставаться. К счастью, травма оказалась несерьёзной, и Вентр через пару дней вернулся строй. Их просьбы снова пройти испытание и попасть в гвардию, игнорировались, но когда по гарнизону прозвучал приказ о наборе, они настояли на своём и с блеском прошли испытание, и добились своего – стали гвардейцами.

Тяга братьев к службе оказалась прозаична. Закончив служить, их дед поселился в непримечательном селении Занинса. Обзавёлся семьёй, у него родился сын, а через годы родились внуки близнецы. Долгими зимними ночами, когда работы на земле нет, они любили слушать его рассказы. Неудивительно, что детская фантазия рисовала его героем, и братья хотели стать похожими на деда, а братское соперничество подстёгивало их стремление...

Авангард подал условный сигнал остановиться. Падать в непролазную грязь никто не стал, но затаились, слившись с наступившей темнотой. Выждав несколько минут, Валентин выдвинулся вперёд, узнать причину сигнала тревоги.

– Командир, слышите, дымом тянет, – доложил гвардеец.

Валентин принюхался и с трудом различил едва слышимый запах горенья.

– Кашу готовят, – продолжал гвардеец, – лук подгорел, вот и вонь стоит.

Валентин вновь вдохнул, но ничего нового не услышал.

«Ну и нюх у него!» – подумал Валентин и сориентировался, откуда тянет ветер. Внимательнее всмотрелся в гущу леса. Ни проблеска, ни мерцания огня – крошечная тьма и тихо. Слышно, как трутся друг о друга верхушки деревьев.

– Не ошибся?

– Обижаете, командир. Я до поступления на службу с десяти лет поварёнком бегал. Что-что, а научили где по запаху, где на глаз определять готово блюдо или нет. А тут... усы в залог ставлю! Что готовят на костре, в большом чане, но вместо того, чтобы дождаться, пока каша дойдёт до половины готовности, сразу добавили лук, вот он и пригорел. Открытый огонь дело такое, за ним следить надо. Температуру поддерживать, не давать слишком разгораться, не давать задохнуться, а ещё посуда...

– Стоп! Потом расскажешь, – остановил Валентин гвардейца. – Может из села запах учуял?

– До села часа четыре идти. В лесу готовят.

«Охотники? – закралась мысль. – Но надо проверить. Как раз расспросим, что делается в округе».

– Идём тихо. Когда заметим кашеваров, не раскрываем себя. Сначала посмотрим, послушаем, кто это, – инструктировал гвардейцев, готовя к прочёсыванию леса.

С направлением движения определились быстро. Тот же нюхач с запоминающим именем Занар с уверенностью указал направление, куда необходимо идти. Выстроились в шеренгу на расстоянии видимости и не торопясь пошли. Сот-

ни через две шагов замелькал тусклый отблеск костра, и запах приготовленной пищи стал очевидным. Пройдя метров пятьдесят, обнаружилась небольшая поляна.

– Что-то на охотников не похоже, – шёпотом произнёс Занар, – костёр развели в яме. Шалаш. Вон, слева у дерева. Сразу не заметишь, если не знаешь, что искать. И народа для охотников слишком много. Обычно ходят парами, изредка тройками. Огонь разводят по-другому, чтобы ночью зверей отпугивать, а тут, наоборот, стараются остаться незамеченными.

«Враг? Но, как? Кто? Отстали, заблудились? И ходят по лесу ища дорогу к своим, стараясь никому на глаза не попадаться? Сколько их? Судя по котелку, готовят человек на десять или двенадцать, не меньше», – размышлял Валентин, взглядываясь в слабо освещённую поляну, как слева невдалеке прозвучал истошный вскрик, и ожили тени на поляне.

Глава 16

Ночной бой страшен своей непредсказуемостью. Преимущество у тех, кто в засаде или раньше обнаружил противника. Но этот бой переписал каноны ведения войны. Прозвучавший в лесу вскрик спустил натянутую в напряжении тетиву, став приказом к действию... Яростный бросок навстречу друг другу и: «Кто говорит, что на войне не страшно, Тот ничего не знает о войне¹²»... столкновение. Образы, тени, мелькали в отблеске слабо освещавшего поле боя костра. С разных сторон слышалось скрежетание металла о металл, всхлипы и... рычание. Перед лицом опасности Человек становится зверем. В нём просыпаются инстинкты, о которых матушка природа позаботилась, упрятав их в глубину сознания. Но когда стоит выбор: умереть или жить, убив, то спрятанные инстинкты вырываются наружу и человек с остервенением начинает хвататься за жизнь. На войне нет правил, нет канонов, есть только одна цель – победить.

Рывок... и от противника отделяет пара шагов. Поднимающаяся с оружием рука неприятеля наводится на Валентина, но он успевает ударом клинка отвести длинный мушкет в сторону. Выстрела не последовало. Не дожидаясь, Ва-

¹² Строчка из стихотворения «Я столько раз видела рукопашный...» русской поэтессы Юлии Друниной, написанные в 1943 году.

лентин, с молниеносной быстротой, контратаковал, целясь в шею. Клинок лязгнул металлом о металл.

«Нагрудная пластина», – промелькнуло в голове. Выпад, выпад, удар, ещё удар и тело противника заваливается вперёд. На периферии зрения возникает силуэт. Разворот, удар наотмашь. Клинок со свистом рассекает воздух. Костлявые пальцы сжимают горло. Оба падают. Тошнотворный запах немытого тела ударяет по органам обоняния. В немом крике открывается рот. Не хватает воздуха. Цепкие пальцы удерживают горло, давя, сжимая... ещё чуть-чуть, и сознание откажется бороться, погрузившись в небытие. Гулкий удар и темнота накрывает...

– Командир, живой?!

Сил нет ответить. До судорог болит шея. С трудом отвечаю: «Живой», но вместо знакомого голоса слышу только хрип.

– Не бойсь, пару минут и оклемаешься.

Оглядываюсь, вокруг телá. Я лежу возле невероятно воняющего трупа. В отблеске костра замечаю тёмное пятно на голове. Вокруг суета. Кто-то стонет, кто-то, с остервенением, продолжает бить чем-то зажатым в руке по распластавшемуся на земле ставшему бесформенным трупу.

Поднимаюсь на шатающихся ногах, останавливаю, вставшего в боевое безумие гвардейца: «Хватит, он мёртв. Проверь, кто уцелел», а сам снова сажусь на землю.

Вот тебе и подготовка гвардейцев. Чему нас учили, к че-

му готовили? А столкнулись в реальном бою с противником, чуть все и не погибли. И не из-за того, что не хватает физической подготовки, не из-за того, что плохо умеем обращаться с оружием, а тогда из-за чего? Нас было десять. Тел противников насчитали двенадцать, но трое из них видимо были или ранены, или слишком слабы, что достойного сопротивления не оказали. Силы были примерно равны, но мы чудом их одолели. Из гвардейцев стоять на ногах осталось четверо, один тяжело ранен, один легко и четверо больше никогда не увидят восхода.

Начинало светать.

«Надо возвращаться. Пусть задача не выполнена, но о том, что по тылам, группами, ходят противник, надо доложить», – размышлял, оглядывая поле боя.

– Командир, что с телами делать?

– Осмотреть на предмет ценного и прикопать. Мы не звери. Они солдаты и не хорошо оставлять их тела на поругание зверям.

Я не знал, что сказанное произведёт сильное впечатление на моих подчинённых. Они, как привыкли? Я живой и хорошо, а честь пусть блюдут офицеры, если им так хочется.

– Ещё, – продолжал давать указания, – соберите все вещи, что могут пригодиться, разделим в гарнизоне. Бумаги или обнаружите какие записки, дайте мне. Я их посмотрю.

Сбор трофеев затянулся до полудня. Солнце давно перевалило зенит, а мы до сих пор оставались на месте, залечи-

вая раны. Успели перекусить. К счастью, Занар оказался в числе легкораненых и приготовил знатный обед из того, что нашли в вещах поверженных противников. Ели молча, каждый размышлял о своём, а я не мог отделаться от мысли, что нам повезло. Очень сильно повезло, что услышали вскрик погибшего храброй смертью гвардейца. Я даже имени его не запомнил, но его смерть дала нам шанс выжить. Если бы не он, то ночной бой мог оказаться не битвой равных, а избиением. Стоило им только ещё двоих, троих незаметно лишить жизни и нас бы ничего не спасло.

– Не простые солдаты нам попались, – вдруг озвучил мои мысли один из братьев. Вот чего-чего, но от Вентра я не ожидал услышать логичных рассуждений, – слишком добротная у них одежда и не такая, как для боя в строю. Голенище сапога низкое, не такое как видел. Кафтан или сюртук, как они называют свою одёжу, я не знаю, но подол отсутствует, словно отрезан, ходить не мешает. Заметили, что на груди у каждого какая-то пластина из воронёного металла? На солнце не бликанёт, и шею защитит от удара. Куда при стрельбе в первую очередь учат целиться? Как раз на уровень головы. Если расстояние большое, то пуля как раз в грудь и попадёт.

– Может это кто-то из тех, кто напал на наш отряд? – предположил Занар.

– Возможно. Но что они так далеко делают от своего лагеря. Жаль, что никого в живых не удалось захватить.

– Не до этого было, командир. Когда будем возвращаться

назад? Не хочется вновь ночью ходить по лесу.

Предложение Занара выглядело разумным, но задача не выполнена. Думаю, никто не осудит за невыполнение приказа, но возвращаться с пустыми руками не хотелось. Тем более, немного отдохнули, набрались сил.

Валео медленно перебирал сданные ему найденные листочки. Среди всех только он умел читать, а с учётом того, что знания местных языков усвоились при обучении от инопланетного устройства, то ему не составляло труда читать написанное на любом языке. Но ничего стоящего в записках не обнаружилось только неотправленные письма домой, какие-то записи, вроде долговых расписок и всё.

– Нет. Назад не пойдём. Оставим здесь двоих с ранеными, а сами в посёлок. Сколько говоришь до него? Часа четыре идти? Как раз к утру вернёмся назад, а там и обратно, в Прочноокск. Со мной пойдут Сентр и Вентр. Приготовьте волокуши и если до следующего рассвета не вернёмся, возвращайтесь той же дорогой, как шли сюда. Если опоздаем, то постараемся догнать.

Приказ бойцы восприняли неоднозначно. Оставшийся вместе с тяжело раненым Занар наотрез отказывался подчиняться. Пришлось на него наорать, пригрозив наказанием. Трибунала в этом мире не было. В основном обходились телесными наказаниями – битьё шомполом от мушкетов. Страшная вещь, скажу. Пришлось раз видеть такое наказание. Офицер зачитывал провинность, за которую после-

дует наказание. Солдата раздевали по пояс и укладывали на широкую доску. Самое удивительное, что в роли исполнителя «приговора» выступал, не солдат, а офицер из другого взвода. Сам шомпол вымачивался в каком-то растворе, предполагаю с повышенным содержанием соли, для нанесения более неприятных ран. Хотя, о каких «приятных» или «неприятных» ощущениях можно говорить, если по обнажённой спине, со всей силой, бьют тонким металлическим прутом. Наказание походило на порку розгами, но отличалось своей жестокостью. Сторожили говорили, что был один, кто выдержал двадцать три удара, но обычно теряли сознание на пятом. Я знал, что в гвардии такое наказание не практиковалось и угрозы мои о телесном наказании воспримут не в серьёз, но другого аргумента не нашёл.

Идти по размытой от сильных дождей дороге оказалось трудно. Временами выглядело, что идём где-нибудь в средней полосе России. Такая же грязь, отсутствие внешних признаков цивилизации. Только электрические столбы не попадались на глаза, а так, всё одинаково: непролазная грязь, леса и местами плохо ухоженные поля. Думал, куда я забрёл, куда закинула судьбушка?! И самое главное, куда делся этот инопланетянин, как там его... Мегис, вроде. Неужели с такой мощью, продвинутой технологией ничего не смог противопоставить пиратам. Подсознание вопило, что произошла трагедия и обо мне забыли, или некому больше сообщить, что такой вот Валентин, уроженец планеты Земля, за-

терялся где-то в необъятных просторах Космоса. Но не с нашим уровнем развития судить о других цивилизациях. Только представьте, что было, если б не Колумб приплыл в Америку, а местные аборигены добрались до Европы. Тогда б история пошла по другому вектору. И отговорки, что в Европе больше народа, протяжённый континент, блекнет с тем фактом, что, только подумайте... Цивилизация достигла такого уровня, что смогла пересечь океан и, чем бы мы их встретили? Подношениями? Замечу: до технической революции, паровых двигателей, строительства железной дороги, создания бездымного пороха оставались сотни лет. Взять Космос, Вселенную. Мы, пока никуда не лезем – никому не нужны. Страшилки по поводу природных ресурсов – ерунда! Просто вспомните шкалу Кардышева – цивилизация Земли на ней не достигла и первого уровня. А Цивилизации, достигшей второго уровня, всякие каменный уголь, нефть, кислород, атомная энергия, не нужны. Неизвестно, на каких принципах у них строится энергопотребление, но мы пока лучше двигателя внутреннего сгорания и электричества ничего не придумали...

– Командир Валео, о чём задумались? – из витания в облаках вывел голос одного из братьев.

– Да, так. Свои мысли. Прочитанную книгу вспомнил, – не подумав, взболтнул, но отступать уже было некуда.

– Книгу? У вас в селе были книги?! – к разговору присоединился Вентр.

– Ну, – искал оправдание неосторожно сказанному слову. Всё-таки надо думать, прежде что-то говоришь. Как-то рассказывал друг, что одного из нелегальных агентов раскрыли именно потому, что он в одном из разговоров упомянул, что читал книгу, никогда не издаваемую в Западном полушарии и завертелось... – к нам приезжал помощник хозяина и рассказывал, как ему сам энц рассказывал о приключениях человека на необитаемом острове, вот я и запомнил.

– Ого? И как? Остался жить тот, кто на необитаемом острове оказался?

– Брат, а как ты думаешь, кто написал книгу? – ответил Сентр.

Разубеждать братьев не стал. Тем более, незаметно, но мы подошли к опушке леса, с которой открывался вид на расположенный невдалеке посёлок. Для меня было непривычно, что селения располагались практически у кромки леса, но потом понял, что именно так и возводят поселения, отвоёвывая метр за метром у матушки природы необходимое для жизни пространство. Строят дома, расчищают под поля когда-то занятые лесом территории. Странно, но это село, как впрочем, и Прочноокс, не располагался на берегу реки, хотя передвигаться по водной глади, используя те же лодки, намного удобнее, чем месить непролазную грязь.

– Подождём вечера или сразу пойдём? – спросил неугомонный Вентр.

– Сначала посмотримся. Дождёмся вечера. Может, кто воз-

вращаться один будет. Его и расспросим.

– Что ждать? Чай на своей земле?! Пустая деревня. Войск нет. Точно говорю. Просто посмотрите, что только в избах дым из трубы идёт. Открытых костров не видно. Столько народу не разместить по избам.

Логика в произнесённом Центром имелась, но существовал один недостаток: наш гарнизон в полном составе также разместился в Прочнооксе. Понятно, что всем места под крышей не хватило, но еду готовили только в избах. Тем более, агрессору на местное население было наплевать. Они могли их всех отправить в мир иной, а сами расположиться в относительном комфорте. Но с другой стороны, где брать продовольствие?

– Здесь река рядом есть? – спросил, размышляя. Так как карты не было, а залитые знания по географии, явно хромали.

– Так не сезон, – буркнул Вентр, – рыбалка сейчас никакая, проще в лес идти, или тем, что за год уродилось кормиться.

– Я не про это, если здесь стоят враги, то им нужно снабжение и лучше чем река не придумать.

– Поблизости нет, но если в ту сторону идти, река делает крутой крюк и на излучине стоит посёлок Онтискин. У нас в полку как раз местные служат. Они мне и рассказали.

– Далеко до него?

– По таким дорогам это день пути, – недовольно произнёс

Вентр, видимо понимая, что я задумал. Провиант на сутки у нас собой. Когда дойдём, то в деревне пополним запасы, а идти надо. Не привык я возвращаться, не выполнив приказ.

Убеждать, грозить не пришлось. Не зря взял с собой братьев. Они были благодарны, что не просто рекомендовал их принять в гвардию, а ещё помог, чем смог. Наделённый, хоть и маленькими, но полномочиями, я, скажем так, подкорректировал результаты их стрельбы. Оба стреляли на средних и дальних дистанциях откровенно плохо. Я видел в этом одну причину – слишком молоды, неопытны. Да и о какой индивидуальной подготовке может идти речь в плотном строю. Вот и братья толком не научились стрелять, хотя, как рассказывали, охотниками были отменными. Но если это именно так, не отпустила бы их община на службу, как бы они не рвались. Рабочие руки, опытные охотники, работяги, умеющие и топором орудовать, и лопатой, ценятся выше всего. Когда ехали на сборный пункт, так за одним из новобранцев прибыла целая делегация с выкупом. Не знаю, по какой причине сразу не отыскалась нужная сумма, но факт известен мне не понаслышке. Сам видел, как вручали Михрону законный отступной...

Шли долго. Часто делали привал. Надеялся, что вот-вот встретится кто из местных. Разузнаем у них, что творится в округе, и вернёмся назад, но нет. Как назло – никого!!! В осеннюю распутицу дороги стали непроходимы. Ни одной телеги, ни одного путника нам по дороге не встретилось.

Я уже жалел, что решился на опрометчивый поступок идти дальше к излучине реки, но не поворачивать назад, когда пройдена бóльшая часть пути. Братья иногда ворчали и я их понимал.

«Трудно будет нашим возвращаться назад с ранеными, но справятся», – рассудил я.

Группа, которую встретили в чаще леса, скорее всего, была одна и вероятно возвращалась назад с задания. Слишком стойкий запах немытого тела ощущался. Не менее пяти дней кружили по лесам, может, заблудились. И не мудрено, без карт много не навоюешь, а как успел заметить, самая плохенькая карта ценится очень высоко. Из-за этого я и перебирал записки недоделанных диверсантов-разведчиков, думал, хоть плохенькую схему-карту раздобуду.

Бредя по непролазной грязи, после каких-то пяти-шести пройденных километров падая от усталости, в голову лезли всякие мысли: «Странно всё-таки в этом мире. Вроде и похоже на наше средневековье, времена так семнадцатого-восемнадцатого века, но и есть существенное отличие: религии как таковой нет. Хочешь, верь в Великий Восход, хочешь, в Морской Прилив, но единая религия для народных масс отсутствует. Возникал вопрос, сколько этому миру лет? Сколько развивается Цивилизация, если отсутствовал тормоз, как религиозные фанатики и заблуждения, сдерживающие технический прогресс. Но копаясь в знаниях, не находил ответа на эти вопросы».

– Недалеко осталось. К вечеру дойдём.

– Такими темпами и к вечеру не дойдём, – возразил, счищая грязь с сапога.

– Провианта мало осталось, – недовольно пробурчал Вентр.

– Тогда дойдём. Делать нечего, – попытался подбодрить, но братья пропустили мою попытку мимо ушей.

В лесу раздалось лошадиное ржание, и едва различимые крики людей.

– Кто это в такую погоду на лошади пытается проехать?!

– На лошади может и проедет, но на телеге, точно не сможет – завязнет. Командир, пойдём, посмотрим?

– Посмотрим, только осторожно, чтобы нас не заметили. Не нравится мне это. Сам говорил, телега не пройдёт в такую погоду, а верхом на лошади разъезжают только караулы, да редкие путники, которых за всё время нам не встретилось. Так что разделимся, я пойду слева от дороги, вы справа. Без команды не показываться. Выступаем!

Глава 17

В покоях Императора темно. Сквозь плотно зашторенные окна едва пробивался солнечный свет, но Странис Первый отвык от яркого освещения и дневной свет доставлял ему неудобства. И придворным приходилось терпеть тусклое искусственное освещение.

– Так, так. Посмотрим. Как вы себя чувствуете?

– Лучше. Только голоден постоянно, – отвечал Император Странис Первый, – где Джессин?

– Джессин Бонса скончался. Годы взяли своё. Я – Ингар Симиони, по решению Совета ваш новый лекарь... Ну, что ж. Очень хорошо, – заканчивая осмотр, удовлетворённо кивнул Ингар, – дело идёт на поправку. Думаю, через пару дней можно постепенно вставать.

– Вызови советников. Что с сенарами? Кто занимался делами, пока я был болен? Пусть придёт и доложит, что творится в Империи?!

– Ваше Величество, моё дело – врачевание, а политикой занимаются другие. Мой совет, подождать пару дней, а потом...

– Потом?! – Странис вскочил с кровати, едва не упав. Недели, проведённые в постели, не прошли даром. Мышцы ослабли, голова от резкого подъёма закружилась, и он чуть

вновь не повалился на кровать, но крепкие руки слуги поддерживали венценосную особу. – Манэс. Где Манэс?

– Я здесь, Ваше Величество.

– Позови советников. Я хочу знать, что за время моей болезни произошло в Империи! – с каждым словом голос Императора креп, возвращая нотки, присущие властвующей особе. Странис опустился на стул, вытирая пот со лба. Физических сил не хватало, но разум, после продолжительного забытья, прояснялся.

– Думаю, Император прав, – произнёс, наблюдавший действие со стороны Ингар. Он торжествовал. Прогноз о времени начала ремиссии оказался верным. – Манэс, пригласи главного советника.

– Слушаюсь, – с поклоном ответил Манэс и удалился. Ждать пришлось недолго. Буквально через пару минут дверь распахнулась и внутрь вошла эну Доанна.

– Мой Император! Вам лучше! – торжествуя произнесла та, которую Странис не ожидал увидеть в числе первых.

– Супруга, какими судьбами? Я вызывал энца Шонса, главного Советника.

– Любезный супруг, ваша болезнь отразилась на всех нас. Многие не пережили тягот мучений вызванных беспокойством за ваше здоровье среди них и энц Шонса. Он скончался от перенапряжения, прямо за рабочим столом. Организм не выдержал тревоги за дела Империи, не правда ли, уважаемый Ингар Симиони?

– Вы правы, эну Доанна. Я осматривал энца Шонса. Его сердце остановилось в полночь три дня назад. Он неделю не покидал рабочий кабинет, всё работал, не отдыхая.

– Кто избран на его место? Кто занимался делами Империи вместо него?

– Он, точнее она перед вами, мой Император, – широко улыбаясь, ответила эну Доанна, усаживаясь рядом с Императором. – Советники, видя моё рвение в делах Империи, ввели меня в состав постоянного Совета и поручили выполнять функции главного распорядителя... – видя замешательство в глазах Императора, эну Доанна резко бросила, – оставьте нас!

Перечить венценосной супруги не стали и слуги с лекарем удалились, закрыв за собой дверь.

– Супруг, не смотри на меня так. Я делаю это только ради Империи. Знаешь, сколько завистников и желающих навредить короне появилось во время твоей неожиданной болезни? Знаешь, сколько сил мне стоило удержать равновесие и не дать врагам Империи совершить непоправимое? Империя не может существовать без Императора и я, как твоя законная жена, взяла на себя обязанности... – Доанна хотела произнести «обязанности Императора», но вовремя опомнилась, понимая, что ещё рано. Необходимо доказать перед супругом, что верна ему и Империи, – взяла на себя обязанность, служить Империи. Мой долг, любимый супруг, быть рядом с тобой. Помогать исполнять долг перед подданными

и, видя, что творится во время твоей временной болезни, не смогла спокойно смотреть, как рушатся вековые устои.

«Как красиво получилось. Как смотрит на меня, не в силах что-либо сказать», – в душе ликовала эну Доанна. Ингар предупредил, что со дня на день Императору станет лучше, и она долго готовилась к этой встрече, проговаривая каждое слово, оттачивая каждую интонацию, чтобы убедить Императора в своей преданности не только ему, но и Империи. Зная характер супруга, она понимала, что именно последнее – чувство долга перед подданными Империи, окажет большее воздействие на Страниса Первого, чем клятвы любви и преданности. Она понимала, что не столько лестью достигнет расположения супруга, а именно тем, что докажет свою преданность Империи.

– Супруга...

«О, он сказал: «супруга»! Надо же! Столько лет он не вспоминал, что я мать его детей!».

– ...я рад, что не осталась в стороне и взвалила на себя бремя власти...

«Бремя власти! Ха! Казнить, нельзя помиловать, ещё б сказал. Где только запятую поставить?!».

– ...что с сенарами, что на фронтах? Где сейчас враг, мы всё отступаем?

– Мой Император, о военных делах тебе лучше расскажут генералы... – эну Доанна едва удержалась, чтобы не поморщиться. Единственная сфера, где ей не удалось завоевать ав-

торитет – это армия. Её не воспринимали всерьёз, а когда она попыталась присутствовать на одном из военных советов, вежливо выставили за дверь, сославшись на архисекретное обсуждение. И что было для неё самым неприятным – она не могла ни сместить, ни поставить на ключевые посты своих, верных ей людей. Полномочиями назначать генералов обладал только Император, и было всё равно, может ли он исполнять свои обязанности или нет. Но в других сферах: международных сношений, внутренних дел, ей удалось утвердить своих людей. Самое приятное для неё, что смогла поставить, пожалуй, на самый ключевой пост – советника по экономическим вопросам, преданного ей человека.

– Пригласи генерала энц Вансиса. Мне необходимо с ним поговорить.

– Нет! – встав с места, резко ответила эну Доанна. – Сначала обед, дела потом!

Она стукнула три раза в ладоши и в покои вошли слуги с подносами. Не дожидаясь дополнительного приказа, они принялись сервировать стол на одну персону.

– Присаживайся, давай помогу...

Эну Доанна выставила за дверь слуг и сама прислуживала, помогая ослабленному болезнью Императору. Странис Первый ел молча.

«Сколько я был в забытье, – думал Император, медленно глотая горячую пищу, – что моя супруга так сильно изменилась? Или я брежу? Хотя, нет. Бульон обжигает, я чувствую

боль, а значит – не сплю или брежу. Но такие разительные перемены, она ж только и умела, что строить козни, интриговать, оставаясь в стороне, пожиная плоды склок и дрызг в дворянских семьях. А дети, эну Линесса, что с ними?!», – вдруг вспомнил о близких людях Император. Он поднял голову и обратился к сидящей рядом супруге:

– Что с дочерьми, как они?

– С ними всё хорошо. Я рада, что не забыл про них. Старшая сейчас занимается языками, младшие – рисуют. Хочешь, они сегодня перед сном придут к тебе пожелать спокойной ночи?

– Нет, не сегодня. Я плохо выгляжу. Не хочу их расстраивать.

«Ещё как плохо выглядишь. Видел бы ты себя со стороны! Меня от тебя ворóтит. А воняет то как!».

– Как племянница?

– Эну Линесса во дворце. Готовится к знакомству с вероятным мужем. Знаешь, она, оказывается, хорошо вышивает, а сколько читает?! Мне пришлось заказать из библиотеки, ну, которая в загородной резиденции, кучу книг, чтобы немного отвлечь от предстоящей встречи с супругом.

– Супругом?

– Ну, да. Она после совершеннолетия изъявила желание выйти замуж и выбрала какого-то малоизвестного короля. Но наступившая зима мешает послам отправиться с ответным визитом. Знаешь, в наше время верить портретам –

непозволительная роскошь. Сколько раз видела выполненные искусными мастерами портреты, а когда встречалась на приёме, так не узнавала. Прямо, как в тот раз, помнишь, когда не узнала посла Залепундии и отправила его менять фужеры, – Доанна тихо засмеялась, обнажая красивые, ровные зубы. Пожалуй, это было её единственное достоинство, и она не пренебрегала демонстрировать его окружающим. В большинстве своём женщины её возраста после неоднократных родов теряли зубы, становились щербатыми, но данное обстоятельство обошло стороной супругу Императора, и она этим очень гордилась.

– Вот молодец, теперь лежи, отдохни.

– Пригласи энца Вансиса, – ответил Император, но в его голосе не прозвучали те властные, сводящие судорогой нотки, заставляющие или цепенеть, или без оглядки бросаться исполнять приказ.

Император был слаб физически, а кардинальные изменения в поведении жены поставили в тупик. В его голове боролись две мысли: его обманывают, скрывая что-то очень серьёзное, случившееся за время его болезни или... Мир перевернулся. Не желавшая безропотно нести бремя власти, блюдя Закон, супруга вдруг изменилась, выказывая рвение в государственных делах. Странис Первый прислушивался к своим ощущениям. Голова болела, но по телу растекалось приятное тепло, придавая сил: «Ничего. Разберёмся! Сначала поговорю с генералами, что там, на фронтах. Потом с со-

ветниками. Узнаю, что их подвигло ввести в Совет женщину. Не помню за ними такого рвения к смене вековых устоев. Никогда! От начала Империи среди Советников не было женщины! Хотя, времена другие. Правильно говорил отец: «Всё в Мире меняется и для того, чтобы не оказаться позади телеги, надо бежать впереди неё».

– Хорошо, мой Император. Я приглашу энца Вансиса, но после того, как разрешит главный лекарь. Здоровье Императора превыше всего. Ингар, войдите!

– К вашим услугам, – ответил вошедший Ингар Симиони, намеренно не указывая, чей приказ он готов исполнить.

– Уважаемый Ингар, ответьте, состояние здоровья Императора позволяет принимать посетителей?

– Здоровье Императора в неопасности. Но первое время я рекомендую ограничиться приёмом одного посетителя в день. Через пару недель, Ваше Величество, восстановит силы и вернётся к привычному для него распорядку.

– Решено! Тогда так и поступим! – не дав Императору ответить, заговорила эну Доанна, – через месяц организуем большой приём. Обязательно пригласим дипломатов, представителей знатных семей. Хорошо бы приурочить это мероприятие с победным событием на фронте, но... Ваше Величество, думаю, вы сами определите официальный повод. А я, с вашего позволения, займусь организацией приёма. Всё должно выглядеть так, словно... не было болезни.

– Совершенно согласен с вами, эну Доанна, – поддержал

Ингар.

– Тогда, мой Император, сегодня отдохайте. Делами займётесь завтра. Тем более, необходимо известить энца Вансиса о высочайшем повелении, предстать перед Императором.

В покои вошли слуги с кувшинами тёплой воды и чистым бельём.

– Мой Император, не буду вам мешать, – гордо произнесла эну Доанна и вышла, не закрыв за собой дверь. Убедившись, что Император занят умыванием, покинул покои и Ингар. Его ждали.

– Всё прошло лучше, чем я думала. Он всё время будет таким заторможенным?

– Вводить в более сильное состояние прострации, считаю нецелесообразным, – отрезал Ингар.

– Думаю, да. Лучше, чтобы придворные видели благоверного супруга в здравом уме, чем шептались на каждом углу, что Император сошёл с ума. Сколько у меня времени?

– Не много эну Доанна. Не больше двух-трёх месяцев, но это предельный срок. Скорее всего, недель пять, может восемь. Потом резкое ухудшение.

– Мне хватит и пары недель. Главное не допускать к Императору тех, кто против меня. Но этих людей немного.

– Я позабочусь об этом.

– Не утруждайте себя, уважаемый Ингар, я уже позаботилась. Заметили, что стража возле покоев Императора другая? Не заметили, хотя, да. Вы не осведомлены о геральди-

ческих особенностях Империи. У стражника на кирасе куст шиповника окаймлён не белым кантом, а жёлтым. Этот символ указывает на принадлежность к царственной особе, но не к Императору. Да, вы правильно поняли. Мне, как главному распорядителю Совета, позволено содержать небольшой контингент стражи. Но об этом поговорим позже. Жду тебя сегодня вечером в своих покоях. Необходимо обсудить особенности приёма микстур на ночь, – с озорными нотками в голосе добавила эню Доанна и удалилась. Смотря ей в след, Ингар произнёс:

– Смерть, а не женщина!..

Императорский дворец бурлил от долгожданного известия: «Император пришёл в себя!», – шептались одни. «Император вставал с кровати и сидя за столом, изволил отобедать», – шептались другие.

Слухи о невероятном исцелении Императора быстро распространялись по дворцу и, выйдя за пределы Столицы, обрастали невероятными подробностями. Поговаривали, Император специально инсценировал свою болезнь, чтобы обдумать план предстоящей летней кампании, и мало кто обращал внимание, что до её начала долгие месяцы зимы.

Что Императору стало лучше Линесса узнала одной из последних. После разговора с эню Доанной она перестала покидать свои апартаменты, забросила прогулки и погрузилась в любимое зимнее занятие – чтение книг. По повелению супруги Императора ей из библиотеки загородной резиденции

доставляли древние фолианты и современные книги с рассказами о быте заморских стран. Вспоминая завтрак с энус Доанной, Линесса понимала, что её готовят к замужеству и противиться не стала. Она стремилась прожить последние месяцы в столице, не думая о предстоящем отъезде, и по ночам, оставаясь в одиночестве, уговаривала себя: «Король Мирос не так и стар. На портрете выглядит красавцем, а его труд по истории королевства, прям история любви». Но известие о выздоровлении дядюшки вновь разожгло затухающую искорку безрассудства и она с упрямым постоянством, появлялась возле комнат Императора, ловя на себе косые взгляды придворных.

Два дня, делая вид, что прогуливается по дворцу, энус Линесса появлялась возле покоев Императора, но возле дверей постоянно толпились люди, добиваясь приёма ещё не до конца окрепшего после болезни Императора. Отчаявшись, она предприняла попытку прорваться внутрь и броситься дядюшке в ноги с просьбой не отправлять из страны, а дать возможность выбрать самой спутника жизни, но её безрассудную попытку пресекла бдительная стража. Только в этот момент она обратила внимание, что на входе стоят не гвардейцы Императора, а стража в схожем обмундировании, но жёлтый цвет – цвет принадлежности к императорской семье, ей бросился в глаза, и только энус Доанна могла его использовать в геральдических знаках. Тут энус Линесса всё поняла и разрыдалась. На неё, стоящую возле стены и тихо всхли-

пывающую, никто не обращал внимания. Слуги проходили мимо, а придворные бросали пренебрежительные взгляды, сокрушаясь о недостойном поведении молодой эну. Но Линессе было всё равно. Её не волновал этикет и то, что о ней подумают придворные. Пару дней назад ей передали письмо, что скоро в столицу прибудет представительство от короля Мироса и она, с большой долей уверенности осознавала, что её не оставят в покое, если не уедет вместе с ними...

– Что с вами, эну Линесса? – прозвучал незнакомый голос.

Линесса подняла опухшие от слёз глаза и не узнала стоявшего рядом дворянина. То, что перед ней дворянин, сомнений не было. Одет, как подобает энцу. Да и во дворец, тем более в крыло, где располагались покои Императора, посторонних не допускали.

– С кем имею честь беседовать?

– Возьмите, – незнакомец протянул платок, – вы скорее всего меня не помните, я – энц Роила Донса, – вычурно представился молодой человек.

– Очень приятно, – склонив в полупоклоне голову, ответила эну Линесса.

– Позвольте полюбопытствовать, почему такая красивая девушка не в духе?

– Это личное, – ответила эну, но поколебавшись, добавила. Она вспомнила этого молодого человека. Как ей рассказывали, именно он несколько месяцев назад вступился за её честь и бился на дуэли, а поблагодарить отважного кавалера

она так и не смогла, – кстати, благодарю, что исполнили долг чести, вступившись за...

– Полно-те, эну Линесса. Любой на моём месте поступил бы так же... – быстро ответил энц Роила, но тут же замолчал, понимая, что произнёс банальность. Хотя он и прибыл из провинции, но и до него доходили слухи, что эну Линесса впала в опалу. И он тут же сменил тему разговора. – Позвольте вас проводить.

– Проводите. И ответьте на один вопрос: что привело вас во дворец? Вам назначена аудиенция у Императора? Как он себя чувствует, вы его видели?.. – вопросы сыпались, как из рога изобилия. Эну Линесса осознала, что поступает так, как не подобает поступать незамужней эну, но удержаться не могла. Она спрашивала и спрашивала. Её интересовало абсолютно всё: от слухов о состоянии здоровья Императора, до того, какая погода стояла во время путешествия. И всё из-за того, что погрузившись в себя, она забросила прогулки и оставалась в своих покоях, только изредка выходя поинтересоваться, когда прибудет гонец с новыми книгами.

– Во дворец привело меня Высочайшее повеление Императора, точнее, не только меня, всех дворян старше двадцати пяти лет созвал Император. Скоро будет большой приём, на котором верным слугам Империи необходимо присутствовать. Не удивляйтесь, именно так звучало послание. Вот я и поспешил прибыть.

– Приём? – не выказывая удивления, ответила эну Линес-

са.

«Большой приём!!! – внутренне ликовала она, – это шанс встретиться с дядюшкой и может он позволит»...

– Я не слышала объявления, знаете, зачиталась. Погода не располагает к прогулкам, а по дворцу много не погуляешь.

– Понимаю, если не против, буду иметь честь прибыть на приём вместе с вами, – набравшись смелости, выпалил энц Роила. Кто бы мог подумать, что его грёзы осуществятся. Он встанет рядом с той, о которой мечтал долгое время и не мог забыть.

– Не против. Напомните, когда приём?

– Через неделю. Я приехал раньше, чтобы уладить кое-какие дела, а во дворец, как было велено в письме, прибыл за свидетельствовать своё почтение и доложиться о прибытии.

Глава 18

Неделя – это так много и одновременно так мало. За неделю можно провести маленькую победоносную войну, можно доехать до зимней резиденции, но для подготовки к выходу в свет этого недостаточно.

Эну Линесса металась в выборе наряда, приглашая лучших незанятых работой портних столицы. Примеряла комплекты украшений, стараясь подобрать гарнитур подобающий молодой и пока незамужней эну. Её цель – блистать на приёме, чтобы очарованный дядюшка сам пригласил племянницу к разговору. А уж когда наступит момент, она своего не упустит, со слезами на глазах бросится в ноги и уговорит не отдавать родную племянницу в мужья заморскому королю. Тем более, вовремя подвернулся этот энц Роила Донса. Чем не хорошая партия? Пусть из провинции, пусть не знатен, но урождённый энц и... как он смотрит на неё, каким завораживающе благоговейным взглядом.

В покои постучали. Эну Линесса оторвалась от размышлений:

– Зассина, кто там?

– Посланник от энца Роилы, – ответила служанка и тише добавила, – опять отправить, сославшись на плохое самочувствие?

«Если в очередной раз не отвечу на любезность, можно и лишиться благосклонности энца, да и узнать друг друга необходимо, чтобы на приёме не выглядеть, словно час назад познакомились», – подумала Линесса.

– Ответь, что через час ожидаю энца в зимнем саду.

– Хорошо, госпожа.

Заложенный ещё её отцом зимний сад манил и одновременно отталкивал своей красотой и правильностью форм. Когда был жив отец, она любила там играть, прятаться вместе с братьями и, укрывшись в потаённом уголке, рассказывать друг другу страшные истории. Но после смерти отца она перестала там бывать. Слишком много воспоминаний было связано с этим местом: это и первые тайные встречи, и первый поцелуй. Линесса рассудила: если место, где ей было так хорошо, где повстречала свою первую любовь примет её вновь, то это судьба. Она не отвергнет энца, а даст ему шанс завоевать её. Линесса много читала о любви, желала познать всепоглощающий жар, от которого сводит судорогой чресла, и становишься, словно домашняя собачонка, хвостиком бегающая за своим хозяином. И нет ничего лучше, чем быть рядом с тем, кого любишь и не важно, на какой ступени дворянкой лестницы он находится. Она не сомневалась, если она согласится выйти за энца Роилу, тот сделает всё от него зависящее для её счастья. Но что такое счастье? Сейчас для энца Линессы это остаться в родной стране, а что дальше? Дальше она не загадывала. Главное не дать себя увезти

в неведомую даль к ни кому неизвестному королю. На карте она с трудом отыскала крошечное государство – королевство Ингория, куда её прочат в королевы. Титул «королева» – это хорошо, не много наберётся особ с таким титулом, но не это её волнует. В первую очередь она хочет остаться у себя на родине. Изредка посещать могилу отца и братьев, гулять по необъятным просторам, говорить на родном языке. Вот чего она боится потерять...

– Рад снова увидеть вас, эну Линесса.

– И я рада. Что ж, давайте пройдемся. Здесь очень хороший воздух. Знаете, я ещё раз хотела поблагодарить вас...

– Не стоит, давайте забудем. Я вижу, что воспоминания причиняют вам неудобства. Позвольте лучше рассказать о себе. Думаю, мой рассказ вас немного развлечёт.

«Какой настырный и понял, что второй раз выказывать благодарность это, по крайней мере, излишне», – слушая рассказ энца, размышляла эну Линесса. Монолог Роилы она слушала в пол уха. Она прислушивалась к себе, обдумывала, как ей поступить. Прогонять, а тем более резко разрывать и не начавшиеся отношения она не планировала, но пока так и не понимала себя. Энци Роила молод, не чета королю Миросу. Видно, что образован, но манеры оставляют желать лучшего. Всё-таки рос не в столице, а тем более не при дворе и не знаком с дворцовым этикетом, но это и хорошо – значит, далёк от интриг и борьбы за место возле Императора, а что влюблён, она поняла почти сразу. Сколько раз Линесса ловила на

себе взгляды обожания, взгляды неприкрытого вожделения, но энц смотрел на неё по-иному. Он одновременно и стеснялся, и брал инициативу в свои руки и, невероятно, только кончиками ушей, краснел при ответной улыбке.

Робость энца забавляла её, но как напутствовала верная служанка: «Ох, госпожа, в тихом омуте черти водятся! Помните мои слова, он сейчас робкий и стеснительный, но когда придёт время, то удивитесь тому, какой он человек». И как понять её слова?..

– Что вы сказали? – задала вопрос энцу Линесса, поняв, что энц замолчал.

– Я рассказал, как мне казалось, забавную историю, но вы не рассмеялись. Наверно, чувство юмора у меня отсутствует.

– Вы не правы. Выказывать на людях проявление эмоций не всегда благоразумно. Пойдёмте, я покажу мою любимую беседку. В ней я обожала проводить всё свободное время... – на полуслове замолчала Линесса, но потом добавила, – когда был жив отец.

Идти было не далеко. Но при виде заросшей плющом беседки Линесса чуть не расплакалась. Как же давно она здесь не появлялась?!

– С вами всё хорошо?

– Да, но давайте лучше возвращаться. Холодно.

– Вы замёрзли? Пойдёмте, я приготовлю вам такой напиток, что от одного глотка вы согреетесь.

– Не стоит. Я лучше вернусь к себе, займусь пригото-

нием к назначенному приёму.

Расстались, не прощаясь. На душе Линессы боролись два чувства: энц Роила оказался добропорядочным человеком. В его поведении, словах она не заметила ни презрения, ни заискивания, ни того, что обычно проскальзывает в общении между людьми, стоящими на разных ступенях в дворянской иерархии. Но одновременно, как мужчина, он её не взволновал. Она не почувствовала того, о чём так много читала в книгах, слышала рассказы своих подруг и верной служанки. Да, как вариант замужества энц Роила лучше, чем король Мирос. Но она хочет другое, то что так и не испытала в свои неполные двадцать один год. Первая любовь не в счёт. С высоты прожитых лет она иронично смеялась над собой, вспоминая детские годы. Как бегала в ватаге мальчиков, как воровала с кухни помидоры и тайком училась на них целоваться. В один из дней набралась смелости и спряталась вместе с сыном одного из придворных в той самой беседке, и... они поцеловались. Линесса не понимала, почему ей мешается нос. Вроде, аккуратный, но он так и мешался, доставляя неудобство.

Когда исполнилось четырнадцать, к ней приставили пожилую женщину – гувернершу, и о вольном уединении пришлось забыть. Но что хорошо, она рассказала ей об особенностях женского организма...

– Эну Линесса, вы так быстро вернулись?!

– Да, Зассина.

– Как прошло?

– Не задавай глупых вопросов. Как может пройти первое свидание, считай с незнакомым мужчиной.

– Не знаю, госпожа, как у дворян, но у простолюдин оно проходит по-разному.

– Это как? Тебе же нет и двадцати полных лет, – удивилась Линесса, не понимая, почему покраснела верная служанка.

– У дворян свой порядок. У необременённых долгом служения, другой. Я же вам говорила. Ой! Не говорила. Но помните, этим летом я просилась на один день... побыть одной.

– Помню. Ты тот день сказалась больной.

– Не совсем. Простите, но я вас обманула. В тот день у меня была назначена встреча и...

– Договаривай и не ври больше! – прикрикнула эну, но в её взгляде промелькнула заинтересованность.

– Я познакомилась с работником на кухне. Такой видный парень – сын императорского садовника. Не знаю, почему пошёл не по стезе отца, но не об этом. Так вот именно в тот день он был свободен от обязанностей на кухне. И он...

– Как хоть его зовут?

– Гомсис. Так вот с ним я встречалась. И мы не только целовались...

– На первом свидании?!

– Да какое свидание? Это у дворян: первое свидание, второе свидание, третье... вы меньше книжек читайте. Ой!..

– Продолжай, я не сержусь, – расположилась в кресле Эну Линесса, ожидая продолжения истории. Она предполагала, что служанка от неё что-то скрывает и намеривалась заменить другой, но если это не слежка по указанию кого из дворян, то можно выслушать рассказ, тем более он предполагал быть интересным. Эну Линесса хотела в очередной раз услышать о том, о чём так много пишут в книгах из первых уст.

Эмоциональный рассказ служанки взбудоражил Линессу. У неё скоро совершеннолетие, а столько красочных и чудных мгновений жизни проходят мимо неё. Всего пару минут назад она сомневалась, выйти замуж за энца Роилу или нет. Пусть он и не сделал официального предложения, но Эну понимала, дав только один намёк, и энц Роила побежит за ней, преклонит колена в церемониальном обращении и сделает официальное предложение выйти за него. Пусть придётся покинуть столицу, пусть придётся забыть о придворной жизни, но это лучше, чем всю оставшуюся жизнь жалеть о неиспользованном шансе остаться дома. И пусть домом станет не императорский дворец, а поместье молодого дворянина, но это лучше чем чужая страна, чужие подданные, следящие сотнями тысяч пар глаз и жаждущие шанса указать венценосному супругу на его опрометчивый выбор.

Среди коронованных особ ходила легенда. Очень давно, что имена стёрлись из памяти, один овдовевший государь небольшого княжества по совету придворных вознамерился жениться, но вместо того, чтобы послушно согласиться с

предложенной кандидатурой, избрал себе в жёны чужестранку. Ни красота, ни открытое сердце, ни лучащаяся доброта избранницы Ольги не помогла завоевать сердца разворошённого осинового гнезда. Пречистая Ольга – чьё единственное имя сохранилось в веках, видя разлад в семье, козни придворных, не выдержала сотни косых взглядов и, взобравшись на самую высокую башню, молча, бросилась вниз. Что было дальше история умалчивает, но эну Линесса не хотела повторить участь Пречистой Ольги. Пусть времена изменились, браки между венценосными особами согласовываются до мельчайших деталей и сотню лет, как имя: «Олга» стало нарицательным беззаветной любви и преданности, но эну Линесса боялась, что покинув родной дом, она останется одна в чужой стране и обратной дороги не будет. Никогда раньше она не чувствовала себя так одиноко. Даже смерть братьев, отца не опустошило её. Может от того, что была слишком молода и не понимала происходящего, но в то время с ней рядом была её семья в единственном лице – это дядюшка, кто защищал, помогал советом и учил жизни, а сейчас впервые в жизни она чувствует себя одинокой и это так страшно...

Настал долгожданный день большого приёма. Ожидая прибытия энца Роила, Эну Линесса в нетерпении ходила по своим апартаментам. Появиться на приёме без сопровождения не позволял дворцовый этикет, но она готова была пренебречь правилами и прибыть на знаменательное событие

одна. Давно, считай с начала войны, не проводилось таких масштабных официальных приёмов. Со всех уголков необъятной Империи прибыли представители дворянских семей. Во дворце, государевы люди, сновали туда-сюда, сверкая эмблемами принадлежности к различным службам. Деловая суматоха и волнение передавалась и эну Линессе.

– Где же он? Приём начнётся через три часа, а его всё нет!

– Госпожа, не стоит так волноваться. Хотите, я приготовлю вам чаю, а то с утра ничего не ели.

– Не надо! Гости уже прибывают, занимаю лучшие места, а ему до меня и дела нет! Может зря согласилась пойти на приём вместе с ним. Хотя, другого варианта и не было, – грустно заключила эну Линесса, осторожно усаживаясь на краешек кресла. Её, по последней моде сшитое пышное платье, было неудобно, но красота требует жертв. Все силы и небольшие накопления она потратила на платье и аксессуары. Этот приём для неё последний шанс и упустить его эну Линесса не хотела, всеми силами стараясь произвести не только на энца Роилу благоприятное впечатление, но и на всех, кто соберётся в этот знаменательный день во дворце. А что день предстоит знаменательный, она не сомневалась. Стоит только прислушаться к разговору служанок, присмотреться к суете дворцового люда, да и необычайная помпезность в подготовке большого приёма однозначно указывало на величие предстоящего события.

В дверь постучали.

– Госпожа, прибыл энц Роила, – вычурно спокойно сообщила служанка.

– Пусть обождёт в гостиной, я скоро, – с облегчением выдохнула эну Линесса.

«Пришёл!» – в душе ликовала она, но выказывать своё нетерпение – плохой тон. Пусть учится терпению, и соответствовать нормам этикета. В письме, отосланном после их последней встречи, она однозначно дала понять энцу, что не против оказываемых знаков внимания и если позволит дядюшка... а тут она благоразумно опустила, давая энцу самому додумать, что может разрешить единственный кровный родственник незамужней молодой эну. И вот он пришёл за ней сопроводить на большой приём, где она будет блистать и покорит не одно мужское сердце, но с пренебрежением отвергнет ухаживания, сделав свой выбор в пользу неизвестного энца из провинции. Пусть кусают локти настырные ухажёры, когда она, стоя перед своим дядюшкой Императором, скромно скажет: «Да» на предложение энца Роилы и ни кто не помешает ей воплотить свой план в жизнь: ни тётушка, ни придворные, ни стеснительность молодого энца не станут преградой её выбора. Главное – заставить придворных говорить о прекрасной паре: эну Линесса и энц Роила, обратить на себя внимание Императора, а потом... потом она заставит перебороть стеснительность своего избранника и перед взором Императора произнести официальную просьбу-предложение руки и сердца...

«Пора», – мысленно произнесла эну Линесса и вышла к скромно ожидавшему её дворянину.

Зал для приёмов гудел от большого количества приглашённый. Казалось, в огромном помещении яблоку негде упасть, нет ни одного свободного метра пространства, где бы ни собирались в группы дворяне, тихо разговаривали, обсуждали насущные дела. А глашатай всё продолжал оповещать о прибытии гостей и официальных представителей дипломатических миссий. Среди множества лиц эну Линесса видела много офицеров, что и неудивительно – всё-таки надо не забывать, идёт война. Изредка к держащимся вместе эну Линессе и энцу Роиле подходили малоизвестные дворяне и уважительно кивали, одобряя выбор своего друга, но не этого ожидала Линесса. Она глазами искала эну Доанну, оправданно ожидая с её стороны неодобрения, а возможно и мелких козней. На приёме она не выступит против воли Императора, но в случае неудачи, давать ей возможность на ответный ход – это решительное крушение планов. Энца Роилу могут подговорить, перекупить, в конце концов, запугать. Ведь он так молод и несведущ в дворцовых интригах, а ещё эну Линессе могут припомнить обещание покориться воле, и тогда точно ни кто не спасёт её от бесславной ссылки и обещанной помолвки.

Объявленный большой приём должен был начаться час назад, но до сих пор продолжали прибывать знатные дворяне и ни Императора, ни венценосной супруги в зале не было

видно.

– Эну Линесса, что с вами? Вам не хорошо? – после того, как они отошли от группы дворян, спросил энц Роила,

– Всё хорошо... Я волнуюсь. Приём должен был уже начаться, но в зале до сих пор нет ни Императора, ни его супруги. Может Императору нездоровится?

– Успокойтесь, эну. Ваша забота о здоровье Императора всем известна, но поверьте, с ним всё хорошо. И, если не затруднит, представьте меня вашему спутнику.

Эну Линесса сначала отшатнулась от тревожно знакомого холодного голоса. Рядом, неслышно стоял подошедший Ингар Симиони собственной персоной. Она его не сразу узнала в парадном камзоле придворной лекарской службы, но быстро взяла себя в руки. Глаза придворного лекаря излучали холодный расчёт, и даже улыбка на лице не скрывала пронизывающий всё существо, исходящий от его взгляда холодок.

– Мой спутник – энц Роила Донса...

– Урождённый дворянин, – продолжил Ингар, пристально смотря в глаза энцу, – за службу на благо Империи отец получил наследуемый титул. Учился наукам в столице, но после памятного события и трагедии в семье, вынужден оставить обучение и вернуться в поместье. Примите соболезнования о смерти родителей и не вините местных лекарей, в той ситуации они сделали всё, что могли.

– Вы... откуда?.. – было заговорил Роила.

– Я личный лекарь Императора – Ингар Симиони и в мои

обязанности, в том числе, входит изучение случаев безвременной кончины членов дворянских семей. А по поводу отсутствия Императора с супругой, не беспокойтесь. Ожидают прибытия какой-то важной особы. Хотя, вот и Император, значит, скоро начнётся. Позвольте откланяться... – коротко кивнув, Ингар удалился, а по залу величественно звучал голос мажордома, возвещающий о появлении Императора с супругой.

Глава 19

– Командир, может всё-таки я? – в который раз пытался меня отговорить один из братьев, но я продолжал облачаться в непривычную форму. Надо отдать должное она оказалась впору, а скудное освещение заката скрадывало черты лица. Так что даже вблизи рассмотреть, кто стоит рядом можно только по силуэту. На это и был мой расчёт.

Как и предполагал, шум на дороге оказался разъездом врага в составе двух наездников. Одного, а затем и второго пришлось упокоить. Причём получилось без лишнего шума, но расспросить, как хотел, не получилось. Немного поколебавшись, я решился на безумный поступок: облачиться в форму поверженного врага и проехаться до селения, рассмотреть, что там и как, и вернуться назад. Наскоро придумал себе легенду, что я... а просто погулять вышел. Хотел сначала выдать себя за дозорного, но сразу возникло множество вопросов: «Где второй напарник? Почему отклонился от маршрута следования? В какую сторону ехать? Они возвращались или только вышли на маршрут, а ещё почему...». И это множество «почему?» в моей голове достигло критического уровня и пришлось действовать наобум. Я не сторонник спонтанных решений, но в этой ситуации рассудил здраво: в лицо меня не знают, форма хоть и грязная – повалить

противника пришлось, но без крови, ну, отстал от своих, что поделать, а на крайний случай притворюсь гонцом с донесением. Благо, что язык знаю и манерам разным обучен, спасибо ИНАУ.

– Отставить пререкания! – скомандовал, усаживаясь в седло. – Уберите следы борьбы. На лошади подальше вглубь леса отвезите трупы и там спрячьте. Потом выдвигайтесь обратно к поляне, откуда ушли. Ждёте там меня полдня, и если не вернусь, выдвигайтесь обратно в расположение.

– Командир...

– Исполнять!

Только потом узнал, почему не желали меня отпускать гвардейцы. Не дошло ещё воинское искусство до таких высот, чтобы применить глубокую разведку в тылу врага с переодеванием в форму противника. Но рано или поздно всё когда-нибудь случается впервые.

Ехал не торопясь. Держаться в седле для меня дело непривычное и очень долго приноравливался к ходу лошади. Если бы увидел кто из местных, когда я, испугавшись небольшой ямы, вместо того, чтобы пришпорить коня, спустился с лошади и с поводьями в руках перешёл преграду, умер бы со смеху. Только успел проехать метров триста, как меня окликнули.

– Стой! Назовись!

«Неужели наткнулся на сторожевой пост?» – мелькнуло в голове. Не успел придумать, что ответить, как из кустов

появился офицер.

– Кто таков, с какого подразделения?!

– Посыльный в штаб со срочным донесением, – выпалил первое пришедшее на ум, понимая всю несуразность ответа.

– Посыльный? – удивился офицер.

– У него лошадь хромает, господин лейтенант. Видимо весь день скакал, – помог вышедший следом солдат.

– Так точно, господин офицер, – быстро сориентировался в обстановке. Я-то думал, что кобыла не везёт, а прихрамывает и норовит остановиться. Наверно в пылу скоротечного боя не заметили, как у бедной лошадки соскочила подкова, а может это случилось и раньше. – Скакал с ночи и заплутал немного. Сбил с дороги, а когда...

– Понятно. Коня ему и проводите в деревню, – отдал приказ лейтенант и потерял ко мне интерес, и едва на уровне восприятия до меня донеслось, – ...наверно именно его ждёт генерал, столько дозоров во все стороны разослали...

На подъезде к посёлку меня с молчаливым сопровождающим ещё три раза останавливали. Сам бы точно не пробрался через выставленные секреты и дозоры. Уже стал сомневаться, а правильно поступил, ввязавшись в эту авантюру с переодеванием. Думал, осторожно проберусь на окраину, посмотрю, кто в селе, постараюсь найти местных жителей, расспросить, узнать, сколько расположилось солдат, а тут такое.

Перепаханное под зиму поле стояло покрытым солдатски-

ми палатками, кое-где виднелись офицерские шатры, но в большинстве своём неказистые, наскоро сделанные навесы, едва дающие укрытие от дождя. Понятно, что зима в здешних краях не столь сурова, но неужели военное командование планирует столь многочисленную армию оставить в этом захолустье на зимних квартирах. Ведь погрязшая в праздности военная машина начинает разлагаться, а ещё её надо кормить, поить, обмундировать по сезону, а боеприпасы, не говоря про пополнение, поддержание боевого духа и воинственного вида. Ни одну армию сгубил слабый дух и непонимание командования реалий обстановки. Вспомнить французов девятнадцатого века – сильнейшая армия мира, а сгинула на Смоленской дороге. Взять двадцатый век – Сталинград...

Я ехал, изредка бросая взгляд по сторонам. По мере приближения к границам посёлка картина менялась. Однотипные, ровно поставленные шатры. Видимость караульной службы, чистота, порядок. Кое-где горят костры, откуда ветер доносит приятный запах приготавливаемой пищи. И эта картина меня не радовала. Слишком много оказалось в Онтискине сохранивших боеспособность Сенарских войск. Просматривалась умелая рука командира, своей властью державших в узде столько народа. На первый взгляд эта силища сокрушит любого стоявшего на пути, но с другой, с такой же силой поглотит и сама себя.

– Всё, я дальше не поеду, – впервые за всё время произ-

нёс сопровождающий. – Вам туда, а я к своим вернусь. Тут рядом, – он указал в сторону единственной дороги. – Едите прямо, никуда не сворачивайте, а там встретят.

В ответ с благодарностью кивнул и, дождавшись ответного жеста, пришпорил коня.

Первый этап наскоро придуманного плана реализован. Я проник в самое логово противника. Теперь хорошо бы, не привлекая внимания, проехаться через село, посмотреть, как организована оборона за стенами, ну и судьба местных жителей меня интересовала. Ехал в указанном направлении, внимательно смотря по сторонам, но по пути встречались только конные патрули. Делая сосредоточенное выражение лица, изредка отвечал на воинское приветствие и незаметно для себя оказался на большой площади. Не останавливаясь, попытался пересечь открытое пространство, как меня окликнули...

Генерал Фок Генс нервно прохаживался по комнате. Больше недели из штаба командования не было никаких сведений, но главное отсутствовал какой-либо приказ, что делать дальше. Гонцы, посланные в штаб, так и не вернулись. Неизвестно, оставаться на зимних квартирах в захолустном посёлке или двигаться на соединение с основными силами. Последний вариант выглядел предпочтительнее: необходимо пополнить запасы, переобмундироваться, восстановить и без того надломленный боевой дух. Ему хватило ума не докладывать о непонятном бое возле Прочноокска, где впер-

вые его отборные части бежали с поля боя и если бы не его расторопность, то он – боевой генерал, отмеченный наградами, оказался бы в плену. Тогда бы точно позор ни чем не смыть, а сейчас есть шанс реабилитироваться. Последний полученный приказ гласил занять Санторию, но выполнить его сейчас он не в состоянии. Погода вносит свои коррективы. Тяжёлая конница, так браво сминающая строй противника, вязнет в осенней распутице. Ближайший населённый пункт занят неизвестно откуда появившимся боеспособным подразделением. Численность и состав отбивших Прочноокск войск установить не удаётся несколько дней, но это победы.

Во все стороны разосланы небольшие группы разведки, чтобы понять, с кем, с какими частями он так неловко вступил в бой и организовать контратаку, занять более подходящий для зимовки населённый пункт. Онтискин конечно занимает неплохое положение, но амбары пусты, а местные жители в большинстве своём разбежались. Именно здесь месяц назад он со своей ещё незнающей поражений армией квартировал непродолжительное время, за которое успел подчистую выбрать амбары, пополняя медленно, но тающие запасы.

Долгими вечерами он анализировал, искал виновных в неудачном сражении и находил случившееся злой шуткой рока. Устроенная им западня и последующая конная атака организована по всем правилам воинского искусства, и ко-

рить себя за неудачное сражение он перестал сразу, свалив вину на нерадивость подчинённых. Пришлось прибегнуть к непопулярным методам и наказать нерадивых офицеров и командиров, которые не оценили обстановку и поддались панике, услышав преступный приказ: «Отступать». Сколько способов казни он, мучаясь от бессонницы, придумал для горниста, а в особенности того, кто чуть не поймал его. Ещё б чуть-чуть... но этого «чуть-чуть» не случилось и у него есть шанс реабилитироваться не только в своих глазах, но и перед командованием, но для этого нужны сведения о противнике, о его численности и главное – координация действий с основными силами.

– Господин генерал, все собрались, – из раздумий вывел голос ординарца.

– Минуту, – ответил генерал, поправляя мундир. В соседней комнате собрались командиры служб и подразделений с ежедневным докладом.

– Так, приступим, – усаживаясь в единственное удобное найденное в зажиточном доме кресло, произнёс генерал. Практику ежедневного доклада он ввёл после неприятного случая, произошедшего на прошлой неделе. Один из офицеров напился и принялся гонять и без того измученных солдат бесполезной муштрой, вместо того, чтобы исполнять приказ и обустроить долговременный лагерь. Неизвестно, сколько им тут ещё находиться, но генерала возмутило невыполнение приказа, и теперь каждое утро он собирал офицерский

состав с докладом о выполнении распоряжений и уточнении приоритетов предстоящего дня.

Первым доложил командир интендантской службы, затем медик и так каждый по очереди отчитался о проделанной работе. Ничего нового генерал не услышал, проблемы, проблемы, которые с каждым днём только множились. Высланный за внешнее кольцо проштрафившийся полк совсем потерял боеспособность. Направленный туда для наведения порядка офицер только угрюмо молчал и кивал головой, соглашаясь о необходимости применения более жёстких мер к нарушителям дисциплины, но опытный взгляд генерала ловил, что никакие карательные меры не спасут перешедших черту, отделяющую регулярную армию от вооружённого сброда бандитов.

– Господин генерал, позвольте?

– Излагай, капитан. Есть предложение?

– Да, предлагаю расформировать второй полк, а личный состав распределить по оставшимся полкам так, чтобы они растворились в общей массе. Это позволит пополнить численность боеспособных частей и не даст разрастись анархии. Если и это не поможет, тогда...

– Хорошее предложение, – не дослушав, прервал генерал, – действуйте. Из шести неполноценных полков получим четыре, но полной численности, – и, обращаясь к ординарцу, добавил, – подготовьте приказ о проведении реорганизации. На сегодня всё. Начальнику штаба, командирам полков

остаться, остальные в расположение.

Когда основная масса офицеров покинула помещение, генерал заговорил:

– Как знаете, посыльные с донесением так и не вернулись. От разведывательных групп также ничего не слышно. Капитан, доложите оперативную обстановку.

– Господин генерал, – вставая с места, заговорил молодой офицер, – мы отрезаны от обозов, высланные группы фуражиров привозят слишком мало продовольствия, чтобы сделать запас на предстоящую зиму. И вы знаете моё мнение, оставаться здесь не разумно. Необходимо выступить на соединение с основными частями. Предполагаю, в ближайшее время дорогу на северо-запад перекроют, и тогда мы окажемся в окружении.

– Капитан, ваше мнение известно, но оставьте его при себе. У нас приказ занять юг Канторийской Империи. Имеющимися силами это сделать хоть и затруднительно, но возможно. Пойдёмте к карте. Смотрите. Впереди два отделяющих нас от цели населённых пункта – это Прочноокск и Монанск. Конечная цель – Сантория всего в недельном переходе. В Прочноокске Канторийские части, но если мы обойдём по дуге этот населённый пункт, то открывается прямая дорога к Сантории.

– Скрытно полками пройти такое расстояние, да ещё по размытой дороге... – произнёс молчавший до этого полковник Дансисс.

– Понимаю. Для этого я вас и собрал, чтобы обсудить предстоящую операцию.

Фок Генс говорил, предлагая сформировавшийся за дни раздумий план выхода из сложившейся ситуации. Первый шок от поражения прошёл. Ждать помощи от основных сил и, не выполнив приказ повернуть назад, генерал посчитал неприемлемым. Как он видел, оставался только один путь и этот путь вперёд, где солдат ждут тёплые квартиры, сытый и богатый нетронутый войной край.

– Один полк подойдёт к Прочноокску и развернёт бурную деятельность, имитируя концентрацию основных сил и подготовку к решающему сражению, – продолжал генерал, – в помощь придам по роте из каждого полка, чтобы не возникло сомнений, а то, видя, что среди подошедших войск отсутствует конница, тогда, по крайней мере, у меня, возникли бы сомнения в серьёзности намерений...

– Генерал, – после долгого монолога Фок Генса, задумчиво произнёс Дансисс, – план может сработать, но кого назначить командовать этим отвлекающим манёвром? Если противник увидит отсутствие командиров высшего звена, то также может насторожиться.

– Лично возглавлю отвлекающий сводный полк, а перед началом операции покину расположение и присоединюсь к основным силам. Думаю, два дня на подготовку...

– Господин генерал! – в помещение вошёл взволнованный ординарец, – прибыл гонец из штаба!..

Меня умело взяли в кольцо. Две появившиеся из укрытия конные тройки расположились так, что не сделать ни шаг вперёд, а тем более, назад. И как не заметил, что площадь хорошо охраняется?! В предрассветном утре умело выставленные сторожевые посты сливались с очертаниями зданий, что меня и ввело в заблуждение. Только остановившись, обратил внимание, ещё одна пара конных притаилась, ожидая, готовая перекрыть пути возможного прорыва.

– Кто таков?

– Гонец с донесением, заблудился.

– Слезай с коня, за мной! – скомандовал видимо старший.

Подчинился. Бежать бесполезно, а для себя подумал: «Приведут сейчас в штаб. Там сонный офицер. Доложу какую-нибудь ахинею, вроде обнаруженной уничтоженной группы и всё, поеду дальше».

Шли быстрым шагом. Миновали добротный, увешанный флагами дом, где как предполагал, располагался штаб. Хотел задать вопрос: «Куда идём?», но сдержался. Выказывание излишнего внимания до добра не доведёт. Исходя из малого опыта общения с сенарцами, понял, что они в основном неразговорчивы, может, конечно, это субъективное мнение, но другого случая проверить соответствие моим первичным выводам у меня пока не представилось. Вошли в соседний дом, поднялись на второй этаж.

– Кто? – встретил видимо дежурный офицер.

– Гонец с докладом, – ответил провожатый.

– Ожидайте!

«Хм. Хорошо, что не стал задавать глупых вопросов. Дом, принятый за штаб, оказывается и не штаб вовсе, а обманка. Не хватало погореть на таком простом способе распознавания пришлых. Не зря говорят, что разведчик попадает на мелочах. Взять хотя бы слова, которыми призывают к себе кошку. Понятно, что для меня, как жителя Земли и в частности России это: «кис-кис» и оно с детства привито с молоком матери. А произношение? Отъедете на каких-то сто километров от места, где живёте и услышите совсем другой говор, словесные обороты и местные выражения. Хорошо, что по поводу произношения я не волновался, все основные языки планеты мне были известны, по крайней мере, я их понимал. Оставалось только попрактиковаться некоторое время в произношении и не отличить от коренного жителя с почти идеальным говором.

Дверь распахнулась, и меня пригласили внутрь. От количества присутствующих офицеров я остолбенел и потерял дар речи...

Глава 20

– Что застыл столбом, давай пакет с донесением!

Услышанный приказ только сильнее сковал меня. В просторном помещении, возле стола расположились высшие офицеры Сенарской армии, но самое неприятное, среди них, склонившись над картой, стоял тот самый генерал, которого чуть не пленил возле Прочноокска. Ещё мгновение и наши бы взгляды встретились. Не знаю, узнал бы меня генерал, скорее всего, нет, но мысли носились с невероятной быстротой. Вариант: атаковать, убить всех присутствующих и тем самым обезглавить вражескую армию, но и героически погибнуть, отнёс сразу. Шагнуть назад, убежать и попробовать пробиться к лошади, тоже. Оставалось одно – налететь, так налететь.

– Господин генерал!!! – сделав шаг вперёд, заговорил хорошо поставленным командным голосом, – разрешите доложить!

– Докладывай, не тяни, – произнёс младший из офицеров, видимо ординарец.

– Прибыл от командующего с личным донесением. Пакет пришлось уничтожить, так как по пути встретились противники, еле ушёл. Плутал по лесу, повезло, что наткнулся на выставленный дозор...

– Оправдания оставь при себе, что в послании? – произнёс, оторвавшись от карты генерал.

– Помощи не будет! Командование предписывает действовать согласно ранее полученному приказу!

Я сознательно обходил упоминание имён, обозначения частей и ограничивался общими фразами, чтобы в мелочах не выдать себя и расчёт на категоричное известие оправдал ожидания.

– Чёрт возьми! – выругался кто-то из офицеров.

В помещении загомонили, но генерал тут же пресёк:

– Прекратить панику! Теперь сомнений нет, предложенный план единственно верное решение. Господа офицеры, приказываю держать в тайне, что услышали, – и обратился ко мне, – солдат, назовись!

– Капрал Вентори, господин генерал! – выкрикнул, вытянувшись в струнку. Принадлежность к воинскому подразделению сознательно упустил, надеясь, что в ситуации, когда мысли заняты полученным известием, офицеры не заметят небольшого нарушения Устава. К сожалению ИнАУ не дало мне знаний воинских специальностей, но проводя аналогию с армией Канторийской Империи, предположил, что представляться положено с полным наименованием части, но в том то и дело, что наименования, номера я не знал. Хорошо, что надетая на меня форма сильно потрёпана, грязная, с неразличимыми знаками различия. Это уж я постарался, готовясь к походу в тыл. В Сенарской армии, как впрочем, и

Канторийской, погоны использовались только для обозначения высших офицеров. Солдатский состав и младший сержантский отличался формой нарукавных нашивок. Но мне пришлось разорвать рукав, имитируя травму после падения, что было не лишено правды.

Управлять лошадью не такое и лёгкое дело, если ты с детства не скакал на лошади, то тебе ни один раз придётся упасть. В один из таких моментов, уже отдалившись от провожавших меня братьев, я неаккуратно свалился и понял, что нарукавная нашивка содержит не только эмблему, но и номер части. Пришлось оторвать часть рукава, перевязывая повреждённое при падении предплечье.

– Что на пути следования видел, где встретил канторийцев?

– Заплутал, господин генерал, – говорил сожалеющим тоном, словно извиняясь, – скакал всю ночь. Хотел быстрее добраться, но сбился с дороги. Пришлось плутать по лесу, шёл очень долго, пока в лесу не встретил небольшой отряд, думал, наши. Они скрывались в лесу. Вышел на едва заметный костёр, но там оказались только трупы и потом меня чуть не схватили. Во время отступления, пришлось уничтожить пакет с донесением, но оторвался...

– Где это произошло?

– В четверти дня на юго-восток, – сознательно упомянул место встречи и бой, произошедший в лесу. Ведь ложь, прикреплённая частью правды, не так бросается в глаза.

– Точнее! – кто-то из офицеров указал на карту.

– Не могу знать, господа офицеры. Картам не обучен, – нахмурился, делая вид, что задумался. Не хватало ещё показать знание воинского искусства. Как понятно, в эти времена и писали-то не все, а уж карту читать – это слишком для простого капрала.

– Оставь его. Капитан, зачисли капрала в своё подразделение. Назад отправлять не вижу смысла, а дополнительный клинок будет нелишним.

Вслед за ординарцев вышел из помещения. Вытер выступивший пот со лба, но получилось только размазать грязь и копоть. Ординарец поморщился:

– Что, впервые предстал перед генералом? – задал с подвохом вопрос ординарец. Если ответить, «впервые», то, как дослужился до капрала – высшего сержантского звания, служба явно при штабе и ни разу по службе не встретив генералов.

– Никак нет! Устал сильно, что ноги не держат. Помыться бы, да форму привести в порядок.

– Слышали. Всю ночь скакал. Посиди тут. Сейчас вызову кого, чтоб проводили. Они там ещё долго обсуждать будут, капитану не до тебя.

«Та-ак, – размышлял, оставшись в одиночестве, – генерал что-то планирует. Моё донесение для него не стало неожиданностью. Из той информации, что обладаю, приходит на ум единственное решение – это организовать решающую

атаку на занимаемые позиции и отбить богатый продовольствием населённый пункт, где можно в относительном комфорте перезимовать. Тем более, слишком сильная пощёчина получена в последнем бою. Генералу надо реабилитироваться перед командованием, вот и известие, что помощи не будет, на него не произвело никакого эффекта, словно ожидал такого решения. Но куда направит оставшиеся силы генерал? Что большая часть войск находится пока в боеспособном состоянии у меня сомнений не вызывает, но здесь ключевое слово «пока». Ещё месяц, может два и можно ставить крест на боеспособности армии. Медленно, но верно она превратится в неуправляемую шайку вооружённых бандитов. Генерал это понимает и планирует решающее сражение, но где? До Сантории далеко, остаётся Прочноокск. По местным меркам расстояние небольшое, всего несколько дней пути. Как бы предупредить наших? Хотя, всё, что хотел, узнал. Миссию можно сказать выполнил. Можно и делать ноги, пока не обнаружили подмену».

– Ты здесь? – задумавшись, не заметил, как из помещения вышли офицеры, а рядом со мной стоял тот самый капитан, в подчинение которого меня передали.

– Так точно! Приказали ждать.

– Ладно, пошли со мной. Сам провожу.

Надеялся, что пойдём молча, но ошибся. Как только вышли из здания, капитан принялся расспрашивать:

– Давно в строю? Возраст у тебя молодой, а уже капрал.

За какие заслуги чин получил?

– За доблесть. В рукопашной схватке мне нет равных!.. – бодро ответил, но тут же осёкся, а вдруг потребует рассказать подробности.

– Боец пешего строя, тогда почему на коне?

– Так после памятного боя определили быть при штабе посыльным. Дали коня, обучили немного. Отказываться от оказанной чести не стал. Говорили, что умение обращаться с конём с опытом придёт, но навыки ближнего боя пригодятся. Игодились, и не раз.

– Понятно. В охранной роте служил?

«Вот как ответить? Структуры, штатного расписания Сенарской армии я не знаю. Тем более, ранее говорил, что посыльным при штабе служил, а тут вопрос про охранную роту».

– Ладно. Пришли... Ленсис, ко мне!

– Здесь, господин капитан Устансис!

– Определи капрала в первый взвод посыльным по особым поручениям. Поставь на довольствие и... – уже обращаясь ко мне, добавил, – капрал, приведите себя в порядок, отдохни, а после заката ко мне. Предстоит большая работа.

– Слушаюсь! – козырнул, вытянувшись в струнку...

– Это ты откуда такой ретивый? – услышал, после того, как капитан удалился.

– Издалека! – ответил на грубость.

– Ну-ну. Не бывал ты в мясорубке, когда свои же тебя ло-

шадьями давят, – сплюнул Ленсис.

– Это когда такое было? – непритворно удивился, желая перевести разговор в другое русло. Лучше внимательно слушать излияния обиженного, молча сочувствовать ему, чем противопоставлять своё мнение или того хуже стать в его глазах причиной всех бед.

– Совсем недавно, несколько недель назад! – распаялся солдат, – от нашей роты осталась едва половина, после того, как...

Ленсис говорил тихо, но зубы его скрипели от злости. Он проклинал всех и вся, а в особенности какого-то Бладса, по вине которого боеспособное подразделение оказалось обескровленным.

– ...бежали так, что даже раненых не забрали с поля боя...

– Не боишься так говорить? – спросил, смотря прямо в глаза солдату. Его старческие черты лица, и без того испещрённые морщинами, исказились, образуя гримасу боли.

– Мне ли бояться? Сорок лет в строю! И никогда Великая Сенарская армия не знала такого позора, что свершился в степи под каким-то захудалым селом ненавистных Канторийцев, будь они прокляты! Если совесть позволит, докладывай офицерам, а то они в штабе совсем забыли, что такое славные победы во славу Императора! Я им напомню, что значит бить врага и побеждать! Сидим, словно мыши забившись в норы, а время то идёт!!! Продовольствия менее чем на месяц, о пополнении обмундирования я вовсе молчу. В по-

следний раз обоз со снаряжением больше двух месяцев назад в часть приходил...

– Понимаю, что форму не поменять, где постираться-то можно? – прервал вновь распаляющегося солдата.

Вовремя перебитая мысль, вопрос, меняющий тему разговора, может не только привести в чувство, но и вернуть в деловое русло впавшего в словесное безумие.

– Не кочевряжься! Выдам тебе форму. Есть запас, хоть и не по чину, но всё равно, лучше, чем на тебе надето. Иди, сначала помойся в бане. Сейчас очередь второй роты третьего полка. Возьми чистое исподнее, придёшь, выдам остальное и оформлю, как полагается. И не смотри на меня так! Ничего страшного, в исподнем прогуляешься, всё не грязное надевать...

В бане, хотя какая баня, обычная изба – четырёх стенок, приспособленная для помывки, где в центре на разведённом очаге стоял большой чан с водой. Дощатый пол с неплотно прилегающими плохо оструганными досками, куда стекала вода, пара лавок и всё! Я-то обрадовался, что за долгие месяцы солдатской жизни удастся хорошенько помыться, не тут то было.

Когда разоблачался, пришлось обмотать плечо куском тряпки, закрывая наколотую татуировку. Правильно говорил знакомый следователь, подкалывая: «Татуировка это хорошо – легче труп опознавать». Я не знал, как воспримут парашют с летучей мышью на плече и объяснение, которое прокатило

среди канторийцев, и сомневался, что поможет. А если начнутся расспросы, то могу и не отбрехаться.

В кутерьме и суматохе прибывающих и убывающих спокойно помылся, соскоблив с себя килограмма три грязи. Прислушивался к разговору солдат, но ничего интересного для себя не узнал, лишь пару имён, да убедился в подавленном, но не сломленном моральном состоянии солдат.

Облачившись в исподнее, пошёл обратно. Пару раз меня останавливали, интересовались, откуда и куда я такой иду, но быстро теряли интерес, когда ссылался на распоряжение капитана Устансиса. Хорошо, что запомнил его имя.

– Вернулся?! Ну и долго же ты прохлаждался. Давай, принимай обмундирование. Всего, что положено по штату, сам понимаешь, нет, но чем богаты. И обувь скидывай, теперь в пешем строю ходить будешь, нечего шпорами звенеть. Капральских знаков различия тоже нет, будешь сержантом, как-то так. Потом что-нибудь придумаем. Оружие на месте получишь. У меня такого добра нет.

Медленно облачался в форму, изредка приходилось задумываться, как надевать то один предмет, то другой. Видя мои мучения, и недовольно кряхтя что-то неразборчивое себе под нос, поминая непригодных в пешем строю всадников, Ленсис помог мне облачиться.

– Всё. Теперь топай в подразделение. Это как выйдешь из села, налево, увидишь красно-сине-белый штандарт. Тебе туда. Подойдёшь к писарю, представишься. Гонца я уже по-

сылал, на довольствие поставят, если повезёт, то и к обеду ещё успеешь.

Медленно шёл по указанному направлению. Лучшего шанса сбежать, думал, не представится. Остаётся выбраться за пределы села и под видом посыльного пересечь занятое солдатами поле, а дальше... дальше уж как повезёт. Не думаю, что до сих пор стоят усиленные дозоры, день всё-таки. Это ночью, понятно, усиление охраны и всё такое, но такой шанс упускать нельзя. Иду один, без сопровождения, изредка встречающиеся патрули не обращают на меня никакого внимания, что понятно: то грязный, в растрёпанной форме солдат идёт, а то вполне прилично одетый сержант спешит по своим только ему известным делам.

– Капрал!

Не сразу понял, что обращаются ко мне. Всё-таки нашивки у меня сержантские, а обращаются: «капрал».

– Капрал Вентори! Ко мне! Что, новую форму надел и своего командира не узнаёшь?!

Остановился, присмотрелся. Чуть вдалеке, возле одной из избы стоял вместе с двумя офицерами капитан Устансис. И как только узнал меня с такого расстояния?!

Подбежал, вытянулся в струнку. Строевой шаг Сенарской армии для меня неизвестен, да и в такой обстановке выглядит неуместно. Не на параде всё-таки.

– Вольно. Временно поступаешь в распоряжение лейтенанта Симониса. Вечером жду к себе, устроиться успел?

– Никак нет, только шёл в расположение. Успел помыться, привести себя в порядок и получить форму. Но оружие не выдали, – пожаловался в конце. Пробиваться к своим без оружия – задача невыполнимая, да и неудобно я себя чувствовал, когда бедро не оттягивает приятная тяжесть клинка.

В Сенарской армии, как впрочем, и в Канторийской, сержантский состав помимо штатного, вооружался приобретаемым за собственные средства личным оружием, будь то пистоль или что из холодного оружия. Единообразия не было. Огнестрельное короткоствольное не пользовалось популярностью из-за дороговизны, а вот хороший клинок был хоть и дорогим удовольствием, но служил верой и правдой долгие годы. Не зря меня наградили клинком... Эх, где он сейчас? Когда расставались, передал его на сохранение старшему из братьев. Исполнили они приказ, повернули назад, вернулись в расположение?..

– Оружия много, подберём, – вместо капитана ответил лейтенант. – А сейчас, следуй за мной, поможешь...

Зашли в переоборудованный под склад какой-то сарай. Лейтенант ушёл с офицером, но быстро вернулся. На лице его читалось и радость, и недоумение одновременно. Спрашивать о перемене настроения не стал, только подобрался при виде подходящего следом полковника.

– Плохо, что одного бойца с собой взял, не донесёте всё, – без предисловия произнёс полковник.

– Господин полковник, кто ж знал, что на полный штат

получать придётся.

– Разве капитан ничего не говорил? Если не говорил, то в своё время узнаешь. Значит так. Три ящика запалов для ручных гранат, сами гранаты – восемь ящичков, что ещё? Хотя, всё равно не донесёте...

– Сержант, подводу, быстро! – выпалил лейтенант.

Выбежал со склада в недоумении, понятно, что лейтенант обращался ко мне, больше не к кому, но где подводу искать?

На моё счастье мимо на телеге проезжал Ленсис. Кинулся к нему и, сославшись на капитана, поставил задачу отвезти груз в подразделение. Ленсис поворчал немного, но под взором вышедшего следом за мной лейтенанта согласился помочь и изменить маршрут.

«Что-то затевается, – думал я, помогая грузить тяжёлые ящики. – И скорее всего очень скоро, может в течение недели, не дольше. Не зря пополняется боезапас, развозятся в подразделение припасы. Вот и Ленсис что-то везёт в больших тюках. Да и полковник неоднозначно намекнул о предстоящем выступлении. Может дожидаться сегодняшнего вечера, узнать подробнее, что скажет при встрече капитан, а потом, ночью и бежать отсюда, пока не примелькался. Не думаю, что сразу заметят потерю бойца, да и сведения добуду из первых уст. Капитан-то знает точно не меньше генерала, а если планируется выступление, то когда и главное куда? Мои мысли, что Прочноокс ближе и, пожалуй, первая цель для контратаки, но может, я ошибаюсь?».

С такими мыслями прибыл в расположение, где после того, как разгрузились, меня усадили обедать. Незаметно прошёл день, наступил вечер, и меня вызвали к капитану.

В офицерском шатре было светло. Во главе стола сидел капитан, вокруг, как понял, все офицеры полка.

Смущаться не стал, а хотел было занять одно из пустующих мест возле стены, но меня остановили.

– Господа офицеры, представляю капрала Вентори. Конечно, одет в нарушение формы одежды, но сами знаете причину. Он прибыл из Генерального Штаба. Не галдите, потом зададите ему вопросы. С сего дня, он становится моим ординарцем по особым поручениям, прошу запомнить в лицо и потом не задавать лишние вопросы. На сегодня всё, завтра к полудню доклад об исполнении первого этапа плана и предложения по выполнению второго. Все свободны.

Хотел быстро ретироваться, чтобы не отвечать на неудобные вопросы, но услышал до боли знакомую фразу из кинофильма «Семнадцать мгновений весны»: «А вас, капрал, я попрошу остаться»...

Глава 21

– Присаживайся. Рассказывай, как там командующий, здоров?

Выдержал паузу, как не хотел нарываться на неудобные вопросы, но не получилось. Имён, должностей я не знаю. Обойтись общими фразами, думаю, не получится. Придётся импровизировать, только бы не завраться, реалий то я не знаю.

– Когда убывал, был здоров, – осторожно ответил, проверяя реакцию. – Я неделю уже по частям скачу. Вот к вам закинуло. Посланный к вам посыльный едва добрался до нас – раненый уже прибыл. Заменяли мной. Вскочил на коня и в ночь вперёд. Толком не объяснили, куда скакать, но повезло.

– Понятно, что повезло. Мы четверых отправляли в тыл с донесением, ни один не вернулся назад.

– У меня сведений, что кто-то дошёл, нет, – поспешил опередить вопрос капитана.

– Значит, окружают. Может и не основные части, но всё равно, придётся пробиваться с боем.

– Пойдём на соединение?

– Нет. У генерала другой план, – тяжело вздохнул капитан.

– На прорыв? Но куда? Впереди везде только противник! – попробовал вывести капитана на разговор. Тем более

что моральное состояние офицера располагало к душевной беседе. В его тоне разговора чувствовалась обречённость. Неужели генерал готов кинуться в лобовую атаку, в последний, но решающий бой.

– У нас приказ, который не отменён – это занять Санторию, – резко ответил капитан.

«О, как! Они намериваются захватить Санторию! Я-то думал, ограничатся Прочноокском, всё-таки ощутимая пощечина получена под его стенами».

– До Сантории далеко. Растянутся тылы, и войска ещё на марше сильно потрепят. Не дойдём, – высказал сомнение в предстоящей операции.

– Для этого генерал и придумал план, который нам предстоит воплотить в жизнь.

Я немного замешкался, обдумывая: «Будет отвлекающий манёвр? Но где, какими силами, куда направлен отвлекающий удар? Цель его понятна – связать основные силы противника и малой кровью выполнить основную задачу. Но захватить Санторию?! Или я что-то не знаю, или с большой долей вероятности, капитан не договаривает».

– Отвлекающий манёвр? – спросил, не ожидая ответа. Уж больно смахивало на тактическую игру, кто кого перехитрит.

– А ты не так глуп.

– Так при штабе, господин капитан.

– При штабе... – повторил офицер. – Ладно. Утром ко мне. И слушай мой приказ – офицерам много не рассказы-

вай, особенно, что происходит в тылу. Пусть думают о предстоящем сражении, а не о том, как хорошо дома. Всё. Иди, отдыхай.

Как только вышел, меня с расспросами окружили офицеры. Пришлось отделаться общими фразами и, сославшись на усталость, удалиться.

Место ночлега мне определили в палатке поблизости от офицерских шатров. Пригнувшись, вошёл внутрь и замер. Чистота, порядок. В центре печка. Заправленные топчаны и никого, хотя палатка предназначалась для проживания не менее шести человек.

– Проходи, выбирай любую с левого края, – услышал из-за спины голос.

– Капрал Вентори, ординарец...

– Знаю, предупредили. Я – сержант Томсин, ординарец капитана Устансиса. Не смотри так, у командира по штату шесть ординарцев, каждый выполняет свою задачу, но и подменить может друг друга. Я в основном по бытовой части, там форму привести в порядок, обед принести, проследить, что б карандаши наточены были и так, по мелочи.

Я обвёл взглядом палатку.

– Убили всех, последним сержант Донассис три дня, как от ран скончался, – видя мой вопрошающий взгляд, ответил пожилой сержант. – Есть будешь? А чай? Вот и хорошо, давай чайку перед сном попьём. Я-то рано встаю, воду согреть, завтрак приготовить... ну, сам знаешь, что господам офице-

рам надо, чтобы они не отвлекались от своих дум стратегических.

Сидели молча. Я беспокоился, что и ночью офицеры не оставят меня в покое от расспросов, но ошибся. Никто в палатку не заходил, расспросы не чинил. Лёжа в постели долго не мог уснуть, ворочался с непривычки. Я и в бытность свою на Земле плохо спал на новом месте, а тут ещё и мысли всякие в голову лезли. Рассудил, что бежать в такой неопределённой ситуации – неразумно. Если всё равно предстоит марш к позициям противника, то лучше дойти до линии соприкосновения в строю, чем пробираться лесами, шарахаясь от каждого хруста ветки. А за это время, может, что узнаю конкретное из плана операции. Не думаю, что генерал настолько неопытен и бросит в бой все свои части в лобовую атаку, а так у меня будет шанс помочь обороняющимся, добыв сведения о планируемом штурме.

Два дня прошли как в тумане, я метался из одного конца лагеря в другой, передавая указания, иногда ругался, требовал строго исполнения поручения, даже пришлось одному нерадивому лейтенанту залепить в ухо, но не сдержался. Я понимал, что могу раскрыться, и мне даже лучше, когда приказ не исполняется, а тихо саботируется, но не смог спокойно смотреть, как издеваются над бедными солдатами. Они-то не виноваты, что пошли воевать, захватывать чужую страну. Но, с другой стороны, тогда кто виноват? Офицеры? Так и они исполняют приказ. Император, по своей воле вторгший-

ся в соседнюю Империю? Но без твёрдой уверенности в своей победе, без устойчивого фундамента: экономической, военной, политической составляющей ни один глава государства не отдаст приказ о начале войны. Его просто свергнут свои же подданные. Разбираться в геополитическом устройстве другого Мира – дело не благодарное и прекратил терзать свой разум всякими мыслями, в поисках ответа на вечный вопрос о смысле жизни.

– Вставай, капитан к себе требует, срочно! – растолкал меня Томсин.

– Уже утро, а что так темно?! – удивился ранней пробудке.

– К нему лейтенант приходил, жаловался на тебя. Ишь, что учудил, офицеру да по морде дал, – сокрушался ординарец.

Дружеских отношений у меня с ним за это короткое время не сложилось. Каждый занимался своими делами: я, как порученец, метался по лагерю, а Томсин оставался при капитане. Но недовольство в его словах слышалось отчётливо. И понятно, в военное время поднять руку на офицера, да ещё кто – обычный солдат, пусть и в сержантском звании. Ладно бы офицеры поспорили, даже подрались – офицерский суд, разжалование и всё, а тут как минимум телесными наказаниями не отделаюсь, как бы не сорваться и не закричать от боли благим матом...

– Разрешите? – и, не дождавшись ответа, вошёл в шатёр капитана.

Офицер сидел в кресле. По его усталому выражению лица, синякам под глазами и множеству пустых чашек, понял, что тот ещё и не ложился. В преддверии скорого выступления, необратимо вскрывались упущенные моменты, которые требовали незамедлительного решения и капитан, не покладая сил, работал на износ.

– В штабе командующего все такие?

– Извините, не понял.

– Спрашиваю, у генерал-фельдмаршала все такие, как ты? Я замялся, не зная, что отвечать.

– Сегодня мне доложили о происшествии с твоим участием, что можешь сказать в своё оправдание?

– Господин капитан, я действовал по долгу совести! Я не дворянин, и не офицер, но понятие: «честь» для меня не пустые слова. Меня отец учил, если видишь беззаконие, не стой, а вмешайся, и пусть твой поступок послужит уроком тому, кто вершит беззаконье. Лейтенант, не помню его имени, позволил себе неоправданную жестокость по отношению к своим подчинённым, он...

– Знаю, не продолжай, – резко одёрнул капитан.

Я стоял, ожидая решения капитана. За провинность меня должны подвергнуть телесному наказанию, но в оправдание сказал бы: «Лейтенант был пьян и откровенно издевался над солдатами, унижая приданое пополнение выполнением не предусмотренных уставом приказов». Пряма натуральная дедовщина! Отдав положенный срок армии о таком прояв-

лении, я и не слышал, а как увидел, что измученных, только прибывших в подразделение солдат, вместо того, чтобы разместить, обустроить, накормить, в конце концов! Гоняют туда-сюда, бьют палкой, да ещё издеваются, я и не выдержал, и со всей дури зарядил лейтенанту, что тот кубарем пролетел метра три под удивлённые взгляды солдат и сержантов.

Пауза затягивалась. Я уже подобрался, чтобы сделать рывок и вырубить капитана, хоть какая-то польза от меня будет, как офицер заговорил:

– Передай Томсину, чтобы подал воду для умывания и грел завтрак. Через три часа выступаем.

Ненадолго замешкавшись у выхода, донеслось едва различимое:

– Мне б всего лишь взвод таких...

Больше поспать не удалось, да и рассвет вступал в свои права. Батальон сворачивал временные сооружения и готовился к выступлению. Я метался от одной роты к другой, передавая распоряжения, уточняя сведения, контролируя порядок формирования колонны.

Не скажу, что такое положение дел мне нравилось. Волею судьбы меня забросило в Канторийскую Империю, как бы повернулась жизнь, если спасательная капсула упала среди сенар, я не знаю, но присягнув единожды, не отказываются от клятвы. Новая Родина приняла меня, оценила мои, хоть и скромные заслуги, дала в руки оружие, и я ни на минуту не забывал, какому Императору давал присягу. Вниматель-

но смотрел, считал, искал возможность, как незаметно покинуть расположение, но мне пока не была известна цель, куда направляется такой мощный кулак. Лавируя от одного командира к другому, понял, что на марш выступил усиленный полк из восьми-девяти батальонов. Остальные части также снимались с насиженных мест, но они действовали обособленно и здраво предположил, что у них другая цель, но какая?..

– Ты ординарец капитана Устансиса? – скача в очередной раз с пакетом в ядро колонны, остановил меня незнакомый офицер.

– Слушаю!

– Командующий требует доклад о причине медленного продвижения. Немедленно возвращайся к капитану и пусть лично доложит!

Отдав честь, пришпорил коня.

«Командующий? Так генерал, вроде, остался с основными частями. Может этот офицер назвал командующим командира сводного полка? По численности как раз звание полковника, если не ошибаюсь», – думал, скача в авангард колонны, где шёл батальон капитана Устансиса.

В Сенарской армии совсем иная, непривычная система званий. Офицерский состав разделялся на: младший, старший и высший командный, что ожидаемо. Но дальше шли кардинальные отличия. К младшим офицерам относились подпоручик, лейтенант и лейб-лейтенант. К старшему

офицерскому составу: капитан, лейб-капитан и полковник. Высший командный состав как раз состоял из генералитета: генерал, лейб-генерал и генерал-фельдмаршал. Довольно непривычно было, когда лейтенант мог командовать не только взводом, но и ротой, редко батальоном. Понятно, что опытных кадровых офицеров не хватало. Ещё отсутствие разнообразия в званиях, как на родной матушке Земле, накладывало свой отпечаток. Отсутствовали привычные звания старшего лейтенанта, майора, подполковника. Не говоря про множество генералов: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генерал-армии.

– Господин капитан, командующий требует личных объяснений, почему медленно идёт колонна, – доложил, едва поравнявшись с офицером.

– Он что, не видит, почему... – огрызнулся капитан.

Колонна, маршем шла вторые сутки. Для себя уже определил, куда именно направляемся. Как и предполагал, целью нашего выступления стал Прочноокск. Я ожидал, когда подойдём на расстояние полудневного перехода и тогда оторваться от колонны, и окольными тропами, может через лес, уходить к своим, но двигались, очень медленно – не прошли и половины пути. Виной всему тяжёлая дорога. Хоть и дождей было не много, но при поломке подводы, приходилось останавливаться для ремонта. Я не понимал, почему не стаскивают её в сторону, оставляют пару человек в помощь и не продолжают путь дальше. Только потом понял, что не так

много припасов везём с собой. Для полноценного боя или возможной предстоящей осады этого недостаточно.

– За мной! – отдав кое-какие распоряжения, обратился ко мне капитан. Поскакал за ним, хотя в седле с самого утра и во рту и маковой росинки не было. Думал по возвращению, хоть отдохну немного. Хорошо, что предусмотрительный сержант Томсин положил мне в седельную сумку воды и немного еды. Как знал, что не будет свободной минуты, а я ещё отказывался...

До арьергарда колонны мне ещё не приходилось скакать. Только возвращаясь назад, через весь строй, обратил внимание, что некоторых частей, которые вышли вместе с нами куда-то исчезли. Прошлым днём миновали единственную развилку, уходившую немного на юг, но куда она вела, я не знал.

«Наверно хотят обойти Прочноокск с другой стороны», – сделал для себя вывод.

Скакали долго. Колонна растянулась на многие километры, что доставляло неудобство в управлении. Но чувствовалась уверенная рука, ведущая армию к поставленной цели. Туда-сюда скакали вестовые с распоряжениями, докладами...

– Нам туда!

Подскакали к крытому фургону. Спешились. Взял коня капитана под уздцы и хотел немного отдохнуть, размять ноги, но:

– Оставь. Иди за мной! – скомандовал капитан, указывая

передать поводья другому солдату. Подчинился. Вошли.

Внутри фургон оказался разделён на несколько частей. Прямо небольшая двухкомнатная квартира на колёсах. Главное что заметил – отсутствует ощущение езды. Фургон двигался плавно, не раскачиваясь, не подсакивая на ухабах, которых на дороге было превеликое множество.

– По какому вопросу? – остановил в небольшом предбаннике офицер.

– Капитан Устансис, меня вызывали.

– А второй?

– Мой ординарец.

– Проходите, капитан, вас ждут, а ординарцу необходимо подождать здесь. В помещении итак уже места нет. Странно, что вошли не один. Знали же об том.

Капитан только недовольно поморщился и вошёл внутрь.

В фургон то и дело заходили посыльные, отдавали пакеты с донесением и тут же удалялись. Остаться в тесном помещении, где и одному мало места, да и косые взгляды офицера напрягали, не стал. Вышел на свежий воздух, оседлал коня, и удобно расположившись в седле, намеривался перекусить. Неизвестно, когда ещё выдастся свободная минута. Рядом на коне ехал один из знакомых в лицо ординарцев. Примелькались как-то. Постоянно то он к нам с пакетом прибудет, то я к ним в часть.

– Что-то нас тут всех собрали. Не к добру, – угостившись сухарями, завёл разговор знакомец.

– Так скоро прибудем. Последние указания получим и в бой.

– Странно, что сам генерал Фок Генс идёт с нами.

– Это почему? – не понял я. О том, что командует сводным полком генерал, для меня стало неожиданностью – не по рангу ему. То сто тысячной армией командовать, а то едва в полку, пусть и сводном, наберётся двадцать пять тысяч бойцов. Сила конечно немалая, способная если не сходу завладеть Прочноокском, то изрядно потрепать обороняющийся гарнизон. Но это не уровень командования генерала, достаточно и полковника.

– Разве не заметил, что бóльшая часть войск ушла по другому направлению?

– Обходной манёвр. Возьмём в кольцо и...

– Дорога к Прочноокску одна. Окружные пути если и есть, то мне они не ведомы. Да и не пройдёт такая орава через лес, по едва заметным тропам через болото. Замышляют что-то офицеры, чует моё сердце. Смотри. Тут, считай, почти все ординарцы собрались.

Присмотрелся, и вправду, вокруг фургона кружили ординарцы всех известных мне старших офицеров.

Дверь фургона распахнулась и оттуда, по очереди стали выходить офицеры. Капитан подозвал меня, сел на коня и мы взяли путь обратно в авангард, к своей части. Офицер был хмур, и беспокоить его своими расспросами не стал. Вечерело. Последний привал перед решающим броском. Отобе-

дав, сел проверять снаряжение, за этим занятием меня и застал капитан, прохаживающийся мимо рядов повозок. Вскликать не стал, думал, пройдёт мимо, но нет. Остановился и с заинтересованным видом смотрел, как я правлю клинок выданного мне палаша.

– С завтрашнего дня поступаешь в личное распоряжение генерала. Он требовал ещё двоих отдать, но обойдётся. И так людей, считай, нет, а задача поставлена невыполнимая.

– Нет невыполнимых задач, – хотел подбодрить, но не получилось. Постарался быстро поправиться, – есть недостаток сил и времени. А что людей мало, так основные части подойдут, помогут.

– Не подойдут. Разве не понял, они на Санторию пошли. Главный удар будет именно там, а здесь... Что скрывать, небось, уже понял – отвлекающий манёвр.

– А генерал?! Он же с нами остался!!! Лично возглавляет командование! – вот чему удивился, так обречённости в словах капитана.

– Возглавляет, до поры до времени. Для этого он и собрал в одну группу ординарцев, чтобы хорошо с лошадьми управлялись, и в бою не сдрейфили. Как здесь начнётся, так ему надо обеспечить отход. Вас для этого и отобрали. Только об этом никому!!! Завтра подробности узнаешь.

Лёжа, укутавшись в одеяло, пытался уснуть, но сон не шёл. Перед трудными днями нужно отдохнуть, но в голове крутилась мысль: если не уйду сейчас, то дальше будет слож-

нее выбраться. Неизвестно, куда меня закинет прихоть генерала.

Тихонечко встал, нацепил оружие, как раздался оглушительный вой боевого горна...

– Вентори! К капитану, немедленно! – в палатку заскочил незнакомый солдат.

«Чёрт! – выругался про себя. – А хотел тихо уйти».

В палатке капитана было многолюдно. Зашёл, ожидая, когда на меня обратят внимание, не хотел сразу бросаться в глаза, надеялся, что получится незаметно узнать план операции...

– ...господа офицеры, – продолжал говорить капитан, – план меняется. Нам предстоит маршем преодолеть остаток пути и с ходу вступить в бой. И не надо делать удивлённое выражение лица, лейтенант. Вам было поручено ликвидировать вражеские разъезды, обеспечить скрытность перемещения колонны, если не смогли, тогда пойдёте в первых рядах. Итак, слушай мой приказ! Выступаем немедленно. Обозы подтянутся потом.

– До Прочноокска полдня пути, – сказал, кто-то из офицеров.

– Пойдём налегке, дойдём быстрее. Срок выйти на окраину и закрепиться – четыре часа. К этому времени подойдёт ядро колонны, а дальше согласно плану. С ходу вступаем в бой, но противника не преследуем, не нарываемся на открытый бой. Разбиваем лагерь и дальше по обстановке. Разой-

дись по местам! Вентори, останься.

Не успели все разойтись, капитан обратился ко мне:

– У тебя другая задача, скачи к генералу, предупреди, что нас заметили. К нему уже послали гонца, но мало ли что. Тем более, тебе всё равно переходить в его распоряжение.

«Вот и момент, что можно уйти не вызвав подозрений. Покинул расположение, но в конечный пункт не прибыл – лучше и не придумаешь. Скажут, не добрался, погиб», бодро отдал честь и собирался выходить, но капитан меня остановил:

– Не торопись. У нас трое раненных, оставлять их в обозе не вижу смысла. Возьми возничего и подводку. От тебя скорости не требуется. Если б не приказ генерала, не отпустил бы тебя. Всё, иди!

Возничий, а им оказался сержант Томсин, уже возился с ранеными.

– У меня всё готово, можно выступать. Остальным всё равно до нас дела не будет.

– И тебя капитан отсылает?

– Не отсылает, а дал важное поручение. Сгинут солдатики на марше, не дойдут.

– Ладно. В путь.

Ехали в сторону противоположную, идущим в боевом порядке частям. На себе ловили, где презрительные, где сочувствующие, но в основном укоризненные взгляды. А я ехал, и во мне боролись два чувства: чувство долга и чувство само-

сохранения. Примерно через километр промежуток между отрядами и другого момента, чтобы бросить обоз с ранеными у меня не будет.

Ехали медленно, иногда останавливались, сходили с дороги, чтобы пропустить идущих на войну солдат. Времени у меня всё обдумать было много. Только через долгие годы я понял, почему поступил так, как поступил, и именно это решение перевернуло мою жизнь...

Глава 22

– Тихо как-то, – ехал рядом с повозкой, и разговор раненых бойцов слышал хорошо.

– Так наши вперёд ушли, а до других ещё не дошли.

– Вот то-то и оно, ни звуков боя, ни ржания лошадей. Сколько мы так уже едем? Полчаса примерно, должны были хоть до основных частей дойти.

– Не дрейфь, доедем.

– Доедем... – протянул перевязанный боец.

– Томсин, помедленнее, – обратился к сержанту. – Тишина напрягает. По моим прикидкам нам ещё метров двести в одиночку ехать. Но странно, что никто нам не встретился, даже просто вистовой, какой. Я чуть вперёд поскачу, посмотрю.

– Понял, сержант, – и Томсин натянул поводья.

Я оторвался на несколько сот метров и, было хотел выскочить за поворот, но невнятные звуки остановили от опрометчивого поступка. Спешился, осторожно выглянул, а там: поваленное поперёк дороги дерево и несколько солдат пытаются его сдвинуть с дороги.

«Хорошее место для засады. Пора бежать. Сейчас в лес, дождусь, как нападут и тихонечко, лесом в Прочноокс. Скорее всего, передовой разъезд из гвардейцев дорогу перего-

родил. Пропустили часть войск, может, думали, что это все. Наши гвардейцы, скорее всего, и в лесу на привале напали», – мелькнула мысль.

Я оглянулся назад и встретился взглядом с одним из раненых. Перевёл взгляд на сжимающего оружие Томсина.

«Убьют же их...».

– В лес! – кричал шёпотом, показывая знаками, чтобы сошли с дороги и свернули в сторону, противоположную от предполагаемой засады. Вернулся назад и так же углубился в чащу леса.

Впереди послышалась стрельба и ржание испуганных лошадей.

– Что там? – подошёл Томсин.

– Засада. Предупредить бы не успел, хоть раненых спасём. Скажи, чтоб тихо, не высывались. Вроде не должны заметить. Большие силы тут не спрячешь. Отобьются. А как дальше поедут, так и выйдем.

Стрельба быстро прекратилась. Выждали ещё немного и когда с нами поравнялись передовые части, с шумом вышли из леса. Пришлось кричать, чтоб не стреляли. А то в горячке боя, только отразив атаку, могли сразу и не разобрать, что свои...

– Помню-помню, тот самый капрал, кто единственный пробрался с донесением от генерал-фельдмаршала, только само донесение не довёз, – хмуро встретил меня генерал Фок Генс, – значит так, предаёшься охранному взводу в подчи-

нение капитану Донсусису. Свободен.

В этот момент корил себя, что не ушёл, но благодарный взгляд одного из раненых заставил поверить в правильность выбора.

К полудню части Сенарской армии подошли к Прочно-окску. Крупных боестолкновений удалось избежать и практически все части двадцати пяти тысячного сводного полка расположились на поле, где совсем недавно чуть не потеряли своего генерала. Выстроились грамотно, перекрывая подходы, занимая превышающие высоты, а я скучал от безделья, находясь возле штабного фургона, и всматривался вдаль, стараясь понять, что происходит в станице. Почему не было контратаки на ещё не укрепившиеся позиции противника, почему оставлены без прикрытия дороги и множество почему, роилось в голове.

Под вечер прибыли офицеры с докладом, а на поле загорелись костры. Их было столько много, что сливались в одно оранжево-красное пятно. Ночь прошла беспокойно. Туда-сюда сновали солдаты, возглавляемые сержантами, создавая видимость прибытия пополнения, разжигали всё новые костры, ставили неказистые сооружения, которые издали можно было принять за шалаши.

Я смотрел за разворачивающимся спектаклем и боялся, что полковник Мигнес всерьёз воспримет увиденную подготовку, как к предстоящему генеральному сражению, и ночью или отведёт свои войска, побоявшись вступить в бой,

или запросит подкрепление. Сенарцы специально оставили небольшой проход по дороге, пропуская лишь одиночных всадников.

– Сержант, почему не спишь? – подошёл капитан Донсусис, – твоя смена дежурить прошла.

– Не могу уснуть, господин капитан, – я уже перестал обращать внимание, что меня то «капралом» обзовут, то «сержантом». Не будешь же каждому объяснять, кто ты такой, а если дальше копать начнут? Могут и вырыть мне яму в один на два метра.

– Иди, отдыхай. Следующая ночь будет беспокойная.

– Так и день предстоит тяжёлый.

– Что произойдёт днём, в основном не наша забота, а вот ночью...

Капитан не стал договаривать, а спрашивать – нарываться на излишнее внимание.

Утром разбудил сигнал к построению. В считанные часы части Сенарской армии выстроились в боевой порядок и ожидали команды: «Вперёд». На противоположном конце, возле станицы выстроились части Канторийской армии. Плотный строй, разделённые по подразделениям коробки, прикрывали единственную дорогу, ведущую в станицу. Взревел, возвещая о начале сражения боевой горн, и первая колонна сдвинулась с места.

– Началось, – тихо прошептал кто-то из таких же приданных генералу ординарцев.

Я высматривал среди частей основную ударную единицу Сенарской армии – конницу, но насчитал едва полуэскадрон, а вот генерал меня удивил. Он, сверкая эполетами, разъезжал во втором эшелоне атакующих войск и своим видом подбадривал наступающих.

– Что, тоже не понимаешь? – видимо видя моё удивлённое выражение лица, спросил стоявший рядом ординарец.

Сначала вопрос мне показался непонятным, но потом сообразил, генерал-то не выходил из фургона. А кто тогда там? Но додумать не успел, как дверь распахнулась и во всей красе, со всеми соответствующими геральдическими знаками из фургона показался генерал Фок Генс, а следом за ним капитан Донсусис.

– Вы, трое, за мной! – отдал капитан команду.

До заката солнца объезжали части, генерал напутствовал солдат, появляясь то на правом, то на левом фланге. Вялотекущая атака то накатывала, то откатывалась волной, оставляя усеянное телами поле боя.

«Вот тебе и генерал Фок Генс!» – мысленно восхищался гениальным планом предводителя Сенарской армии. Если бы не знал, что это отвлекающий манёвр, то видя, как атакуют, а потом откатываются назад Сенарские войска, небезосновательно предположил бы, что идёт ожесточённая атака на рубежи противника. Тем временем, атакующие вскрыли все оборонительные рубежи, расположение частей и обозов. Едва сенарцам не удалось прорваться через первую ли-

нию обороны, но поступил приказ вернуться на исходные позиции. Я думал, как сейчас мучается, разгадывая план завтрашнего боя, полковник Мигнес, что после дневного противостояния все остались на своих позициях, опытному офицеру не внушало оптимизма. Следующий день может стать решающим, ещё чуть-чуть усилить натиск и обороняющиеся дрогнут.

Наступивший вечер разразился новым спектаклем. С аллобелыми флагами вышли на поле брани медики, с лёгкостью обнаруживая раненых и с невероятной ловкостью и проворством уводящих их в тыл, а по дороге текла вереница огненных точек, возвещая о пришедшем пополнении. Видя такое превосходство сил, на месте полковника, я бы немедленно послал за подмогой...

– Двадцать минут на сборы! – возвестил нам капитан. – Уходим сначала на запад, потом через леса, выходим на дорогу и держим путь в Санторию. С собой брать только оружие, остальное бросайте здесь.

– А как же полк? – задал вопрос один молоденький ординарец.

– Кто останется к следующему вечеру в живых, последуют нашему примеру. И не рассуждать, исполнять приказ! Необходимо доставить генерала к основным частям. Будет трудно, наши разъезды замечали патрули противника, так что действовать предстоит скрытно. Разделимся на три группы. Первая: ты, ты и ты. Выступаете немедленно. Старший сер-

жант Частис. Вторая группа: ты, ты и ты. Старший капрал Генссис. Выступаете через полчаса. Остальные, со мной!

Я попал в самую крупную группу из шести человек. Проверил снаряжение, выкинул лишнее. Логично, что налегке проще оторваться от преследования. Тем более, второй раз мне предоставляется случай покинуть стан врага.

Во время своей короткой жизни, я заметил, что судьба, ну или проведение, или Бог даёт для выбора два сходных шанса в течение жизни. Вот в детстве, совсем мальчишкой я вмешался, когда обижали моего соседа. Второй раз: похожий случай произошёл перед самой армией. Я тоже не остался в стороне, а вступился за парнишку, которого окружила местная шпана. Анализируя свою недолгую жизнь, пришёл к выводу, что это или какая-то проверка, или так скажем, разветвление параллельных Вселенных. Я хоть и не знаток этой теории, но если бы я не вступился первый раз за соседа, то не пошёл бы в секцию бокса. Хорошо мне тогда наваяли, даже вспоминать не хочется, а во второй раз я смог достойно ответить и не только помог парнишке, но и у нас завязалась дружба. Он, как и я призывались в армию в этом году. Договорились, что будем проситься, чтобы отправили в одну часть. Вот так у меня появился первый настоящий друг...

– О чём задумался, Вентори?

– Да, так. Не понимаю, зачем разделяться было, – ответил определённому в одну группу со мной ординарцу. Имён я их не запоминал, да и не все представлялись. Только в лицо

всех запомнил.

– Так нам – сержантам, не понять офицеров.

– Почему же не понять?! – вмешался в разговор второй ординарец. – Первые две группы, как заметили, малой численности. Они идут, разведывают дорогу, если надо уводят противника в сторону, чтобы мы прошли без больших приключений. Как ни как, с нами же генерал пойдёт. Сейчас только переоденется, и будем выходить.

– Откуда ты такой всё знаешь?

– Так я – капрал Конетсисс, личный адъютант генерала. Ещё днём мне было приказано подготовить две формы: одну лейтенанта, вторую в чине капитана и ещё четыре генеральские. Вероятней всего, в них переоденут офицеров, и они с завтрашнего утра начнут появляться перед строем, чтобы противник видел, какая сила собралась, если сразу четыре генерала присутствуют на поле боя!

– Хитро-о-о!

– Разговорчики! – появился капитан вместе с ещё одним офицером в чине лейтенанта. В нём я не сразу признал генерала Фок Генса. – Выдвигаемся! Ты, ты и ты – авангард. Вперёд!

Третьим именно на меня показал капитан...

Лесная тропинка оказалась слишком узкая и выглядела непроходимой, но пока удавалось, в колонну по одному, продвигаться на лошадях. Чтобы они не испугались и не заржали, надели им намордники. Ехали молча, внимательно смот-

ря по сторонам. Сзади нашей небольшой группы в основной колонне ехал генерал. Я ехал замыкающим и спиной чувствовал пристальный взгляд едущих позади.

Впереди остановились, и мы замерли, прислушиваясь. Вдалеке, на грани слышимости, доносился едва различимый лязг оружия.

– Вентори, проверь, – сделав знак спешиться, прошептал старший нашей группы.

Оставив коня, углубился в чащу леса. Пошёл не напрямик, а забрал немного вправо от доносящегося шума. Не хотелось попасть под раздачу и погибнуть от руки ставших своими Канторийцев. Пока осторожно пробирался, шум затих, а когда из-за укрытия выглянул, то обнаружил только тела троих убитых сенарцев и следы крови, уходившие в противоположную сторону.

«Забрали лошадей, раненых и ушли», – сделал вывод.

Вернувшись назад ни кого не обнаружил.

«Сменили место дислокации, или в темноте заблудился, а может... бросили?!», – с одной стороны радовался, но с другой терзали меня смутные сомнения, что именно так и запланировано. По одному-двум отправлять на разведку, чтобы блуждали по лесу и нарывались на засаду, отвлекая внимание, пока основная группа с генералом будет настойчиво продвигаться вперёд. Не зря, вместе с генералом шли только те, кто составлял его личную охрану. А нами, приданными силами, можно и пожертвовать ради выполнения более важ-

ной цели.

Цель генерал поставил, прям, скажу, невыполнимую, но я ж не обладаю всей полнотой информации. Если основные силы покинули Санторию и вышли на помощь к стенам Прочноокска, то двукратный перевес в живой силе будет на стороне Сенарцев, а что ещё надо? Возле станицы Прочноокская они связали боем крупную группировку сил. Из Сантории, если выслали помощь, то они как раз только к следующему вечеру придут, если... это множество «если» обозлило меня. Что я пытаюсь просчитать всевозможные варианты развития событий?! Зачем? Для меня план очевиден – выйти к Сантории и предупредить о скором подходе крупных сил противника, а дальше уже посмотрим...

Блуждал по лесу, думал, заблудился. Свою лошадь я так и не нашёл. Так что выбрал направление: «Прямо», где по моим предположениям должна проходить вторая дорога в Санторию. По моим прикидкам, как раз к полудню следующего дня должен выйти к стенам Сантории. Я ж помнил, дорога эта существовала, именно по ней и везли меня новобранцем в гарнизон. Дорога петляла, уходя иногда в лес, иногда выскакивая на открытые пространства, но в темноте трудно разобрать не только тропинку, но и не хватала ещё упасть и ногу сломать. Скорость передвижения катастрофически упала. С трудом различал, что происходит всего в паре десятков метров от себя. Остановился передохнуть.

Сквозь густые кроны деревьев мелькнул огонёк. Всмотр-

релся, не показалось ли? Если это одна из групп гвардейцев, устроивших засаду, то выйдя к ним, думаю, смогу доказать, что давал присягу Его Величеству Императору Странису Первому. Осторожно, чтобы лишним шумом не выдать себя раньше времени, а то всполошу, и разбираться не будут, прибьют.

В небольшом овражке различил четыре силуэта. Пятый, по всей видимости, располагался неподалёку, в неплохо сооружённом шалаше. Ни лошадей, ни поклажи – не видно. Форму и знаков различия при таком расстоянии и плохой освещённости не разобрал. Пришла первая мысль, что добрался до своих. Хотел пошуметь, подать сигнал, чтоб сразу не стреляли, как до меня долетел знакомый шипящий гóвор – это Сенарцы! Именно четверо, во главе с капитаном, шли в основной группе, сопровождая генерала.

Под ногой предательски хрустнула ветка. Один из сидевших обернулся на шум, поднялся и осторожно ступая, направился в мою сторону. Я присел, замер, вжавшись в дерево. Так всё удачно получилось, а тут... Как только сенарец миновал меня, я выхватил с пояса тесак и кинулся к нему. Зажал рот рукой и одним резким ударом проткнул ему сердце. Не опуская мёртвое тело, постоял, прислушиваясь. Вроде тишина... Осторожно уложил его на землю, а когда стал подниматься, рядом со мной просвистел клинок, едва не задев по голове. Успел отшатнуться и кинулся в контратаку. Если с первого раза не уложу противника, то тот позовёт на

помощь, но решится ли он кричать? На его месте я б закричал, по крайней мере, предупредил бы тех, кто расположился возле костра.

В коротком боестолкновении, когда решают мгновения, я оказался быстрее и когда мой клинок вонзился в грудь солдата, я увидел его изумлённые глаза и раскрытый для крика рот, из которого вырвался только тихий стон. Это оказался один из приближённых генерала – капрал Конетсисс и он меня узнал.

Не скрываясь, спустился в овражек. Как только на моём пути, с оружием в руках, встали оставшиеся двое приближённых генерала, ринулся в атаку. Расчёт был на то, что меня узнают, ведь я шёл хоть и тихо, но не пригибался, не прятался. Приблизившись, в проблесках костра можно было различить форму. А что она в крови и местами порвана, так это уж издержки скитаний в лесу. Надежда на внезапность оправдалась. Эти несколько секунд растерянности и помогли мне. Одним размашистым ударом полоснул по горлу ближайшему, как потом оказалось капитану. Кровь хлынула, словно из фонтана. Пока он, хватаясь за горло, падал и что-то невнятно хрипел, мой точный удар достиг и второй цели. Я стоял один посреди небольшого оврага, судорожно хватая воздух. Адреналиновая лихорадка не отпускала. Глазами искал, где пятый, где генерал, но не находил его. Воцарившуюся тишину нарушал только удаляющийся хруст веток...

Глава 23

«При отсутствии ориентиров, человек неосознанно забивает против часовой стрелки. Это связано с вращением Земли, а не от того, что у правшей, обычно, левая нога чуть короче», – вспомнились слова офицера по специальной подготовке. И чем мне эти знания сейчас могут помочь?! В какую сторону вращается эта планета, я не знаю. Информация по этому вопросу отсутствует полностью. Может, в университетах и преподают астрономию как науку, изучающую расположение, движение небесных тел, а может, до сих пор считают, что планета плоская...

Я на слух преследовал оторвавшегося от меня генерала. Везло, что он вместо того, чтобы затаиться, кинуть в противоположную сторону какую-нибудь ветку, создать негромкий шум, упрямо бежал прямо, не разбирая дороги.

Начинало светать. По моим расчётам мы, хоть и плутая, прошли почти весь путь и оставались считанные километры до выхода к дороге. Пришлось ускориться. Догоняя убежавшего генерала никогда б не подумал, что облачённый властью, привыкший к определённом уровню роскоши, создаст мне столько проблем. Именно его я считал самым слабым из всей группы, но оказалось – ошибся. Генерал бежал, словно вепрь, не разбирая дороги. Откуда только взялась та-

кая выносливость?! При движении в лесу скорость передвижения падает до полутора-двух километров в час, а я, с трудом поспевая за генералом, нёсся со скоростью не меньше чем четыре километра в час. Такой темп передвижения я держивал с трудом, но я молод, имеется кое-какая физическая подготовка, да и инопланетные подарки позволяли держать темп, а вот генерал – монстр какой-то!.. Вдруг впереди всё стихло.

«Неужели выбрался на дорогу?! Если так, то я его точно не догоню. По ней как раз должны проходить основные части и выскакивать – это нарваться на врага и пусть они не сразу поймут об этом, но потом мне не уйти».

Остановился. Передохнул немного, прислушиваясь, но по лесу разносился только слабый шум от качающихся верхушек деревьев.

«Всё! Упустил! Полночи гнаться и потерять в самом конце пути, когда считай, догнал!» – корил себя, сидя под деревом. От досады, чуть не зарыдал. Когда, казалось, цель близка и остаётся всего лишь шаг... и тут всё потерять. Подобное чувство разочарования я испытал на соревнованиях, когда вот-вот, думал, дожду соперника. Тот дважды побывал в нокдауне... остаются последняя минута третьего раунда, и я... пропускаю прямой в челюсть. Сила удара была невелика, но точному, резкому, хорошо поставленному удару большая сила и не нужна. Во время оглашения победителя, стоял со слезами на глазах в центре ринга. Понимал, что сам виноват,

рано праздновал победу, рано расслабился, но тут-то, в чём моя вина? Бежал изо всех сил, не жалея себя. Руки рассечены, лицо исцарапано ветками...

Сзади раздался слабый треск. Обернулся и тут же, пригнувшись, спрятался за деревом. В десятке метров от меня кто-то едва шёл, прихрамывая на одну ногу. Сердце забилось сильнее. Я замер, стараясь определить, кто идёт. Может, это выживший из другого отряда ординарцев, брошенный на произвол судьбы отвлекать отход генерала. Может, это раненый Канториец бредёт, не разбирая дороги, лишь бы выйти из леса, не зная, что дорога, к которой он держит путь, полна врагов.

Затаил дыхание, ожидая, когда неизвестный пройдёт место, где я укрылся и выскочил, напав сзади. В любом случае, либо это Сенарец, либо Канториец, лучше пусть придёт в сознание связанным.

Ударил тычком открытой ладонью по затылку и принял обмякшее тело. Скинул с себя ремень, обмотал руки. Стал развязывать ремень поверженного, чтобы зафиксировать ноги, как лежавший ничком что-то забормотал.

«Хм. Быстро пришёл в себя, хотя я и не хотел калечить, а тем более убивать. Удар произвёл дозированно, но... что он бормочет?»

Перевернул на спину и не сразу узнал искажённое гримасой боли лицо генерала Фок Генса.

– Ты что творишь, солдат?! А ну, развяжи немедленно!!! –

бормотал он. Как понял, генерал не видел, кто напал на привале и принял меня за слетевшего с катушек бойца.

– Успокойтесь, господин генерал. Вы взяты в плен гвардейцем Его Величества Императора Страниса Первого лейб-сержантом Валео Мирони. Обещаю, если не вынудите, обращаться с вами с должным почтением.

Повисшая пауза была в лучших традициях Станиславского. Генерал, не отошедший от полученного удара, ещё плохо соображал. Часто моргал, щурился, пытался встать, но нарушенная координация не позволяла подняться на ноги.

– Генерал, вам надо посидеть. Возьмите воды, хлебните.

– Как? Ты же гонец от...

– Я убил одного из солдат, завладел формой и прибыл в расположение, – пояснил, смотря, как от удивления расширяются глаза генерала. Его реакция была мне понятна. Скорее всего, такой ход впервые реализован на этой войне.

– Откуда так хорошо знаешь язык?!

– Обучался, в своё время, – ответил уклончиво, держа открытую фляжку с водой. – Как выбрались из ночной засады?

– Так это твои люди были?! Ты их навёл на нас! – Отвечать не стал, зачем? – ...я говорил капитану, что для сопровождения набирать солдат с других отрядов опрометчиво. А он мне, видите ли, людей жалко!

– Вероятно, он своих людей пожалел.

– Какая разница!!!

Смотрел на генерала, произведшего на меня первое впе-

чатление как опытного боевого офицера, кто служит не за деньги, ни за почести, а по зову чести и долгу совести. Но его высказывания о подчинённых стали для меня откровением. Как говорится, смерть одного человека – это трагедия, смерть тысяч – это статистика. Ладно, каждый потом ответит за свершённые поступки...

Связывать ноги не стал. Идти всё-таки далеко, потому что выбрал путь не по дороге, а параллельно ей через лес, чтобы не было видно и слышно, если вдруг генерал изволит чудить, а побега я не боялся.

Немного придя в себя, генерал поведал, что вместо того, чтобы убегать, он спрятался невдалеке в кустах, а шум, за которым я так упорно шёл, издавал какой-то зверь, напролом шедший к своей неведомой цели. Мне несказанно повезло, что генерал вышел именно на меня, а не разминулись где. Он, оказывается, недолго думая, двинулся по уже проторенной дороге. Всё-таки плутать по ночному лесу неприятное занятие, а так, какой-никакой, а путь имеется и в нужном направлении. Он рассчитывал выйти к дороге и встретить основные части, что вполне логично, но на его пути оказался я...

– Гвардеец! – тяжело выдохнул генерал, усаживаясь на пенёк.

– Устал?

– Отпусти меня. Такие великолепные солдаты как ты нужны Его Императорскому Величеству Тонгиссу Второму.

Лично я прослежу, чтобы тебе за спасение офицера вручили высшую награду Империи! У тебя будут деньги и почёт. Если захочешь, получишь гражданский чин и станешь сановником.

– А дом на берегу моря?

– И дом! Если захочешь, я свой отдам вместе с прислугой.

– И бочку варенья, и корзину печенья, – прошептал, но генерал меня услышал.

– Зачем варенье? У меня виноградники свои! А винный погреб... все знатные семьи Империи считают хорошим тоном иметь в своих запасниках пару дюжин бутылок вина с моих виноградников!!!

– Тогда почему не сидишь дома, не занимаешься виноградниками, не пьёшь вино в мире и спокойствии?

– Я солдат! Вся моя семья, начиная с прадеда на воинской службе...

– Тогда зачем предлагаешь мне, такому же солдату, дававшему присягу предать своего Императора?! – перебил генерала.

– Но он же...

– Не такой, как ваш? Так посмотри, у меня те же две руки, две ноги, голова, как и у тебя! Да, мы разные, но и одинаковые одновременно. Чем думаешь, Ваш Император лучше нашего? – я не на шутку распалялся, а генерал, видя моё возбуждение, попятился, отползая назад. – Ты и я солдаты. Предложи тебе предать Императора в ту, первую нашу

встречу, ты, что бы сделал? Молчишь?! Так ответ очевиден – расстрелял бы...

– Нет. Сначала пытали, потом повесили, – перебил генерал. – Это у Канторийцев расстреливают. У нас вешают.

– Тогда зачем весь этот разговор? Давай, вставай. Пошли. Тут немного осталось. К полудню должны дойти.

– Не дойдём, – ухмыльнулся генерал, – Сантория окружена, по крайней мере, по плану к рассвету этого дня основные части должны быть у её стен.

– Думаешь, меня это остановит?

– Можешь убить меня. Но приказа на отмену штурма я не дам и при первой возможности или сбегу, или...

– Не сбежишь. А это «или» оставь при себе. Когда назначен штурм?

Генерал только отрицательно покачал головой.

– Есть много способов развязать язык: отрезать по фаланге пальцев, вставить раскалённый клинок в... но я обещал, что буду обходиться с почтением. Так что не заставляй меня изменить данное слово.

– С первыми лучами солнца, – быстро заговорил генерал, смотря за тем, как я вынул из ножен клинок. – Если выслана помощь в Прочноокск, то завтра на рассвете она как раз только в это время подойдёт к стенам станицы и со стопроцентной уверенностью не успеет вернуться назад.

«Прочноокск! – озарило меня, – зачем идти в Санторию, если есть дорога соединяющая Санторию и станицу и не та,

по которой сейчас стройными рядами идут Сенарцы, а другая, по которой сейчас спешат на помощь наши войска в осаждённый Прочноокск».

– Вставай! Пошли!.. Не туда!

– Сантория в той стороне.

– Мы возвращаемся в Прочноокск...

Полковник Мигнес нервно ходил из стороны в сторону. Вчера утром у стен Прочноокска обосновалась многотысячная армия неприятеля, с ходу попытавшаяся взять укреплённый район. Самоотверженная оборона и вовремя предупредивший разъезд, заметивший приближение передовых частей сделал своё дело, позволил отразить первый натиск. Предпринятые в течение дня атаки также отбиты, но ситуация превращается в катастрофу. Станицу берут в кольцо.

Полковник судорожно ходил, ожидая доклада очередного разведывательного дозора. Если кольцо замкнуто, то остаётся только одно – держаться. Высланные в разные стороны в первые минуты боя гонцы предупредят, что Сенарцы предприняли очередную попытку завладеть югом Империи, но придёт ли к ним помощь – неизвестно. Офицеры Генерального штаба не могли и представить, что летняя кампания настолько затянется. Некоторые части ушли на переформирование и доукомплектование, некоторые расположились на зимних квартирах, а сенарцы, возьми да выступи крупными силами по стратегически важному направлению.

– Господин полковник, разрешите?

– Входи капитан... Да не тяни, докладывай!

– Станица окружена, – подобрался капитан Нетрис, – возможно, кому из гонцов удалось прорваться через кольцо окружения, но быть уверенным в этом я не могу.

– Ординарец! – выкрикнул полковник, а когда в комнату заглянул солдат, приказал, – собери всех офицеров! Капитан, не стой столбом, присаживайся. Скоро утро и сенарцы вновь пойдут в атаку.

– Будем обороняться?

– У тебя другое предложение?

– Нет.

– Так что спрашиваешь очевидное?! Другого выхода у нас нет. Будем надеяться, что хоть кто-то добрался до Сантории. Но рассчитывать на это... Ладно, сейчас соберутся остальные, обсудим план обороны.

– Разрешите, господин полковник?..

В тускло освещённое помещение входили офицеры.

– Итак, все собрались, – убедившись, что присутствуют все командиры, заговорил полковник, – скоро утро. Не надо быть провидцем, чтобы рискнуть предположить о скором начале штурма. Под стенами станицы собрались большие силы. Первый натиск отбили, но разведка докладывает о прибытии подкрепления, хотя, скорее всего, вчера мы отражали атаки лишь передовых частей. Теперь нам предстоит сражаться с основными силами, а их, по скромным подсчётам,

не много ни мало – около ста тысяч. Силы не в нашу пользу, но мы будем обороняться, а не атаковать. Капитан, что с фортификационными укреплениями?

– Господин полковник, – поднялся заместитель, – за ночь успели восстановить две трети протяжённости. Южная сторона пострадала сильнее. Её изначально толком и не успели обустроить. Теперь там образовалась брешь, и заделать её не успеем.

– Понятно, – кивнул полковник, – что с ранеными?

– Тяжелораненых немного, – доложил начальник медицинской службы, – всем оказана помощь. Кто может вернуться в строй, вернулись в части. Господин полковник, медикаменты на исходе.

– Знаю. Ничем не могу помочь. Гонцы не вернулись и, сразу скажу, что с большой долей вероятности помощи не будет.

Повисла пауза.

Полковник всматривался в лица своих подчинённых, но ни капли страха в измученных лицах офицеров не заметил.

– Значит, так. План обороны кардинально менять не будем. Гвардия под командованием капитана Нетриса переходит в резерв и под моё прямое командование – это первое. Второе – беречь порох и пули. Ждать, когда враг приблизится и только тогда открывать массированный огонь. Третье – вчера конница противника не принимала участие, так что следует ожидать её появления. Будьте внимательны, мы

уже сталкивались с тяжёлыми конниками и били их. Лучшая цель – кони. Они менее защищены и легче попасть. Всадник без коня не так страшен...

Закончив давать указания, полковник распустил офицеров, а сам вышел на свежий воздух. Оставались последние мгновения тишины. Солнце медленно поднималось на небосводе, а дым от прогоревших костров, туманом, стелился по земле, скрывая место предстоящего сражения. Полковник нахмурился. Он ожидал услышать крики команд, ржание лошадей, лязг оружия, но тишину нарушало только пение птиц.

Мигнес поднялся выше на бруствер, но в предрассветной мгле различались только множество едва тлеющих костров.

– Господин полковник, господин полковник, – рядом запыхавшийся стоял капитан Нетрис, – сенарцы ушли!

– Что?!

– Первая линия докладывает, что не видит врага. Ни людей, ни лошадей!!!

– Может, отошли вглубь, спрятались в лесу?

– Я послал проверить.

Мучительно тянулось ожидание. Полковник не находил себе места и не понимал, почему враг, доказавший свою силу, отступил без боя. Следующего натиска оборона могла и не выдержать, помощи ждать не откуда...

– Господин полковник!!! – подбежал ординарец, – с южной стороны по дороге походным маршем движется колон-

на!!!

– Кто?!

– Неизвестно. Всё в пыли, штандартов не видно!

– Капитан, поднимай своих и... за мной!

То, чего так боялся полковник, случилось! Проклятые сенарцы нашли брешь в обороне и ночью всеми силами обошли станицу и теперь, сосредоточив численное превосходство, пойдут в атаку на самом незащищённом участке обороны. Передислоцировать войска, оголять другие участки полковник не решился и вместе с гвардейцами двигался к образовавшейся брешу.

«Сначала надо точно удостовериться, что на других участках никого нет», – думал полковник, скача к южной оконечности станицы. Его уже обогнали гвардейцы капитана, но и не дело командующего быть впереди своей армии.

– Что там? – не сходя с коня, бросил полковник, вглядываясь, как из-за холма, лавиной, движется целая армия. Предраассветное утро не давало возможности рассмотреть ни форму, ни знаки различия, а поднятая на дороге пыль, затрудняла сосчитать количество. Но что войско значительно превосходит силы обороняющихся, сомнений не было. Ручеёк медленно приближающегося пылевого облака растянулся на многие сотни метров, и не было и конца и края тянущейся вереницы спешащих к станице солдат.

– Не разобрать. Далеко ещё, – ответил Нетрис.

– Они идут в походном порядке или я ошибаюсь? –

недоумённо спросил полковник, продолжая всматриваться вдаль. При вступлении в бой с марша, движение в походном порядке допустимый вариант, но на месте командующего сенарцами, полковник уже давно бы отдал приказ перестроиться в боевой порядок. Терять время на перестроение, когда до стен предназначенного для штурма населённого пункта остались всего пара сотен метров – преступная халатность.

– Так точно, господин полковник!

– К бою. Огонь не открывать! – скомандовал Мигнес, ожидая очередного подвоха со стороны проклятых сенарцев.

– Вроде наши?! – вдруг раздался радостный вопль одного из бойцов первой линии.

Глава 24

«Что произошло? Почему темно? И как голова болит!!!», – размышлял, придя в сознание. Попробовал пошевелиться – связан. На глазах повязка, а во рту кляп. Чувствую, что меня куда-то везут.

Помнил, что вместе с генералом вышел из леса на дорогу и... всё, дальше ничего не помню! Хотя, нет. По дороге шли солдаты. «Неужели ошибся!!! – мелькнула мысль, – и вместо того, чтобы встретиться с кентарийцами, нарвался на сенарцев?!».

Стал прислушиваться, но до меня долетали только неразборчивые обрывки фраз. Ехали быстро. От тряски меня стало мутить. Вдруг резко остановились, и я сильно приложился плечом обо что-то твёрдое. Меня рывком подняли и поволокли, а потом бросили на что-то очень холодное. От сильной головной боли не понимал, на каком языке говорят, да и в гомоне, где смешалось конское ржание, гбвор сотен людей ничего не разобрать.

Безумно хотелось пить. Попробовал напрягать мышцы рук, чтобы понять, можно ли освободиться, но узел связанных сзади рук оказался надёжным. Оставалось только ждать. В голове то и дело вкрадывались нерадостные мысли, что это конец. Что попал в лапы сенарцев и теперь, как когда-то го-

ворил генерал, меня сначала будут пытаться, а потом повесят.

Я лежал на чём-то холодном и чтобы немного отвлечься от дурных мыслей, погрузился в медитацию. Постепенно биение сердца успокоилось, вернулось в нормальный ритм, дыхание выровнялось и через неосознанное блуждание, до меня стала доноситься знакомая речь. Я встрепенулся, выходя из медитативного состояния, прислушиваясь. До меня, едва слышимо, доносилась канторийская речь. Попробовал языком вытолкнуть кляп – тщетно. Я извивался, корчился, мычал, стараясь привлечь к себе внимание.

«Надо предупредить, что основные силы противника ушли от Прочноокска и движутся к Сантории, если уже не у её стен», – кричало моё сознание...

– Ишь ты! Как вовремя пришёл в себя! Его как раз полковник требует, – раздалось над ухом. Я продолжал мычать, мотать головой, пытаюсь хоть снять с глаз повязку, но её наоборот ещё туже завязали.

Шли, ну как «шли» – меня тащили, что не касался ногами земли довольно долго.

Скрипнула дверь, меня втащили внутрь помещения.

– Господин полковник, доставили! Как докладывали, во время движения в Прочноокск, двое сенарцев вышли на дорогу, один из них, – меня пнули ногой, – кинулся на офицера, что-то кричал непонятное. Ну, так мы их заломали, связали...

– Понятно. Развяжите, – перебили доклад.

– Он буйный, господин полковник.

– Развяжите. Нас тут много, ничего не случится.

– Ну, он троим нос сломал, и двоим руки повредил. Может... Слушаюсь!!!

От яркого дневного света заслезились глаза. Руки кольнуло от прилива застоявшейся крови, хотел закричать, что являюсь гвардейцем Канторийской армии и надо срочно выступать к Сантории, но вместо членораздельной речи из уст вырвалось только мычание. В горле пересохло, язык распух и не слушался, а глаза продолжали слезиться. Я судорожно махал руками, знаками пытаюсь объяснить, что я свой – гвардеец.

– Что с ним? Он не припадочный?

Собрав волю в кулак, с трудом подчиняя распухший язык, медленно, по слогам прошептал: «Во-ды».

Поднесли кружку, и я с жадностью к ней приложился. По телу приятно растеклась влага. Вы пробовали не пить воды полдня, а потом вдоволь напиться? Так и я не мог утолить жажду, глотал и глотал живительную, до дрожи на зубах ледяную воду. Не заболеть бы.

– О-о-о! Благодарю! – ответил на канторийском наречии.

– Ты кто? Откуда? – офицеры оживились.

Глазами искал капитана Нетриса, но его в помещении не было.

– Разрешите представиться, – заговорил, принимая более менее подобающий для доклада вид, – лейб-сержант гвар-

дии его Императорского Величества Страниса Первого Валео Мирони. Согласно приказу был в разведке. В ходе проведённой операции мной уничтожено не менее пяти офицеров противника и захвачен в плен генерал Фок Генс.

Кто-то подавился чаем, а полковник замер с открытым ртом, но я продолжал:

– Из допроса генерала мне стало известно, что основные силы противника концентрируются возле Сантории, там планируется главный удар. Возле Прочноокска был отвлекающий манёвр, но это лучше расскажет генерал, надеюсь, он жив?

Я замолчал, обводя взглядом собравшихся в тесной комнате. Недоверие, удивление, непонимание, всё это читалось в глазах офицеров.

– Господин полковник, вы меня не узнаете? – зашёл с другого края, – я Валео, у меня ещё было письмо с рекомендацией от энца Роилы Донса для зачисления в гвардию.

– Капитана Нетриса сюда, живо!!! И приведите второго пленного, – пришёл в себя от шока полковник. Как я его понимаю! Приходит тут неизвестно кто, сообщает невероятную новость, переворачивая с ног на голову все планы, обнажая допущенные просчёты и стоит, улыбается.

– Господин полковник, разведка вернулась, – вошёл капитан Нетрис, – сенарцы покинули окрестности Прочноокска.

– Знаем, – ответил кто-то из офицеров.

– Узнаёшь его?

Я стоял возле стены, и меня от входа не было видно. Капитан развернулся, и наши глаза встретились. Никогда не думал, что способен на такой прыжок, но жить захочешь и не так извернёшься. Капитан узнал меня и, не раздумывая вынул клинок из ножен, и хотел уже воткнуть в моё брненное тело, но реакция и сноровка не подвела. Лезвие воткнулось в стену.

– Ах ты, предатель!!! – с криком капитан вновь занёс клинок для атаки.

– Отставить!!! Капитан, объяснитесь.

Готовый к атаке капитан остановился. Клинок замер возле моей шеи.

– Этот, так называемый «гвардеец», будучи командиром отделения, был отправлен мной для разведки дороги. Но он, бросив своих солдат, сбежал, обрядившись в иноземную форму! Но велико провидение и вот он здесь!!! Господин полковник, согласно Уставу за предательство его необходимо казнить перед строем и прошу оказать мне честь, поручив мне лично исполнить приговор.

Я судорожно сглотнул, осторожно отводя от себя упирающийся в моё горло клинок. Ещё ненароком дрогнет рука и всё – прощай Валька.

Дверь распахнулась, и в помещение втолкали второго пленного. На генерала было жалко смотреть. Грязный, местами в разорванной одежде, лицо измазано копотью и сажей, но главное взгляд – понурый и обречённый.

– Господин полковник, позвольте представить – генерал Сенарской армии Фок Генс собственной персоной, – заговорил, отшагивая от возбуждённого капитана, – и не смотрите, что на нём форма лейтенанта. Он с группой из приближённых офицеров, лесами, пробирался к Сантории, чтобы возглавить наступление. Но...

– Это правда? – обращаясь к пленному, перебил меня полковник, а один из офицеров заговорил на сенарском наречии, обращаясь к генералу. Когда прозвучало имя «Фок Генс» пленный встрепенулся, приосанился, и гордо подняв голову ответил:

– Я – командующий экспедиционным корпусом генерал Фок Генс. Обманом вам удалось меня пленить, но это не изменит ситуации, уже сейчас стотысячная армия его Императорского Величества Тонгисса Второго атакует Санторию и в ближайшее время, в этом я не сомневаюсь, город падёт!!! Пусть цена – это моя жизнь, но я солдат и готов к смерти!

– Значит, правда, – выдохнул полковник, – немедленно подготовиться к маршу на Санторию, выступаем через час! В Прочноокске остаётся первая рота. Господа офицеры, пришло наше время, необходимо максимально быстро дойти до Сантории и сходу вступить в бой. Там остался лишь охранный гарнизон, до вечера они не выстоят...

Пленного генерала увели. Полковник отдавал команды и, получив приказ, офицеры покидали помещение, казалось, что обо мне забыли. Я хотел осторожно выйти, чтобы не ме-

шаться, но полковник остановил:

– Лейтенант Мирони, оставайтесь.

– Извините, господин полковник, но я лейб-сержант.

– За мужество и героизм, а также проявленную смекалку, думаю, Император своим повелением присвоит тебе чин офицера, а уж рапорт с прошением я составлю, не сомневайся. Ладно, подробности потом расскажешь. Остаёшься в Прочноокске, приведёшь себя в порядок, отдохнёшь. Всё, иди, не до тебя сейчас.

– Разрешите просьбу, господин полковник?

– Просьбу? Ну, давай, герой.

– Позвольте выступить вместе с гвардией к Сантории.

– Похвально-похвально. Другого и не ожидал. Хорошо, ступай в распоряжение, я распоряжусь о тебе...

Идти в форме врага по поднятому по тревоге лагерю то ещё приключение. Меня первый же встреченный боец остановил, навёл оружие, пытался арестовать, но вовремя подошедший ординарец полковника вызволил из неприятной ситуации. Ну, не драться же со своими же сослуживцами и не бежать, тем более и бежать-то некуда.

– Завидую тебе, гвардеец... – ординарец попался словоохотливый, всю дорогу пытался меня разговорить, но отвечать на хвалебные речи у меня не было сил. Имелось только одно желание – добраться до расположения. Узнать, как там моё отделение, как там братья, все ли добрались и почему на меня, только узнав, набросился капитан?!

Не доходя до избы, где квартировал наш взвод, ординарец, не дождавшись от меня вразумительных повествований о походе в тылу врага, быстро ретировался, оставив меня одного. Набрав воздух в лёгкие, переступил порог дома и тут же в дверном проёме столкнулся с Занаром. От неожиданности отпрянул назад. Дверь затворилась. Дёрнул ручку, постучал – послышалась возня и лязг оружия.

– Эй, не дурите!!! Это я – Валео Мирони, гвардии лейб-сержант...

– У-у-у, сенарец проклятый! Ща я ему заряду промеж глаз!!! Отворяй, – послышалось из-за двери.

– Не дурите, говорю, – только успел крикнуть, отскакивая в сторону, как раскатистый грохот выстрела разнёсся по станции. На шум сбежались соседи и меня вновь связали...

– Развяжите, – мельком глянув на меня, бросил прибывший на шум капитан, – готовьтесь выступать. Гвардия выдвигается первым эшелоном. Телеги проверить не забудьте. Пешим ходом не успеем...

Через полчаса я сидел на телеге в окружении своих друзей. Именно «друзей», а не «сослуживцев» или «подчинённых». Война дело такое, что обнажает, возводит человеческие отношения на другой, совсем иной уровень, когда брат может оказаться врагом, а сосед молча отвернётся и пройдёт мимо, не протянув руку помощи, но Друг – никогда не останется в стороне и придёт на помощь.

– ...а мы тебя, прости, в предатели записали, – после мо-

его короткого рассказа, задумчиво произнёс Вентр, – когда ты ускакал, мы тебя подождали немного, а потом, что? Делать нечего, вернулись на поляну. Там никого, догнали наших. Им тяжело пришлось, раненых-то на руках нести. Когда добрались до станицы, что говорить, где командир? Капитан и сделал вывод, что переметнулся гвардеец. Самолично грозился тебя расстрелять, если попадётся.

– Не переметнулся я, а коварный план выполнял.

– А я тебя и не признал сразу, – ухмыльнулся Занар, – открываю дверь, а передо мной сенарец стоит. Форма в крови, лицо в грязи. Я с испугу-то и назад. Говорю, сенарцы пробрались!!! Ты, это, не сердчай.

– Не сердчаю. Мне б поспать часок. Ехать осталось немного, а сил уже нет. Двое суток на ногах по лесам скакал. Только в холодной и отдохнул немного.

– Отдохни. Ты только зря форму не передел, хотя в этой суматохе интенданту не до тебя. Ладно, спи. Тут может часа три осталось. Как к окраине Сантории подъедем, растолкаю.

Форму не то что специально не сменил, но и вправду, не до этого было. Как только разобрались, что я не предатель, попал в объятия друзей. Но и толком поговорить удалось только во время езды. Хорошо, что не пешим маршем отправили, а на подводах, всё-таки ума у офицеров хватило, чтобы понять: полдня пешим маршем на пределе сил, а потом в бой ни один солдат не выдержит, а нам к вечеру надо быть у Сантории. Со слов генерала утром начался штурм и

нам как никогда раньше необходимо преодолеть расстояние, которое пешком проходили за несколько суток, за один световой день.

Как только примостился удобнее, закрыл глаза, так сразу провалился в сон. Мозг, работавший на пределе своих сил, требовал отдыха, и он его получил. Будто только что бодрствовал, а сейчас наступило приятное забытье сна.

– Мирони, вставай! Валео!!! – проснулся рывком, словно прошла всего пара минут с того момента, как уснул. – Прибыли.

– Где мы? – непонимающе осмотрелся. Смеркалось. Караван стоял в лесу, но впереди виднелся просвет. Значит, из леса не вышли, остановились оценить обстановку, что вполне логично. Наученный горьким опытом окружения под стенами Прочноокска капитан не рискнул сходу выскочить на открытое пространство, а предусмотрительно остановился невдалеке, под прикрытием леса. Странно, что сенарцы не перекрыли эту дорогу, но, может, я что-то проспал, и секреты противника успели обезвредить...

– Строиться! – по цепочке пронеслась команда. И правильно, нечего шуметь в лесу.

Окинул взглядом спешивающуюся колонну. Насчитал полсотни подвод, это примерно полтысячи человек. Мало. Радовало только одно, что за нами шла основная сила. Мимо проходил капитан, отдавая команды. Я к нему:

– Господин капитан, разрешите разведать. Я в форме се-

нарцев, пройду, – не скажу, что во мне разыграла гордость, и героизм в пятой точке зашевелился, но шанс использовать форму противника, а тем более, многие видели, что я, будучи ординарцем по имени Вентори, был откомандирован в свиту генерала, могло сработать.

– У тебя час. Как раз подойдут основные силы, – коротко ответил капитан.

Собирался недолго. Только взял с собой наградной клинок и углубился в чащу леса. Выходить по дороге посчитал неразумным, всё-таки лесами шли, якобы, а что не с той стороны выйду, так заплутал, отбил от свиты генерала...

На опушке меня окликнули. Остановился.

– Кто таков? – крикнули из-за куста.

– Капрал Вентори, ординарец командира батальона капитана Устансиса, – ответил на сенарском.

– Подойди!

– Не помню я тебя в свите капитана, – пробурчал вышедший из-за укрытия старый вояка.

– Так меня почти сразу к генералу в ординарцы определили, я при штабе посыльным...

– А здесь что делаешь? Ваши сейчас ночную атаку готовят, а ты по лесам бродишь.

– Так я говорю, при генерале был. Но разминулись. Они дальше пошли, а меня отвлекать погоню оставили. Вот, смотри, какой клинок в бою раздобыл.

Сколько бы человек не было в охране, но продолжать

разглагольствовать становилось опасным. Старый вояка явно что-то заподозрил, и мне ничего не оставалось, как атаковать. Клинок тихо выскользнул из ножен, со звоном рассёк воздух, описал круг и пронзил сердце старого вояки. В кустах вскрикнули и я, зигзагом, метнулся к укрытию, а там... там прошло легче, чем предполагал. Двое вальяжно лежали, расположившись на удобном, умело сделанном лежаке, даже не удосужившись держать рядом готовое к бою оружие. Один только и успел навести на меня ствол мушкета, но сухой щелчок предательски возвестил об отсыревшем порохе...

«Это передовой дозор. Значит, скоро выйду к расположению», – думал я, осматривая поле скоротечного боя. Ничего интересного и нужного себе не нашёл, да и использовать с убитых солдат вещи, явно неподходящие по рангу выглядело бы подозрительно. Двинулся дальше и в скором времени наткнулся на ещё одного солдата, тот справлял нужду. Я сделал вид, что делал то же самое и двинулся дальше примерно в том направлении, откуда по моим предположениям пришёл солдат. Из леса вышел, отряхиваясь и пройдя несколько метров меня окликнули.

«М-да! Организация охранения на высоте, нечего сказать. Не прошёл и совсем чуть-чуть, как в очередной раз напоролся на пост охраны».

– Свои! – ответил, приближаясь. Стояли двое: среди них я узнал сержанта Томсина. Наши взгляды встретились...

Глава 25

– Надо же! Живой!!! – воскликнул Томсин, останавливая вскинувшего мушкет бдительного солдата. – Это действительно свой. Он, как и я, ординарец у капитана Устансиса. Вентори, как добрался?!

От радостного вопля я опешил.

– Как видишь, с трудом. Еле живым выбрался, – ответил с опаской, косясь на направленный в мою сторону мушкет.

– Ладно, пошли со мной, покажу, где расположились. Выходили наши ребята, те, кого к генералу определили, но поодиночке. Тебя тоже отвлекать оставили?

– Да. Не знаю, сколько блуждал по лесу... – я шёл за сержантом, отвечая на вопросы, одновременно запоминая, где установлены посты и дозоры, расположение шатров, обозных телег. – Мне б умыться, – остановился возле бочки с водой.

Углубляться в расположение вражеских войск не хотел, потом ещё выбирайся, а время-то идёт.

– Дойдём, умоешься, и форму сменишь. Я как знал, как знал, комплект приберёг, а нашивки уж сам пришьёшь. Скоро ребятки хитрую вещь соорудят и на штурм. Отбиваются защитники, себя не жалеют. Хоть и видят, что дело для них гиблое. Смотри, сколько народа под стенами собралось, не

то, что под Прочноокском...

– А утром, почему не взяли?

– Сначала генерала ждали, потом полковник Чекмесс командование принял. Говорит, ждать боле нельзя. Пошли на штурм, разведали огневые позиции и вот сейчас готовят из брёвен передвижную стену. Машина такая, ого-го!!! Враз к стенам целый батальон подойдёт, а дальше уж...

Жалко мне было верного служаку, но и отпускать его – весь смысл моей вылазки пойдёт насмарку. Выждав момент, ударил резко, без замаха – нокаут.

– Ты, прости, сержант, но ты по ту сторону, я по эту, – тихо бормотал, связывая сержанта. Побрызгал водичкой, вроде пришёл в себя. – Ты не кричи, а как начнётся тут, сам поймёшь, что – ползи куда-нибудь под телегу или лучше в овражек и притворись мёртвым. Смотришь и выживешь.

Надо было видеть расширившиеся от удивления глаза Томсина, когда последнюю фразу произнёс на канторийском наречии. Говорить он не мог, только мычал, кляп я добротный ему засунул.

Выбирался той же дорогой, как шёл с сержантом. Перебросился парой фраз с бдительным солдатом и вновь нырнул в лес, сославшись, что живот прихватило...

– Господин капитан, лейб-сержант Мирони, разрешите доложить.

– Давай без пафоса. Время дóрого и опоздал на полчаса, думал, что сгинул, герой, – капитан ухмыльнулся, но быстро

вернул серьёзный тон разговора, – докладывай.

– Возле Сантории примерно половина корпуса. Тяжёлые конники у восточной стены. У северной, прямо по ходу, расположился батальон пешего строя. Готовят ночную атаку.

– Ночью на штурм?!

– Они какую-то инженерную хитрость хотят применить. Начнут, думаю, пока не стемнеет. Всё-таки время и их поджимает. Сходу не взяли, замешкались. Вот и форсируют события.

– Есть предложение? А то, смотрю, какими заумными фразами начал говорить, ты точно не из благородных?

– Предложение есть, – ответил, пропустив мимо ушей упоминание о происхождении. Не хватало ещё, чтобы начали доискиваться, откуда я такой взялся, – предлагаю в составе пары взводов, попарно или тройками проникнуть в расположение и потихому взять на ножи тех, кого успеем, а через полчаса, примерно, чтобы расширяющимся клином по двум направлениям восток и запад ударили основные силы.

– Гвардия!!! Готовься к штыковой! Я согласую план с полковником...

Капитан вернулся быстро, не успел и поправить клинок.

– Штыковую одобрили, но удар будет один, по центру. Гвардии приказано расчистить дорогу до стен.

«Почему полковник не рискнул одним ударом покончить с агрессором? Внезапность на нашей стороне, сил, ну, да, опасается, что сил не хватит», – думал, пробираясь знакомой

дорогой через лес.

Тишина. Вспомнился рассказ взводного на очередном разводе о китайских диверсантах, которые из-за халатности спящего дневального и дежурного по роте вырезали целое подразделение. Как потом узнал, много таких баек ходило, то о японских, то о финских, то о немецких и даже об афганских диверсантах, вырезавших целые заставы. Но поспрошав старшее поколение, порывшись в интернете, нашёл единственный зафиксированный факт успешного проведения диверсии: в семидесятых годах в Германии, возле города Лебах располагался склад боеприпасов. Там ночью был совершён налёт и по вине спящего постового вырезана караулка. Отдыхающих между пересменками убрали быстро. Похитили оружие и боеприпасы.

К чему я это?

Выходя из леса, дал знак своей паре подождать, пока проверю обстановку. И, что думаете?! Бдительный солдат, что на меня наставлял мушкет, мирно спит, прислонившись к телеге, а не прошло и получаса с того момента, как мимо него проходил.

Действовали тихо. Но только одно я не учёл – шатры были в бóльшей части пусты. Солдаты успели выдвинуться на позиции.

– Всё, больше никого, – прошептал Вентр, вытирая окровавленный клинок.

– Понял, – ответил, подавая сигнал к наступлению.

Основным ударным частям тихо из леса выйти не получилось, да и не было такой задумки. Когда со всех сторон из леса выходит батальон, а по дороге, набирая скорость, несётся подоспевшая конница, тут не до скрытности.

Готовящийся к штурму враг оказался застигнутым врасплох. Стройные шеренги смешались в перестроении, не успевая встретить несущийся на них конный клин. Звук боевого горна слился в непонятную какофонию, а наш пеший строй рвался к стенам Сантории.

– Вперёд!!! – подбодрил всё прибывающих солдат. Ещё пара сотен метров и нас уже ни что не остановит.

– Сто-о-й! Перестроение правым плечом к стене! Оружие наизготовку! – долетел до меня приказ офицера. Всмотрелся в указанную сторону. Оттуда доносился топот множества ног, скрежет металла и лошадиное ржание. Нам во фланг неслась тяжёлая сенарская кавалерия.

– За телеги!!! Шатровые шесты в руки и выставить вперёд!!! – выкрикнул, вырывая длинный шатровый шест из земли. Вокруг сплотились гвардейцы, знавшие не понаслышке, что такое тяжёлая сенарская кавалерия. Только слаженность действий, стойкость первых рядов остановит несущуюся лавиной смерть.

– Упереть конец шеста в землю! Стрелки!!! Залп по команде! – отдавал приказы, стоявшим возле гвардейцам. Мы оказались чуть впереди основных сил и нам первым принимать на себя страшный удар кавалерии.

– Стойм! Стойм! – орал, перекрикивая гул боя, а когда до столкновения оставалось менее десятка метров, прокричал, – За-алп!!!

Раскатистый грохот десятков мушкетов на мгновение оглушил. И без того плохую видимость ухудшил затянувшийся дым пороховых газов. Треск ломающихся шестов, лязг столкновения металла о металл. Что-то с силой ударило в грудь, отбросив назад. Дыхание перехватило. Чьи-то руки подняли и потащили...

Трудно дышать, будто на груди многотонная плита. Открыл глаза, закрыл. Темень такая, что невидно ни зги. Откуда-то издалека, приглушённо, доносятся голоса. Попробовал пошевелиться, но боль пронзила всё тело...

– Как он?

– Жить будет.

– Хорошо, пусть отдыхает.

Открыл глаза.

– Очнулся?! Ты не шевелись. Повязка тугая на тебе, потерпи, через недельку на ноги встанешь.

– Что со мной? Где я? – только и смог выговорить. Голова гудела, и ничего не помнил.

– В госпитале Сантории. Тебя едва отыскали. Только сегодня утром принесли. У тебя рёбра сломаны и головой сильно ударился, но ничего страшного. И не таких выхаживали.

– Где сенарцы?

– Ты поменьше говори. Вот, попей чуток. Я тебе и сам всё

расскажу. Не знаю почему, но лично полковник Мигнес распорядился от тебя не отходить, присматривать. Он вечером обещался зайти. А только что капитан Нетрис заходил, тоже интересовался твоим состоянием. Про сенарцев не беспокойся – разбили их. Пленных столько, что пришлось поле для них огораживать. Ну, ничего, помогут восстановить город, может, и отпустят их. А ты лежи, лежи.

Я глотал тёплый бульон и слушал рассказ приставленного ко мне медика. Оказывается, я пролежал на поле боя почти сутки, хорошо что кровоточащих ран не было, и не скончался от потери крови. Сначала не поняли, кого отыскивали, определили к раненым пленным, форма то у меня была сенарская, но один из гвардейцев узнал меня, доложили капитану, потом известие дошло до полковника и сейчас я лежу в отдельной, хоть и маленькой палате госпиталя. На мне тугая повязка во весь торс, что трудно руками шевелить и перебинтована голова. Но раны заживут. Рёбра хоть и сломаны – сильный удар получил в грудь, но лёгкие не повреждены, значит, перелом закрытый, а голова, так пройдёт.

После полудня забежал капитан Нетрис и с порога набросился:

– Очнулся!!! Лежи, лежи, герой. Тебя уж и похоронить успели, но молодец, выжил! Сколько ребят спас...

– Как спас? – не понял я.

– Так это ж твои первый удар конницы на себя приняли и выстояли. Грамотно сделал, хвалю! Мы как раз успели пе-

рестроиться и встречным огнём опрокинули неприятеля.

– У вас учился, – и, видя непонимание, продолжил, – под Прочноокском видел, как вы оборонялись примерно в таком же положении, вот и вспомнил.

– Ах, ну да. Ладно. Вечером я с полковником ещё раз зайду.

Наступил вечер. Я в нетерпении ожидал прихода офицеров. Терзали меня смутные сомнения, что полковник что-то замыслил. Если бы хотел наградить, так дождался моего выздоровления, ну, или через капитана передал. Хотя, сколько можно наград получать? И так, вся грудь в крестах: орден, наградное оружие, обещан офицерский чин. Именно последнее меня и смущало. Может сейчас придёт, скажет, что извини, Валео, не получилось с офицерским чином, прими ещё орден или краткосрочный отпуск, на родину. Не понаслышке знал, командующий гарнизоном в чине полковника имеет право своей волей награждать отличившихся, но вот про отпуск это я, конечно, размечтался. Не нужен мне отпуск, возьму деньгами...

– Та-ак, как тут наш герой? – в палату вошли трое. Двоих я знал: это полковник Мигнес и капитан Нетрис, а вот третий вошедший... чин капитана, но держится особняком, форма добротная. Сразу видно, что сшита на заказ.

– Ты лежи. Не буду ходить вокруг да около, перейду сразу к делу. Через пару дней медики разрешат тебе вставать и сказали, что длительную дорогу сможешь выдержать, если

сильно не напрягаться...

«Ну, точно. С чином не получилось, в отпуск отправляет», – думал, слушая монолог полковника.

– ...сегодня утром прибыл гонец из самой столицы, это как раз он, представляю капитана Сантерса. Мной получено высочайшее повеление Императора нашего, да продлятся его дни, направить в Императорский дворец самого отличившегося в боях солдата, или офицера. Долго к единому мнению приходиться не пришлось, все отличились, но один гвардеец Его Величества, особенно. Господин капитан, представляю вам лейб-сержанта, представленного к званию лейтенант – Валео Мирони. Это именно он отличился под Прочноокском, пленил генерала Фок Генса и проявил не дужее бесстрашие и героизм в последнем бою у стен Сантории.

– Я читал ваше представление, полковник. И обязуюсь его передать. Он благородный? Почему двойное имя?

– Нет, – ответил за меня капитан Нетрис, – он призван из провинции Роднас, рекомендован в гвардию лично энцем, а имя, так в рекомендательном письме указано двойное, данное при рождении.

– Роднас, Роднас, Вроде припоминаю, это не вотчина энца Роилы Донса?

– Именно так, – вмешался в разговор.

– Ну, что ж. Кандидат подходящий. Когда сможем отправляться? Путь не близкий. Добираться не меньше месяца, если не дольше. А приём назначен на последнюю декаду года.

– Я хорошо себя чувствую, думаю, выдержу дорогу, – видя замешательство, поспешил ответить. Всё-таки побывать в столице, встретиться с местной элитой... если получится, заведу нужные знакомства, хотя, что-то я размечтался. Приеду, наградят под звон фанфар, а потом опять, на фронт.

– Вот и хорошо. Через два дня выезжаем. И да, пленного генерала я тоже забираю. Хорошее представление можно устроить: солдат взял в плен генерала!

Подготовка к отъезду прошла как во сне. Я вставал, и голова уже не кружилась, но сдавливающая повязка доставляла неудобства.

– Готов к отъезду?

– Готов, господин капитан.

– Тогда садись в первую крытую повозку, поедешь вместе со мной. Дорога длинная и у нас будет время поговорить. А то капитан Нетрис столько о тебе рассказал, что я стал сомневаться в правдивости его слов.

Интересно, что такого обо мне рассказал капитан, чтобы не проколоться в мелочах. Но встретиться с офицером, попрощаться мне не удалось. Мельком видел Вентра, но тот был убит горем. В последнем бою погиб его брат Сентр, но в кутерьме сборов я так и не смог выкроить минуту, чтобы поддержать его и попрощаться с верными гвардейцами.

Дорога. Ехать в крытой повозке, запряжённой шестёркой лошадей легче, чем скакать верхом, но скорость передвижения катастрофически не устраивала капитана.

– Плетёмся, как на базар. Так и не успеем к назначенному сроку! – ворчал Сантерса, но ничего поделать не мог. Караван из трёх крытых повозок с охранением ехал очень медленно. Как говорится, скорость движения определяется по самому тихоходному средству передвижения и этим самым тихоходным оказались повозки. Но ничего более подходящего для отправки ценного груза, коим являлся, как ни странно, генерал, в Сантории не нашли. Из-за этого капитан, кстати, оказавшийся не просто дворянином по крови, но и состоящим в списке престолонаследия не то в третьей сотне, не то во второй, сильно нервничал. Наши разговоры сводились к одному. Он учил меня этикету, рассказывал правила и негласные ограничения, принятые во дворце, чтобы я ненароком не оскорбил кого в высшем обществе.

На мой вопрос о спешке, капитан охотно поведал:

– Понимаешь, лейтенант, да не тушуйся, думаю, утвердят прошение полковника. Я и свои связи напрягу, если понадобится, но... Император наш сильно болел, неделями не появлялся на публике, и вот когда ему стало лучше, он повелел подготовить и провести большой приём, который уже очень давно не проводили. И приурочить знаменательное событие к какой-нибудь победе. Но сам знаешь, что побед особо нет. Летняя кампания не скажу, что проиграна, но часть территории Империи до сих пор находится под властью агрессора. А твой случай с пленением генерала – это очень хороший пример доблести и героизма. Так что не переживай, станешь

офицером. Лучше расскажи, как генерала-то пленил...

За время поездки я совсем оправился, рёбра срослись и от безделья чувствовал, что немного поправился.

– Верховом скачешь? – на одной из станции почему-то задал вопрос капитан.

– Есть опыт.

– К назначенному сроку не успеваем. Нам тут ещё два дня таким темпом ехать, а верхом за сутки доскачем. Берём верховое охранение, запасных лошадей, усаживаем генерала на коня и вместе скачем в столицу. Другого варианта успеть к назначенному сроку я не вижу...

Сутки в седле! Делая остановки только на смену лошадей, утомили не только меня, но и всех. Непривыкший к такой бешеной гонке генерал выглядел измотанным и не сразу в нём узнаешь бравого офицера сенарской армии, но надо отдать должное, он не роптал.

Моя пятая точка превратилась в сплошной синяк, а ноги затекли, что когда днём мы въехали в столицу и остановились у величественного здания дворца Императора, я чуть не упал с непривычки.

– Оставайтесь здесь, я доложу о прибытии, – лучше всех выглядел капитан, но и его долгая скачка измотала. Мы все в придорожной грязи, лица лоснятся от пота. Проходящие мимо разодетые дворяне ворчали, указывая на нас, но никто не посмел напрямую выказать своё неодобрение. Из доносящихся обрывков фраз услышал, что во дворце собрались

представители всех дворянских семей, дипломаты и высшая знать Империи.

– Что стоим?! Бегом за мной!!! Большой приём уже начался! – с чёрного входа выскочил капитан.

Глава 26

У эну Линессы замерло сердце, она смотрела, как её дядюшка поприветствовал собравшихся, как уселся на трон, и с каждой секундой ей казалось, что вот-вот их глаза встретятся, и он её призовет к себе, и спросит:

– Как ты, племянница? Давно не виделась. Что-то совсем грустная. Давай оставим всё и поедem в дальнюю резиденцию, там проведём всю зиму, а дела – подождут.

Эну Линесса очнулась от мечтаний. В зале, будто всё замерло, только звук чётких шагов нарушал тишину. Она посмотрела на своего спутника, но видя удивлённое и одновременно восторженное лицо энца Роилы, побоялась спросить, что только что объявил распорядитель мероприятия, а сквозь живой коридор шёл высокий, статного вида молодой человек. За ним, чуть поодаль, в окружении двух гвардейцев, сенарец. Они шли медленно, и эну Линесса успела внимательно изучить лицо шедшего впереди гвардейца: двухдневная щетина, следы мелких шрамов, уставший, но сосредоточенный и уверенный взгляд.

Процессия проследовала к трону и остановилась. Император выслушал доклад и призвал подойти поближе статного военного.

– Что, что там происходит?! – не удержалась, прошепта-

ла эну Линесса. Они стояли относительно недалеко от трона Императора, но сплотившиеся первые ряды мешали видеть, что происходит возле трона. До неё долетали только отдельные фразы, но разобрать, о чём идёт разговор, ей не удавалось.

– Докладывают об успехах на южном направлении. Генерала взяли в плен. И отличился тот, кто шёл первым и, кажется, я знаю, кто это, – возбуждённо ответил энц, не отрываясь от созерцания происходящего...

Эну Линесса начинала нервничать. Император произнёс речь, наступило время личных бесед с Императором, но она никак не могла ни подать знак, ни как-то обратить на себя внимание царственной особы. Всего лишь раз она поймала на себе неодобрительный взгляд эну Доанны, но ей было всё равно. Надо подойти ближе к трону и добиться личного разговора. Она уже придумала упасть в обморок, чтоб хоть как-то привлечь внимание Императора, но услышала повелительный голос одного из приближённых Страниса Первого:

– Энц Роила Донса?

– Да.

– Вас желает видеть Император. Пойдёмте.

«Вот оно!!! Её заметили, о ней помнят!!!», – кричало всё естество молодой эну.

– Я не один. Со мной спутница – эну Линесса.

– Хорошо, вместе со спутницей, – немного подумав, отве-

тил приближённый Императора.

Идя сквозь живой коридор, эну Линесса негодовала: «Это не о ней вспомнил Император! Это не её пригласили, а какого-то энца из провинции!».

– Ваше Величество! Энц Роила Донса со спутницей! – возвестил придворный.

– Дорогая племянница! – удивился Император, – быстро же ты нашла замену королю Миросу.

– Позволь дорогой супруг, – вмешалась эну Доанна, – эну Линесса ещё не знает, что получен официальный отказ короля от помолвки.

– Даже так?! Ладно, эти дела в прошлом. Энц Роила Донса, за то, что воспитали великолепного солдата, просите награду.

– Ваше Величество, я б хотел связать свою жизнь служению Империи. Готов исполнять Вашу волю, трудясь на славу Империи в любой должности.

– Понимаю. Желаете остаться в столице, – ухмыльнулся Император, – хорошо. Обсудим этот вопрос на сегодняшнем обеде. И да, присутствовать вместе со спутницей...

– Всё-таки я не ошибся!!! – эмоционально говорил энц после разговора с Императором, а эну Линесса негодовала: «Что случилось? Почему промолчала, почему не бросилась в ноги? Ах, да! Король отказался от помолвки, но почему? Я так страшна? Безродна? Недостойна занять место королевы?!».

– Не ошибся в чём? – прислушалась к речи энца, спросила эну Линесса.

– Так я тебе рассказывал. Тот, кто вёл пленённого генерала – это мой подданный, я даже сходил с ним в дуэли. Какой молодец! Не прошло и полугода, как...

– Ты дрался с ним из-за женщины?!

– Нет, что ты! Дуэль по правилам Кодекса. Он... он не умеет вести себя за столом.

– Он дворянин? Почему оказался с тобой за одним столом? – не унималась эну Линесса. Этот молодой лейтенант с мужественным лицом всё больше её интересовал, а как восхищённо о нём рассказывает энц, словно они равные, а не один из них является господином, а другой... – как его зовут, откуда он родом?

– Родом из Роднаса, Одна из моих дальних вотчин, а зовут его Валео Мирони. Хочешь, я его тебе представлю? Но где же он, что-то не вижу. Ладно, тогда после торжественного обеда разыщу.

«Торжественный обед! – встрепелась эну Линесса, – ей же надо переодеться! Как могла она забыть об этом!»

– Мне надо в свои покои, переодеться.

– Проводить?

– Думаю, не стоит. Зайди за мной через пару часов. Я буду готова...

Когда служанка возвестила о приходе энца, эну Линесса уже была готова. Сколько трудов и нервов ей стоило подо-

брать подходящее платье, неброские, но в то же время аккуратные аксессуары, знает только её верная служанка.

– Пойдёмте, энц. Я готова, – произнесла энцу, видя удивление на лице энца Роилы. Именно такого эффекта она и добивалась: одновременно и скромность в украшениях, но и роскошь подчёркивающего фигуру платья.

Всю дорогу до обеденного зала на них оборачивались, а кое-кто останавливался, провожая пару восхищёнными взглядами. Народа в холле оказалось на удивление много. Энцу Линесса не припомнила, чтобы официальный обед накрывали на столько персон. Значит, Император планирует придать событию не просто официальный статус, а и известить всех собравшихся о чём-то важном.

– Валео!!! – громко произнеся имя, энц направился к одиноко стоявшему офицеру. Линесса последовала за ним. Лицо этого офицера было ей вроде знакомо, но аккуратная стрижка, парадная форма... Точно, она вспомнила! Этот тот самый лейтенант, что первым предстал перед Императором.

– Так это действительно вы в одиночку пленили сенарца? – не удержалась, спросила Линесса. Он смотрел на неё, не отрываясь, не отводя взгляда. Его тёмно-карие глаза притягивали, но и одновременно пугали.

– Совершенно верно, – а какой у него приятный низкий голос.

– Надеюсь, как-нибудь расскажите? Думаю, увлекательное получится повествование, – всё-таки надо побольше раз-

узнать о нём.

– Да, Мирони. Завтра приходи ко мне. Я пришлю к тебе своего слугу, расскажешь о себе эну Линессе, да и мне будет очень интересно услышать. А то у меня спрашивают о тебе, а я толком и ответить ничего не могу.

– С большим удовольствием...

Двери обеденного зала распахнулись, ожидающих пригласили войти внутрь и занять места. Эну Линесса обратила внимание, что офицеры сидели за двумя отдельными столами, ближе к расположенному в центре на небольшом возвышении столу Императора, чуть дальше от них столы иностранных послов и вельмож, а столы дворян располагались по краям, образуя многогранник.

«Интересная расстановка, – подумала про себя эну Линесса. – Всё указывает, что главные на сегодняшнем обеде – военные. Ах, как жаль, что мы сидим так далеко от Императора!»

Прозвучали три официальных тоста и эну Линесса расслабилась. Официальная часть закончена. Теперь можно ждать смены блюд, чтобы попробовать договориться с кем из придворных о встрече с Императором. Вдруг разом в зале повисла тишина. Линесса взглядом искала источник возмущения спокойствия, как заметила стоявшего за столом к ней спиной офицера. Он что-то очень тихо говорил, но потом все сидевшие за его столом поднялись, а тишина стала гнетущей.

– Что произошло? – обратилась к энцу Линесса.

– Не знаю, но смотри. Император тоже встал со своего места и выпил стоя. Может это какой обычай в гвардии?.. Зачем встаёшь? Ни ты, ни я не военные.

– И что? Смотри, эну Доанна также выпила стоя! И другие, кто ближе к Императору тоже встают!!! Вставай со мной и пригуби вина. Лишним не будет.

«Как всё-таки наивен и одновременно неопытен этот энц Роила. Далёк он от придворной жизни. Но молодец, что выпросил себе место в столице. Хотя, кто этот, первый вставший офицер?». Эну Линесса пригляделась, и когда тот обернулся, узнала в нём лейтенанта Мирони.

«Опять этот Валео!», – у эну Линессы ёкнуло сердце.

– Энц, расскажи мне о том гвардейце, что пленил генерала. Ты говорил, что у вас была дуэль?

– Да, энц Роила, оказывается, у тебя был поединок с простолюдином?! – вступил в разговор один из сидевших рядом дворян, – почему не хвалишься своими успехами, сколько простоял этот Валео? Зная тебя, не дольше приоритетного права первого...

– Он победил, – тихо произнёс Роила, – после того боя я еле стоял на ногах, а он продолжал напирать. Не зря я в личном письме рекомендовал его в гвардию. Как думаете, почему ему удалось пленить генерала? Он хоть и не рассказывал о том случае, но, думаю, ему пригодилось умение и сила, которую я так опрометчиво не рассмотрел.

– М-да. Один из офицеров, с которым у меня деловые от-

ношения, рассказывал, что этот Мирони просто зверь. Убил в ближнем бою семерых и только потом догнал и пленил сбежавшего с поля боя генерала, а по нему не скажешь, что великий боец.

– То-то и оно, я тоже сначала не рассмотрел в нём бойца, а когда понял, с кем сошёлся в поединке, то было поздно.

– Может он бретёр¹³? – выдвинул предположение другой сосед по столу.

– Что вы всё об этом солдате?! – раздражённо вступила в разговор пожилая матрона, сидевшая рядом со своим великовозрастным сыном, – он же простолюдин.

– Да, простолюдин, но повелением Императора, возведён в чин лейтенанта. После этого, уважаемая эну, всего лишь шаг до наследуемого дворянского титула.

– Бросьте, уважаемый, как давно и за какие такие заслуги присваивали дворянский титул? Не помните, так скажу, это было ещё в первый год правления Императора нашего Страниса Первого, да продлятся его дни.

– Это верно, но не стоит забывать, что идёт война и много героев она даст нашей Империи.

– Только в случае, если мы победим, – вновь раздражённо ответила пожилая эну.

– Вы сомневаетесь?

¹³ Бретёр, устар. (фр. *bretteur* от *brette* «шпага») – заядлый, «профессиональный» дуэлянт, готовый драться на дуэли по любому, даже самому ничтожному поводу, в том числе за вознаграждение по замене одной из сторон.

– Уважаемые, – вмешалась в назревающий спор энцу Линесса, – завтра этот лейтенант приглашён к энцу Роиле. Думаю, и вам будет интересно услышать его рассказ, и познакомиться с героем.

– Верно! – оживился энц Роила Донса, – приглашаю вас всех завтра ко мне. О точном времени я сообщу через своего слугу, но вероятнее всего во второй половине дня.

– Я согласен, приду, – ответил сосед по столу...

Объявили о смене блюд, а это значит первый перерыв. Энцу Линесса встала из-за стола и целенаправленно направилась к одному из знакомых придворных познакомиться договориться о встрече с Императором. И ей удалось узнать, что Император планирует встретиться с энцем Роилой в пятом перерыве, но отдельно с племянницей у него встреча не запланирована. В этом молодая энцу видела происки энцу Доанны. Не зря до неё не довели, что король отказался от помолвки и её терзали сомнения, что задумала опытная в придворных играх энцу Доанна.

– Видел нашего героя! – восторженно заявил Роила, подошедшей энцу Линессе.

– Ты с ним разговаривал?

– Нет, не успел. Его пригласили для аудиенции с Императором...

Энцу Линесса не находила себе места. Она отказалась прогуляться по зимнему саду, ожидая возвращения приглашённых в зал, но место затронувшего её мысли лейтенанта ока-

залось пустым. С большим трудом, в нетерпении, она дождалась встречи с Императором. Энцу Роиле предложили место на государственной службе, в столице и её спутник, с гордостью и обожанием смотревший на неё, сделался несказанно счастливым.

Разговор с дядюшкой в очередной раз не получился и она в расстроенных чувствах, сославшись на плохое самочувствие, убыла в свои покои. Но долго не могла уснуть. Её мысли крутились вокруг статного офицера, получившего первым аудиенцию. Она только успокаивала себя, что уже этим вечером встретится с ним и получит ответы на так волнующие её вопросы...

В снимаемом энцем Роилой доме многолюдно. Эну Линесса прибыла заранее, но оказалась не в числе первых гостей. Довольный вниманием и что в доме собралось, и ещё соберётся много знатных дворян, энц Роила лучился счастьем.

– Уважаемые, примерно через час прибудет наш гость – лейтенант Мирони. Понимаю, что все собрались встретиться и поговорить с героем войны, но прошу, не забыть отведать приготовленных закусок, – говорил Роила, встречая очередных гостей.

– И вина, кстати, очень даже добротное! – выкрикнул уже повеселевший от обилия выпитого один из дворян.

– И вина! – поддержал реплику энц Роила.

Минуты тянулись, а слуга с ожидаемым гостем не воз-

вращался. Эну Линесса нервничала, не находила себе места, словно совсем девочка, ожидающая новогоднего подарка. В полное от гостей помещение вошёл слуга:

– Уважаемый энц Донса, лейтенант Мирони, согласно повелению Императора сегодня в ночь убыл в строевую часть...

Глава 27

Коридоры, лестничные пролёты, вновь длинный коридор. Возле двери капитан остановился. Нам преградил дорогу охранный караул в составе офицера и двух гвардейцев.

– Раздевайся! – чуть отдышавшись, приказал капитан.

– Вы забываетесь!..

– Слушай меня, или ты исполнишь приказ, данный именем Императора, или поедешь в такую глушь, что только добираться туда будешь полжизни!

– Но...

– Мирони, переодевайся!!! Живо!

Стоявший возле дверей лейтенант нехотя стал снимать мундир.

– Быстрее!!! Ждут только нас! Я предупредил.

– А генерал?

– Генерал останется в своей. Некогда его приводить в порядок, да и так эффективнее.

Под изумлённые взгляды гвардейцев, лейтенант разоблачился, а я натянул его форму. Она оказалась чуток мала, но если не делать резких движений, то можно пару часов и в ней походить.

– Значит так, слушай меня. Сейчас нас пригласят. Первым войду я, представляю. Потомходишь ты и медленно, понял,

медленно ведёшь генерала через зал к трону Императора...

– Может караул для генерала? – прервал, поправляя форму.

– Не перебивай! Хотя, да. Вы двое, идёте вместе с ним чуть сзади, по разные стороны от генерала. Всё, ждите. Я позову.

В этот раз ни раздетый офицер, ни гвардейцы не стали перечить, и я остался подле закрытых дверей, ожидая приглашения.

– Смотрю, тебя повысили?! – вдруг заговорил пленённый генерал. В дороге мне удалось присутствовать при разговоре капитана, который, как и я владел сенарским наречием, но это был первый случай, когда Фок Генс обратился напрямую ко мне.

– Разве в вашей армии за взятие в плен высшего офицера не полагается награда?

– Полагается, но это не только звание, но и нечто большее. Хотя, что свершилось, то свершилось. Думаю, больше не увидимся. Прощай солдат. Как не прискорбно признать, но в канторийской армии служат великие войны и даже мне, потомственному офицеру, не зазорно признать поражение, – произнёс генерал, чуть склонив голову.

– Благодарю, генерал. Со своей стороны рад, что такой опытный военный останется жить и, может, ещё послужит на благо родины, – я умышленно не уточнил, какой родины, Сенарской или Канторийской Империи. В эти минуты мне

вспомнился эпизод с пленением генерал-фельдмаршала Паулюса и последующим его выступлением на Нюрнбергском процессе. Может и здесь история повторится, кто знает.

Высокие в три человеческих роста двери медленно отворились. Я сделал шаг вперёд и на мгновение замер. Огромный, что не видно противоположного конца зал полон людей. Сотни, если не тысячи пар глаз устремлены на меня и... тишина. Стук шагов разносится эхом, приковывая внимание к процессии. Стараясь не смотреть по сторонам, иду, чекая шаг, но на отполированном до зеркальной ровности полу, получается это у меня с трудом.

«Не поскользнуться бы», – сбавляю темп. Тем более, капитан говорил идти медленно, может именно поэтому он и заострял на этом внимание.

По-моему прошла целая вечность, пока показался водружённый на обитом алым бархатом постаменте величественный, блистающий золотом и драгоценными камнями трон. На нём восседал немолодой мужчина с усталым, измученным болезнью лицом, но взгляд его оказался цепким и заинтересованным. По левую руку на выточенном, казалось, из целого куска дерева подобии большого кресла сидела женщина и внимательно слушала кого-то склонившегося над её ухом.

Оставалось пройти полсотни шагов, как тишину нарушил хорошо поставленный, громоподобный голос:

– Ваше Императорское Величество!!! Обороняющий юж-

ные провинции Империи полковник Мигнес докладывает об успешной проведённой операции по освобождению станицы Прочноокск и с величайшей радостью сообщает о разгроме армии агрессора под стенами Сантории. В ходе трудных боёв взят в плен генерал сенарской армии Фок Генс. В качестве сопровождающего пленного выступает гвардеец лейб-сержант Мирони, лично взявший в плен офицера. Полковник Мигнес...

– Я, кажется, отстал от жизни, – раздался голос Императора. Он чуть подался вперёд, внимательно меня рассматривая. – В армии изменена форма одежды?

Наша процессия остановилась всего в десятке шагов от Императора, и я всеми фибрами души ощущал исходящую от него силу и власть. И эта сила сковывала, заставляя впадать в ступор.

– Позвольте пояснить, Ваше Величество, – из первых рядов вышел капитан Сантерс. И дождавшись кивка Императора, продолжил, – прошение о присвоении чина «лейтенант» на гвардейца подано полковником и лично мной передано в канцелярию для...

– Оно рассмотрено и одобрено, – прервал Император, – не будем такой радостный день омрачать бюрократической волокитой. Подойди, лейтенант.

Я хоть и не из робкого десятка, но в первое мгновение растерялся. Вы когда-нибудь встречались с Президентом страны? Так вот и я не удосужился такой чести.

Сделал пару шагов вперёд, приблизившись к постаменту и остановился.

– Давно служишь, откуда родом?

– Ваше Величество, родом я из Роднаса, служу меньше года, – ответил коротко и чётко.

– Интересно, интересно. Ладно, твою историю послушаем потом, – Император перевёл взгляд на генерала. Тот стоял, гордо вскинув голову, смотря куда-то вдаль.

– Как с вами обращались? Устали с дороги?

Тут же появившийся рядом офицер перевёл генералу вопрос.

– Благодарю, – ответил генерал, – обращались хорошо. С дороги устал, пришлось провести в седле целый день.

Император подал знак и возле него склонился кто-то из придворных. Император говорил тихо, но до меня долетели обрывки фраз, из которых сделал вывод, что даются распоряжения по поводу обустройства быта генерала. Тот же придворный спустился с постамента и под конвоем генерала уехали, а я остался стоять, не зная, что делать. Бросил взгляд по сторонам и увидел, как капитан даёт мне знаками понять, чтобы я шёл к нему. Коротко поклонившись, отошёл в сторону.

– Молодец! Не оробел, а то тут и в обморок падали, только при первом слове Нашего Величества.

– Теперь всё, можно уходить? – задал интересовавший меня вопрос. Всё-таки неудобно себя ощущал в тесном мунди-

ре.

– Нет. Ты что! Сейчас остальные докладывать будут, но тут уже всё ясно, скорее всего, чтобы не позориться, откажутся от докладов. Или ограничатся представлением героических подвигов, но как узнал, ничего интересного больше не услышим.

– И часто так? – я недоумевал, как перед большим скоплением народа, в том числе гражданских и иностранных слов, раскрывать военные тайны.

– При Странисе Первом впервые. Но это того стоит. Слишком долго Император был далёк от дел, и необходимо показать всем, в том числе и подданным, что Император в полном здравии и дела Империи не так уж плохи, как говорят наши враги.

Мы стояли недалеко от постаментов в первых рядах. На себе чувствовал множество пронзающих, изучающих, любопытствующих взглядов, но пытался не обращать внимания, сосредоточившись на изучении противоположной стены.

Один за другим к трону подходили военные с докладом. Среди них был даже один генерал, но никто долго не задерживался и после короткого разговора уступал место следующему. Изредка ловил на себе одобряющий взгляд Императора, но чаще на меня обращала внимание сидевшая слева от него женщина.

– Что-то на тебя эну Доанна часто смотрит. Видимо, приглянулся ей, – ухмыльнулся капитан.

– Жена Императора?

– А кого рядом с Императором думал увидеть? Кстати, это именно она готовила большой приём и фактически управляла Империей во время болезни супруга. Так, вроде все доложили, сейчас начнётся самое интересное.

Не успел спросить, что сейчас начнётся, как распорядитель объявил:

– Подданные Империи и приглашённые!!! Говорит Император – Его Величество Странис Первый!

«Значит, самое интересное это речь Императора», – подумал я, оглядывая зал. Если честно, начавшуюся с пафосных слов речь о величии Империи слушал в пол уха. Мне уже надоело стоять, а после долгой скачки сильно болели ноги, но покидать зал капитан запретил.

Император говорил о подвигах, о скорой победе... говорил о многом и я уже предположил, что речь затянется на несколько часов, но опасения не оправдались. Закончив свою речь, Император уселся обратно на свой трон и о чём-то заговорил с придворными. Через некоторое время капитана подозвал кто-то из стоявших подле трона. После коротких фраз Сантерс вернулся.

– Пошли, тебе надо переодеться и привести себя в порядок.

– Зачем? – я надеялся, что всё, моя миссия закончена.

– Ты приглашён на обед после приёма. Заметь! Там будет присутствовать лишь малая толика тех, кто стоит сейчас в

переполненном зале. Не робей, я тоже там буду, подскажу...

Я-то думал, почему опекает меня этот капитан, а он, как нормальный честолюбивый дворянин, преследует свои цели, как-никак обратить на себя внимание во время большого приёма, потом присутствовать на обеде – хороший может получиться толчок в карьере, а то целый капитан, а всё гонцом при штабе, пусть и Генеральном.

– Времени предостаточно, – продолжал капитан, – успеем и отдохнуть, и форму тебе парадную найти. Но с этим лучше не затягивать. Пойдём сразу в охранный полк к командиру, я его знаю лично, поможет.

Через четыре часа я гладко выбритый, подстриженный по местной моде, облачённый в парадную форму стоял в большом холле, ожидая приглашения войти в обеденный зал. Капитан куда-то отошёл по своим делам и я, выбрав место у стеночки, рассматривал окружающих. Их оказалось не так уж и мало. Насчитал около сотни приглашённых к обеду. Хотя, время уже скорее не обеденное, а ближе к вечеру. Хорошо, что успел вместе с капитаном перекусить в караулке, а то из-за бешеной скачки целый день ничего не ели, и накидываться на еду, когда на тебя смотрят сотни пар глаз удовольствие не из приятных. Тем более, местному этикету я не обучен, подадут какое-нибудь блюдо и как с ним поступить? Смотреть, что делают соседи или ждать смены блюд? Понятно, что посадят меня не во главе стола, но и опростоволоситься не хотелось.

– Валео!!! – услышал знакомый голос, повернулся. Рядом стоял энц Роила и широко улыбался. Я чуть склонил голову в поклоне. Не знаю, как по этикету приветствовать дворянина. Всё-таки теперь я офицер, а не простой солдат, но и отдавать честь гражданскому лицу Уставом не предписывалось. – Брось, – энц протянул руку для рукопожатия. – Позволь представить тебя моей спутнице.

Только сейчас обратил внимание на стоявшую рядом с энцем девушку. Она была... великолепна!!! А её серо-зелёные глаза, словно омут, манили, не отпускали, приковывая взгляд.

– ...эну Линесса. Это Валео Мирони. Солдат, взявший в плен генерала. Об его подвиге сейчас только и говорят. С большим трудом мне удалось разыскать нашего героя.

– Так это действительно вы в одиночку пленили сенарца? «О, боже!!! А какой нежный голос у этого создания», – сглотнул подкативший ком.

– Совершенно верно, – только и смог выдать из себя глупый ответ.

– Надеюсь, как-нибудь расскажите? Думаю, увлекательное получится повествование.

– Да, Мирони. Завтра приходи ко мне. Я пришлю за тобой слугу, расскажешь о себе эну Линессе, да и мне будет очень интересно услышать. А то у меня спрашивают о тебе, а я толком и ответить ничего не могу.

– С большим удовольствием, – ответил с поклоном, не

отрывая взгляда от очаровательных глаз милого создания... Как же всё-таки повезло энцу!

От дальнейших расспросов спасло появление капитана и приглашение в обеденный зал. Меня, как и несколько десятков других офицеров усадили за отдельный стол, которых всего насчитал девять. По центру, как понял, стол Императорской семьи с приближёнными. По бокам два стола для офицеров. Я заметил, что высших офицеров усадили за один стол, а младший и средний состав вместе с единственным сержантом. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, но держался уверенно. Один стол предназначался для иностранных дипломатов, а остальные пять оказались заняты приглашёнными дворянами.

– Ты особо не налегай на еду. Узнал, что подготовлено двенадцать смен блюд.

– Это до ночи тут сидеть будем? – удивлённо ответил капитану. Я как-то читал, что при дворе Екатерины Второй праздничные обеды продолжались целый день, но чтобы и тут... Хотя, Империя везде Империя с одинаковыми причудами.

– Что ты! До утра! Каждая вторая смена блюд – перерыв. В соседних залах курительные комнаты, зимний сад, танцевальный зал и кабинет для личной беседы с Императором. Так что, рассчитывай свои силы и на спиртное не налегай, а то знаю я вас – гвардейцев.

Совет капитана принял всерьёз. Водку пить – это вам не

спортом заниматься, для этого здоровье нужно. На столе оказался обширный выбор спиртных напитков, но я не любитель сладких шипучек. Остановил свой выбор на «беленькой». Как таковой водки тут нет. Это только простолюдины пьют разведённый спирт, а здесь подали горькие настойки. На вкус – самогон, настоящий на травах, градусов так под пятьдесят. Не коньяк, но всё приятней. Как ещё успел предупредить капитан, в протоколе всего три общих тоста: первый – за здоровье государя Императора, второй – за здоровье государыни, третий – за процветание Империи, а дальше на усмотрение собравшихся.

Распорядитель мероприятия возвестил о первом тосте во славу царствующей особы. К моему удивлению, не успели толком закусить, прозвучал второй и третий тост, а не прошло и получаса с начала обеда, не успели произвести и одну смену блюд.

«М-да. Таким темпом до конца мероприятия никто не доживёт», – уже подумал я, поправляя стул. Мне пришлось немного привстать, чтобы его отодвинуть, но на меня тут же устремились десятки глаз. От неожиданного внимания меня покорило. Потянулся за налитой рюмкой. Благо, услуги-официантов хватало, и бокалы постоянно оказывались полны́.

– Господа офицеры и сержанты! Откуда я родом принято один тост посвящать тем, кого с нами нет. Перед отбытием в столицу я узнал о гибели своих сослуживцев, а сколько их

было и будет, неизвестно. Но в наших силах сделать так, чтобы их оказалось в десятки, если не в сотни раз меньше чем у нашего противника. Так давайте вспомним. Тихо, про себя произнесём имена тех, кто погиб на войне... – я продолжал стоять, сжимая рюмку в руках. Встал сидевший рядом со мной капитан, а затем все, кто был за моим столом, встали. В зале воцарилась тишина. Мы стояли молча, у одного из офицеров на лице навернулись слёзы.

Я опрокинул рюмку и уселся обратно. Кто-то ещё продолжал стоять, а по губам читалось, что он проговаривает имена погибших. Кто-то не смог сдержать слёз и рыдал, вытирая текущие слёзы платком...

Дальше обедали молча. Изредка распорядитель представлял кого из приглашённых, давая произнести короткую речь, но всё сводилось во здравие Императора и процветание Империи.

Объявили первый перерыв. Я уже откровенно скучал, и хотел пойти посмотреть, что это за курительная комната, как меня окликнули:

– Лейтенант Мирони, вас приглашает Император.

Стоявший рядом капитан икнул и тихо прошептал:

– Тебя пригласили первым!

Под внимательные взгляды я следовал за провожатым. Мельком увидел энца Роилу. Он стоял гордо вскинув голову и кивком головы подбодрил меня. Хотел глазами найти его спутницу, но мы шли быстро и я её не заметил.

Просторный, богато уставленный кабинет, в нём трое: за столом Император и двое его помощников или советников.

– Не знал, что в одной из моих провинций существует обычай вспоминать павших, – без предисловий начал Император.

– Ваше Величество, этот обычай устоялся совсем недавно, но у нас принято поминать павших третьим тостом, – ответил, смешав ложь и правду. Другого выхода из сложившейся ситуации я не находил. Не говорить же Императору, что этот обычай у меня на родине, но на Родине – планете Земля, в России.

– По протоколу третий тост – за процветание Империи, – произнёс придворный.

– Процветание Империи зиждется на прахе погибших в войне, Ваше Величество. И упоминание тех, кто отдал жизнь за её величие...

– Странно, – перебил Император, – вы меня всё больше удивляете, лейтенант. Хотите служить в моей личной гвардии?

– Ваше Величество, я солдат и моё место на поле боя. Со всем недавно я был всего лишь гвардейцем, сейчас лейтенант. Мои знания и умения больше пригодятся на полях сражений, а не в пыли дворцовых залов.

– Лейтенант! Ты забываешься, перед тобой Император!!!

– Оставь, Сихронс. Так ты желаешь вернуться назад, на фронт?

– Да, Ваше Величество. Моё место среди солдат.

– Два дня на отдых хватит?

– Никак нет! Готов отправиться немедленно, – вот тут меня понесло. Я видел, как на меня смотрят придворные, как они удивились, если не дерзости, с какой отвечаю Императору, так уверенности и умеренной наглости. Да и за то время, что предлагает Император провести в столице, я точно с ума сойду от непонятных встреч и предложений. А если, не ведая, поддамся соблазну и окажусь втянут в дворцовые интриги, то уж точно долго не проживу. Нет, уж. Лучше обратно, на фронт.

– Твоё желание, моя воля – Закон! Будь, по-твоему. Отправляешься немедленно. Предписание получишь по отбытию... Удачи тебе, лейтенант.

В обеденный зал я больше не вернулся. Убыл в ночь с предписанием прибыть к генералу Тонатосу, командующему армией, дислоцированной на северном направлении обороны Империи.

июнь 2021